

ПИОНЕР

ФЕВРАЛЬ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1964 г.

«Колбы» Большой химии

Вот в таких гигантских «колбах» творит Большая химия свои чудеса. Здесь в огромных заводских масштабах повторяются те процессы, которые родились и были изучены в лабораториях ученых. Новые синтетические материалы, каучук, спирт, гербициды пойдут отсюда в разные концы нашей страны.

Снимок этот сделан в Башкирии, на Новоуфимском нефтеперерабатывающем заводе. В Башкирии за последние годы построено 40 таких гигантов. Недаром ее называют республикой нефтехимии.

Фото Л. Шерстенникова.

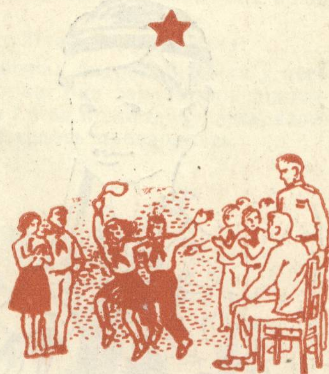
ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Советской Армии 46 лет!

Как отметить этот день в отряде?

Устройте встречу с теми, кто сегодня служит в Советской Армии, или с бывшими солдатами и офицерами. Необязательно проводить ее с президиумом и речами. Покажите гостям лучшие номера вашей художественной самодеятельности, спойте вместе хорошие солдатские и пионерские песни, поиграйте. Неплохо бы сделать чай или кофе.

Обязательно поздравьте с праздником родителей советских воинов, которые живут в зоне пионерского действия отряда. А если в вашем отряде есть братья и сестры военных, то поздравьте и их.

И, уж конечно, не забудьте поздравить ваших учителей — бывших фронтовиков, бывших бойцов.

Быть может, кто-то из учеников вашей школы погиб, защищая Родину. Если в школе нет мемориальной доски с их именами, сделайте ее.

В годовщину Советской Армии журнал «Пионер» посылает во все отряды позывные:

«БИП... БИП... БИП... БИП...!»: Они доносятся с 25-й страницы. Ну-ка, откройте ее!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1964

№ 2 ФЕВРАЛЬ

Повесть о славных делах Волли Круусса и его верных друзей — покорителей Метсайыги

Вал. РУШКИС

(Продолжение)

Рисунки Н. Носкович.

Глава, которая кончается плохо

Конечно, Волли ни минутки не раздумывал, приходить на стройку в воскресенье или нет. Сказано было— «не обязательно», и точка. Только бы дождик не помешал, а то на озере и спрятаться негде...

Но в субботу вечером отцу почему-то пришло в голову спросить, как идут дела на строительстве. Волли, конечно, рассказал и о плывуне, и о спешке, и о завтрашней работе, затеянной директором.

— Пойдешь? — спросил отец.

— Что ты! Даже Андрес не пойдет, а ведь он председатель!

— А вот мы от воскресников никогда не отказывались...

— Неужели и в воскресенье лезть в эту глину?

— Это уж ты решай сам, как подскажет гражданская совесть.

Странно, на уроках Волли раньше подсказывал Андрес, а теперь Юта и другие соседи. А вот гражданская совесть ему, кажется, ни разу ничего не подсказала. Молчала она и сейчас, хотя на душе стало тревожно и муторно.

Минут пять он прислушивался к своей совести, а потом улегся спать: черви-то накопаны, что ж им, пропадать, что ли? Вот на утренней зорьке он...

Впрочем, утреннюю зарю Волли попросту проспал. Конечно, это было обидно. Но, с другой стороны, нужно же когда-то выспаться! Волли не автобус, чтобы ему всю жизнь ходить по расписанию. Осенью рыба клюет и днем, сейчас он побежит на озеро...

Не тут-то было! Одно дело — убежать на рассвете, пока сестренки еще спят. А теперь попробуй отвяжись от них. Вся коллекция смотрит на Волли блестящими глазенками. Обе дошкольницы сегодня не в детском саду, а дома, обе сидят на полу, и одной из них, кажется, пора сушить штаны. Первоклассница Лийзи, из-за которой Волли чуть не начали дразнить обезьяной, заметив, что брат поднялся с постели, пристала:

— Синие волосы красиво, да? А почему не бывает? Мари говорит, что не бывает, и еще дерется!

Тут Волли увидел, что волосы у куклы уже выкрашены чернилами. Заодно в синих разводах физиономия самой Лийзи, и ее руки, и платье...

— Марш мыться! — скомандовал Волли. И повернулся к Мари:— Ты-то что смотришь? Такая большая!

— Большая! Большая! — подтвердила Мари.— Возьмешь на озеро?

Ох, просто несчастье! Чтобы отвязаться от Мари, пришлось пойти на хитрость. Волли пообещал показать, как кружка приклеивается к потолку. Старая, конечно, шутка. Но сестры еще маленькие, не знают. Волли влез на стол и полную-полную кружку воды приставил к потолку. Потом велел Мари принести метлу, упереть палку в донышко кружки и немного подержать — пусть приклеивается. А сам слез со стола и убежал. Жалко, конечно, держать ей надоест, обольется. Но что поделаешь, должна же быть личная жизнь и у Волли!

Убегая, он услышал за своей спиной дружный рев сестренок. Знал, что долго горевать они не станут. Ревели они только, пока надеялись задержать брата, а если уж он все равно уходил, умолкали. Волли проверял это не раз.

Проверил и сегодня: подойдя со двора к окошку, он услышал, как все уже смеются над мокрой Мари. Характер у них был неплохой, удобный, такой же, как у Волли: за весь день, проведенный на озере, он ни разу даже не вспомнил ни о школе, ни о стройке.

Да и в понедельник Волли свернул к речке совсем не для того, чтобы успокоиться. Просто, если там совсем ничего не сделано, можно будет поострить, даже изобразить в лицах, как Эви и директор вдвоем строили свою электростанцию.

Но как был удивлен и огорчен Волли, когда он подошел к Метсайыги! Сделанного за воскресенье нельзя было не заметить: в котловане появились де-

ревянные сваи, отчетливо наметившие будущие стены. И надо же было Волли пропустить самое интересное! Если бы его хоть предупредили, что будут ставить сваи, он не пошел бы на озеро. Тем более, что клев был неважный. Попробуй пойми, когда на стройку стоит ходить, а когда нет.

Теперь, пожалуй, не Волли будет смеяться, а, наоборот, как бы самого его на смех не подняли!.. Так и есть, долговязая директорская Юта уже заметила его.

— Прогулял, Круус, да? Прогулял? — смеялась она.— А тут как интересно было!

— Понимаешь, страшно разболелся живот,— вдохновенно соврал Волли.— Не знаю, как сегодня на уроках высижу.

— Очень больно? — встревожилась Юта.— А градусник ставил?

— Буду я еще с градусником возиться!

— Ты отпросись с уроков и сходи в медпункт.

— Ладно, уж как-нибудь вытерплю,— с видом мученика сказал Волли. Эх, если бы ему все так легко поверили!

Просто жаль, что живот нисколько не болит. Правда, если вот здесь посильнее нажать пальцем, что-то чувствуется. И вообще живот какой-то круглый. Может быть, даже раздувшийся...

Волли и в классе старался сохранить мрачный вид. Правда, Андрес, который знал своего бывшего друга получше, чем легковерная Юта, узнав о страданиях Волли, скорчил ехидную рожу и сказал: «Круус рыбой объелся!» Но больше никто над Волли не смеялся.

Только где-то внутри, в самом Волли, вдруг заговорил совершенно незнакомый голос. Даже во время урока он говорил такие неприятные вещи, что Волли стало не по себе. Вот все строят понастоящему, а он?..

Волли начал ерзать на парте. Если это подсказывает гражданская совесть, так уж лучше бы она молчала!

Он поднял руку.

— Уже решил? — удивился Пихлакас, отнюдь не избалованный успехами этого школьника.— Молодец! Ну, Круус, что у тебя получилось? Что ты нам скажешь?

— Разрешите выйти? — сказал Волли.

Класс дружно рассмеялся. Только Юта заступилась за нашего героя.

— Как не стыдно,— говорила она,— у человека болит живот, а вам смешно!

Но у человека весь день болела душа. После уроков Волли решил взяться за работу как следует. Он станет забивать сваи, это стоящее мужское дело! Вот так, покрепче возьмемся за эти ручки...

— Круус, не путайся под ногами,— сказал Калью Таммепыльд.—Иди носить сваи.

Конечно, носить сваи тоже кому-то нужно... Волли вместе с другими ребятами притащил одно бревно с заостренным концом, потом второе... Но когда все пошли за третьим, Волли стало скучно. Он пробежался по насыпи, дернул за косу какую-то девчонку, крикнув: «Разве так трамбуют? Вот как нужно!» Выхватил у нее трамбовку, сделал пяток ударов — и опять заскучал.

Вернувшись к котловану, он издали помог сваебоям ухать. Словом, его рабочий день уже вошел в обычное русло, когда Волли заметил у себя под ногами трещину.

Длинная, извилистая трещина шла вдоль всей стенки котлована — той самой, откуда выбивался плывун. И вдруг Волли показалось, что трещина эта расширяется, растет. Он присмотрелся: да, глина чуть заметно ползла.

— Обвал! — во всю глотку закричал Волли. Схватив первую попавшуюся доску, он ринулся вниз, в котлован, навстречу оползню.

Сомнений не было: стенка шевелилась. Волли приложил свою доску к этой стенке, уперся в нее руками, но разве удержишь такое!

Увидев все это сверху, с края котлована, директор школы взялся рукой за сердце. Сейчас там, внизу, погибнет один из его учеников. На Волли обрушится глыба глины, вся стена котлована. Она похоронит его.

— Назад! — крикнул Юхан Каэр.— Назад!

Но к Волли уже подбежал Андрес. В руках у него было бревнышко-подпорка. Они заколотили подпорку, уперев ее в сваю, и глина приостановилась, словно раздумывая, что ей теперь предпринять.

А унылый дядька все еще держал стенку.

— Дети, отойдите оттуда! — скомандовал Юхан Каэр. И все ребята, кроме Волли и Андреса, отбежали подальше. Кто-то бросил сверху вторую доску, Волли схватил ее и тоже упер в стенку.

— Подпорки!.. Бросайте сюда подпорки! — крикнул Андрес.

— Осторожнее! — предупредил сверху директор.

А Волли успел подумать о том, что всем директор кричит: «Дети, отойдите!», а ему: «Осторожнее!» Вон как! Правда, Волли думал об этом не потому, что был таким уж храбрым: просто он не представлял себе, насколько велика опасность. Он все держал свою доску, и это ему уже начинало надоедать. Что ж он, так и останется стоять вместо подпорки?

Он оглянулся. Совсем рядом оказался какой-то незнакомый взрослый человек в кепке, хмуро глядевший на все вокруг.

— Что же вы стоите? — упрекнул Волли.— Держите-ка вот здесь!

— Я? Здесь? Держать? — удивился незнакомец.

— Конечно! У вас силы больше! А я побегу за подпоркой.

Незнакомец сердито посмотрел на Волли, пожевал губами, словно хотел еще что-то сказать, но повиновался.

Выбежав из котлована, Волли взглянул вниз. Теперь ребята подавали сверху доски и жерди, а физик Пихлакас, Андрес, Юри и Калью тащили их к стенке и ставили упоры. Они торопились. Пихлакас даже споткнулся в спешке, проехался по лужам на животе и теперь поднялся в таком виде, словно его только что вылепили из глины. Это было уже смешно, а не страшно. Опасность миновала.

Волли решил больше не торопиться и начал разглядывать чужого унылого дядьку, который все еще стоял в углу котлована, как приклеенный. Конечно, теперь он боится отойти. Вот, мол, я отпущу, а стенка на меня свалится. Совсем как сестренка Мари с кружкой воды, приставленной к потолку...

Хорошо бы сейчас всем отойти и посмотреть, сколько времени этот дядька будет держать стенку, которая больше не валится. Потеха!

Но Юхан Каэр ничего потешного здесь не видел. Стенку укрепили, но все могло обойтись и не так благополучно. Хорошо, хоть заметили эту трещину... А какие все мокрые, перемазанные!.. И снова накрапывает дождь... Беда!

И как худшая из бед прозвучал голос незнакомца, выбравшегося наконец из котлована:

— Товарищ Каэр, если не ошибаюсь? Будем знакомы: Пауль Киви, инспектор.

Этого еще недоставало! Вот не вовремя принесла его нелегкая!..

— Очень рад,— сказал Юхан Каэр.

— Это возмутительно! Так вы передавите всех своих воспитанников! — прошипел инспектор.— Вы понимаете, чем это пахнет?

— Понимаю,— угрюмо отозвался директор. И громко скомандовал школьникам: — На сегодня хватит, ребята. Можно разойтись.

— Нужно бы еще прочистить канаву, чтобы вода не копилась,— подошел к директору Пихлакас.

— Завтра прочистим,— отозвался Каэр.— Вот, знакомьтесь, это инспектор Киви...

— Вальтер Пихлакас,— учтиво поклонился физик, протягивая инспектору свою глиняную руку. Но Пауль Киви не пожал ее. Круглыми от возмущения глазами он окинул глиняный пиджак физика, его глиняный нос и подбородок, с которого тоже капала глина.

— Это педагог? В таком виде? — тихо спросил инспектор у директора. И гневно воскликнул, широким жестом указав на все окружающее: — И это называется трудовым воспитанием? Это политехнизация школы? Стыдитесь! Чему вы учите детей, да еще рискуя их жизнью? Навыкам работы топором и лопатой? Это — элементарное ремесленничество, давно осужденное нашей педагогической наукой. У вас не строительство, а безобразие! Прекратить!

Глава о хозяевах Метсайыги

Только вечером, рассказывая дома про обвал, Волли вдруг спохватился: да ведь это именно он спас котлован! Вот когда все должны были ахнуть! А ему и слова доброго никто не сказал. Вместо этого, пожалуй, попадет от инспектора, которого Волли поставил в угол. Вот и слушай свою гражданскую совесть, вот и совершай подвиги — все равно их никто не замечает! Нет, если уж не везет, так не везет!

Но на другой день выяснилось, что Волли немного ошибся. Правда, когда он вошел в класс, ахать никто не стал, но зато Андрес сидел на своей прежней парте, рядом с Волли.

— Что-то опять стал плохо видеть,— как ни в чем не бывало сказал он Волли.— Попросился у Эви на старое место, к старому другу. Не возражаешь?

Это было здорово! Пожалуй, ради одного этого примирения и то стоило подпирать стенку!

— Ладно уж, сиди! — великодушно разрешил Волли. Не кричать же: «Как я рад, как я рад!»

Других радостей этот день не принес. Инспектор Пауль Киви «разбирался в делах», учителя заседали и совещались. Юхан Каэр чувствовал себя совсем больным, хотя и перемогался. Юта по секрету рассказала в классе, что он жаловался Пихлакасу: «Ездят тут всякие сухари толченые, все нервы с ними испортишь...»

Ближе к вечеру Эви Калдма, войдя в шестой класс, где она была классным руководителем, объявила:

— Сегодня уроков труда не будет, на строительство не пойдем.

— Почему? — спросил Андрес.

Эви объяснила, что вопрос о строительстве «разбирается». Потом, стараясь улыбаться, хотя это ей плохо удавалось, Эви напомнила ребятам, что у них запущены многие пионерские дела. Тимуровцы, например, давно не были у своих подопечных. И хорошо бы сегодня же проверить, не нужно ли комунибудь из одиноких и многосемейных что-нибудь починить или напилить дров. А то зима на носу.

И вечер пришел удивительно тихий. Впервые за много дней идти на строительство было незачем.

В доме Паю в тот вечер разговоры шли не о танцах, а о музыке. Лилли, встретив супруга, радостно сообщила ему:

— Альберт, стройка у них, кажется, лопнула! Рауль опять сможет брать уроки музыки!

— Это правда? — спросил у сына Альберт Паю, удивленно подняв брови.

— Разве я когда-нибудь врал? — в тон ему, поотцовски подняв брови, сказал Рауль. И слегка покраснел, потому что память у него была хорошая.

Но вдруг ему стало грустно. Рауль вспомнил мамины наставления, бессонницу, нудные часы за пианино, гаммы, певчую Рястас... Почему-то рядом с гаммами в его воспоминаниях оказались те злополучные яблоки... А мускулы? Рауль уже начал было гордиться своими мускулами, каждый день ощупывая их, даже отцу давал потрогать. Страшно подумать, что станет с этими бицепсами без тренировки!

Вийу Ныгес.

Правда, он и сегодня мог бы сходить к какой-нибудь старушке, потренировать мускулы возле ее поленницы. Андрес даже звал его с собой: ребята отправились на гору, к Вийу Ныгес. Но тимуровские дела в уговор Рауля с отцом не входили. Он отказался. Раньше ему всегда бывало хорошо и дома, одному.

А вот теперь чего-то недостает. Чего же? Как странно!..

Тем временем Андрес, Айме, Харри и Волли уже расправлялись с дровами Вийу Ныгес...

На этот раз старая Вийу была приветлива и даже улыбалась, обнажая редкие, желтые зубы. И своего страшного пса Тукса она сумела успокоить: Вийу любила, когда на нее работали. Конечно, она считала пионеров дураками: приходят к ней батрачить и совершенно бесплатно. Ну, ей-то от этого только польза, пусть помогают...

Из окон ее большого дома были хорошо видны речка и школьная стройка. Старую Вийу всегда раздражало, когда ребята копошились на берегу. Это был ее берег. Когда-то она, Вийу Ныгес, была хозяйкой Метсайыги, на которой теперь, не спросясь, хозяйничали школьники. Она не могла простить им этого. Она полжизни трудилась, она сгорбилась ради этого большого своего дома и куска земли над рекой. А эти мальчишки и девчонки даже не знают об этом, их это не интересует! Ишь, пришли на готовенькое!

Вон тот, тощенький Харри, сын соседки, что в медпункте служит, еще ничего. Мать у него сумасбродка: то не накормит, то из дому выгонит. А Вийу его немножко приучает, даже подкармливает иной раз... Пускай попасется, может, удастся вернуть заблудшую овцу в стадо Христово... Он читает ей разные книги божественные: думает, глаза у нее ослабели. А это Вийу о нем печется, хочет, чтобы ему в душу запало «слово истинное».

Вот и сегодня она успела шепнуть, тайно, чтобы другие не услышали:

— Приходи, Харри, почитаешь мне!..

Сказал «приду». Ну и слава богу и хорошо. Все хорошо: и работают на нее совсем даром, просто по глупости, и стройку свою они забросили. Теперь все их бревнышки весной уплывут в озеро. Сколько раз Вийу говорила, что не получится у них ничего! Правда, она говорила об этом только Эмме Рястас, своей двоюродной племяннице, что живет у нее. И еще Туксу: он ведь тоже все понимает, только что говорить не может...

Тукс даже умнее Эммы: никогда не спорит со старой Вийу. А Эмма нет-нет да рот и разинет... Бездельница: ей бы только петь... Всю жизнь пропела, а нынче живет у Вийу в квартирантках. То ли дело сама Вийу — такой дом нажила! Собственный!

Ох, трудно было наживать этот дом! Потом еще всякие напасти посыпались: одна власть, другая, третья... Война... В конце войны муж погиб. Здесь же, в Метсакюла. Он все старался быть к немцам поближе, старался им угодить. А когда те уже убегать собрались, не угодил чем-то. Сами немцы его и убили. Тогда Вийу плакала, много плакала. А теперь, когда оглянешься, видно, что все хорошо получилось. Останься он в живых — и дом могли отнять, и самих выгнали бы, пожалуй. Вон кое-кого из хозяев выселили. Вийу Ныгес — другое дело, вдова человека, убитого гитлеровцами. Хоть не любят ее — это она знает, не любят! — а все же заботятся. Вон пионеры дрова пилят...

Что бы им такое дать покрепче, потяжелее, чтобы не так они смеялись и радовались? Были ведь здесь где-то пеньки, суковатые, твердые...

— Вот, ребята, я тут еще нашла три чурбанчика, распилите-ка...

С той же своей застывшей улыбкой на лице Вийу Ныгес с помощью ребят выкатила свои корявые пни. Она ненавидела этих детей. Может быть, она завидовала людям, которые что-то делали вместе. Даже себе самой она никогда не призналась бы в этом, потому что это было слишком страшно. Приятнее было думать, что все завидуют ей, хозяйке большого дома и злой собаки.

— Вот спасибо вам, вот молодцы! — приговаривала Вийу, глядя на работу пионеров.— Быстро-то как! А мельницу свою бросили, значит?

— У нас не мельница, а гидростанция,— поправил Андрес.

— Как ни называй, все равно водой крутит. Бросили, говорю, строить-то?

— Нет,— поспешно ответил Андрес, хотя ничуть не был уверен, что их стройка не остановится. Кому другому сам Андрес начал бы жаловаться на инспектора, на плывун, на дожди. Кому угодно, только не Вийу Ныгес.

Харри.

— Для кого же вы ее строите? — спросила Вийу.

— Как для кого? Для себя! Это будет наша электростанция! — сказала Айме.

— Ишь, хозяйка какая...

Сказать бы им сейчас: «Как так, по какому праву? Земля-то моя!» Но как скажешь? Земля давно числится за совхозом. Эти молодые, пожалуй, и не поймут. А ведь эта мельница могла принадлежать ей, Вийу. Построй она себе такую — разбогатела бы, всех соседей подмяла бы под себя. Поднялась бы высоко, не достанешь!

Нет, нельзя этого им говорить. Не поймут. А поймут — еще хуже. Лучше она вот чем подковырнет.

— Какая же она будет ваша, эта мельница, если вы ее построите, а сами школу кончите и уйдете? Вот она и будет не ваша! Для кого же, выходит, строите?

— Для себя,—просто ответил Андрес. И пояснил:— Для всех.

Он увидел, как ехидно и недоверчиво усмехнулась старуха. Ах, вот что, она издевается над ними! И этот суковатый кряж — тоже издевательство. Пила еле вгрызалась в него, визжала, подпрыгивала, нагревалась.

— Слушай, Андрес,— шепнул другу взмокший от пота, взъерошенный Волли,— ну ее, пусть подавится своими пнями! Давай бросим, а?

— Ничего,— ответил Андрес, стиснув зубы.— Одолеем!

Глава, где происходит нечто ужасное

— Нет,— сказал Юхан Каэр,— нет! Даже если предстоит забросить нашу стройку, водослив мы должны закончить. Сваи забиты, нужно собрать и осмолить стены, утрамбовать за ними глину.

— Я связался по телефону с Таллином,— ответил инспектор Киви.— В министерстве говорят, что турбины для вас, кажется, не нашлось. Так что все это напрасный труд.

— Водослив мы закончим. Иначе котлован обвалится, останется большая яма — вечным укором, памятником бесхозяйственности.

— Вечером решим. На педагогическом совете. Посмотрим, что скажут учителя.

— Но водослив будем достраивать,— твердо сказал Юхан Каэр.— Сегодня же выйдем на работу.

Инспектор Пауль Киви пожал плечами: не все ли равно, днем раньше или днем позже остановить стройку? Ему, пожалуй, даже нравилось упорство директора. Настойчивый, волевой человек. Просто жаль, что взялся не за свое дело... Вот вечером, на педсовете, он поймет, что упрямится напрасно...

Этого вечера все ждали напряженно и взволнованно. Нервничали и ученики и учителя. Обычно тихий и терпеливый, Вальтер Пихлакас на уроке физики накричал на тощего Харри, запутавшегося в пустяковой задаче. И не только накричал, но и велел остаться после уроков.

Это был не Калью... Волли сидел на инспекторе.

— Я тебя научу делать такие задачи! — пообещал учитель. И сказано это было так грозно, что Харри весь остаток дня трепетал. Хорошо, если Пихлакас просто научит его делать задачи. А вдруг это было сказано в смысле «вот я тебе покажу!»? Хотя «покажу» — это тоже неплохо. Но, может быть, он хотел сказать: «Вот я тебе задам»?

Слух о том, что турбину могут не дать, дошел до шестого класса: Юта носила отцу лекарство и слышала часть разговора с инспектором. Всю переменку положение казалось безвыходным. Но Рауль Паю, рискуя схватить двойку, продумал целый урок и нашел выход.

— Ребята! — крикнул он на следующей перемене.— Давайте напишем письмо комсомольцам, строящим турбины! Я у отца видел, как это пишется: «...очень нужно, просим комсомольцев помочь». И подписи: «По поручению общего собрания...»

Предложение Рауля приняли. У всех немного отлегло от сердца. А Волли, хлопнув толстяка пониже спины, удивленно сказал:

— У тебя и голова есть, оказывается!

Андрес даже начало письма успел придумать: «Дорогие комсомольцы! К вам обращается младший брат — строители пионерской гидростанции...» Это начало всем очень понравилось, даже пионервожатой, которая заглянула в класс на переменке.

По вообще-то Эви Калдма принесла известие, что работа на строительстве сегодня пойдет как обычно, хотя и без директора, потому что ему нездоровится.

После уроков боковые стены водослива покрывали смолой.

Конечно, смолу разогревал Волли. Когда Эви увидела его за этим занятием, ей показалось, что она попала в ад. Из-под котла вырывались языки пламени, бурлила и вздымалась волнами смола, а возле котла суетился огненноволосый бесенок с рожицей, перемазанной смолой.

Пионервожатая только головой покачала.

Волли был счастлив. Наконец-то он нашел дело себе по вкусу! Здесь был огонь, котел, треск, плеск, бульканье— разве могло все это обойтись без Волли Крууса? Человек поумней всегда берется за самое интересное и ответственное дело, лишь бы оно не было трудным! А тут и отлучиться всегда можно: огонь горит, смола кипит...

Уже смеркалось, когда Волли заметил Калью Таммепыльда, сидящего на бревнышке, неподалеку от водослива. Сидел он спиной к Волли, почему-то согнувшись в три погибели, так что козырек его кепки опускался чуть ли не до колен. Поза у силача была настолько соблазнительной, что Волли, недолго думая, разбежался и — хоп! — прыгнул Калью на спину.

Оседланный Калью странно захрипел, задыхаясь от ярости, и вскочил, пытаясь стряхнуть седока. Волли гикал, хохотал и подскакивал на спине у Калью. Наконец Калью рванулся, повернул голову, и...

Никакой это был не Калью... Волли сидел верхом на инспекторе районо.

Смех замер у Волли в горле, хотя что-то внутри еще булькало, как в котле со смолой. Рот остался разинутым, среди черных смоляных разводов сверкали вытаращенные зеленые глаза, а над всем этим торчали рыжие вихры.

Инспектор вгляделся в это страшилище и вздрогнул от испуга.

Но Волли было еще страшнее. Пока он сползал на землю, у него даже зубы начали постукивать.

— Что это значит? — придя в себя, прошипел Пауль Киви.

— У меня... болит... живот,— ухватился Волли за испытанное спасительное средство.

Это было настолько нелепо, что в голосе инспектора скользнула веселая нотка, когда он спросил:

— Ты что же, от боли на людей прыгаешь?

— Ага, от боли,— чуть-чуть ободрился Волли.— Моя бабушка, когда у нее болел живот, тоже всегда прыгала.

— Бабушка? Прыгала? И тоже на инспекторов?

— Нет, что вы! На кого попало. А я прыгал на Калью Таммепыльда, честное пионерское! И вдруг... Простите, товарищ инспектор!

— Фамилия?

— Круус, Волли Круус,— страдальчески прошептал Волли.

Инспектор Киви уже лет сорок не играл в чехарду. Он ни на кого не прыгал, на него тоже. Ему вспомнилось что-то очень давнее, забавное... Конечно, этот сорванец обознался, не сошел же он с ума, чтобы прыгать на инспектора! А рожа-то, рожица чего стоит!

Простить? Но ведь это тот самый мальчишка, что позавчера поставил его в дурацкое положение — держать стенку котлована. Конечно, это он, двух таких в одной школе не бывает... Хотя тогда он спасал свою стройку, спасал, рискуя жизнью. И ведь больной был!

— Живот еще болит?

— Теперь совсем плохо стало, товарищ инспектор,— честно сказал Волли. И добавил: — Вот, вы уронили...

Вздыхая, он подал блокнот. Инспектор набрасывал в нем конспект своего выступления на педсовете, но выронил, почувствовав на себе седока...

«Нет, тут нужны строгие меры,— подумал Киви.— В этой школе только дай поблажку, они все начнут скакать на инспекторов! Так и сядут на шею!»

— Завтра изволь отправиться в медпункт. И принесешь оттуда справку. А через два часа явись в учительскую. Там поговорим.

И оставив Волли в полном смятении, инспектор ушел.

— Там у меня произошел конфликт с вашим Круусом,— сказал он директору Каэру, пока учителя собирались на педсовет.— Он что, тоже болен?

— Не знаю,— ответил директор, прихватывая левой рукой ворот накинутой на плечи куртки. Его знобило.

— Да, Волли Круус на живот жаловался,— вспомнил физик Пихлакас.

— Только эпидемии в вашей школе и недостает! Ну, об этом потом. Начнем, товарищи!..

Волли приплелся в школу задолго до назначенного часа. Он шел, охал и вздыхал: не везет, до чего же ему не везет!

Возле двери в учительскую томился Харри Роосте. Конечно, Пихлакас забыл о нем и вряд ли станет «показывать» и «задавать», Харри понял это уже давно. Но уйти домой не хватало смелости. Учителя совещались, постучаться в дверь тоже было страшно. Он не раз подходил к ней, но не решался взяться за ручку. Кроме того, оттуда доносились очень интересные разговоры...

— Подслушиваешь? — спросил Волли.

— Что ты! Просто жду Пихлакаса. Ты что это такой причесанный?

— Мылся, заодно волосы намочил, чтобы хоть часок полежали. Я, брат, наверно, последний день в школе. На инспектора прыгал.

— Что?.. Как?..

— Обыкновенно. На спину. Хоп — и на инспектора. Теперь он меня со света сживет. Не жить мне с вами. Ты, если хочешь, садись на мое место, рядом с Андресом...

Харри смотрел на Волли, растерянно хлопая глазами.

В это время в коридоре появилась почтальон — тетя Клара.

— Где тут у вас директор? Телеграмма, а дома его нет...

— Занят. Сами ждем,— ответил Волли.— Можем передать, если хотите.

— Смотри сразу передай! Срочная! — поучала тетя Клара, пока Волли расписывался в ее книжке. И ушла.

Телеграмму можно прочесть и не распечатывая: нажать с боков, она станет такой трубочкой, все строчки будет видно. Так Волли и сделал.

— Что там такое? — спросил Харри.

Волли безнадежно махнул рукой. И вдруг решился. Засунув телеграмму в карман, он показал Харри кулак.

— О телеграмме никому ни слова, понял? Тайна! Разболтаешь — я к тебе привидением стану являться каждую полночь! Передай Андресу, пусть возьмет мои удочки, если хочет. А письмо на турбинный завод пишите завтра же! Понял? Скажи: такова последняя воля несчастного Волли Крууса. Прощай!

— Куда же ты? — вслед ему жалобно крикнул Харри.

Но Волли уже исчез.

Глава, в которой плачут и поют

Что творилось в шестом классе на следующий день, даже рассказать трудно.

Ну, не явился Волли. Подумаешь, событие! Все знали, что у него болит живот.

Но когда на первой переменке Харри передал Андресу последнюю волю Крууса и спросил, пустит ли его Андрес на завещанную парту, все переполошились.

Андрес сбегал в третий класс. Мари Круус знала только, что Волли ночью стонал, а утром не пошел в школу. Ну, значит, утром он еще был жив.

Айме, посланная Андресом в первый класс, узнала у Лийзи Круус, что утром мама дала ее брату чистое белье. Это было хуже: во все чистое одевают покойников. Хотя больных тоже.

Решили до вечера паники не поднимать. Впрочем, директорская дочка Юта вдруг заплакала: ей, видите ли, жалко Волли, он был такой хороший, лучше всех! При других обстоятельствах ее, конечно, задразнили бы, но сейчас, наоборот, утешали.

— Ты лучше расскажи, не говорил ли твой отец о стройке? Как там они решили? — чтобы переменить тему разговора, спросила Айме.

— Наверно, плохо решили,— всхлипывая, ответила Юта.— Отец очень сердитый, совсем больной, лежит дома. Инспектор уехал поздно вечером. Отец

говорил ему перед отъездом: «Нельзя идти на поводу у Эммы Рястас».

— Почему? — спросил Андрес.

— Не знаю,— ответила Юта.

— А я знаю,— вдруг сказал тощий Харри. И хотя ему не очень хотелось признаваться, что он подслушивал, его заставили рассказать все.

Доклад Харри занял целую перемену. Он, Харри, своими ушами слышал, как инспектор говорил: «Школа не строительная организация, всему есть мера!». И тогда защебетала певчая Рястас. Она сказала, что согласна с инспектором. Дети становятся грубыми, их культурный уровень падает. Даже те, которые брали у нее домашние уроки музыки, больше не берут. И кто-то зарывает в землю талант — кто именно, Харри не узнал, потому что уборщица шла в учительскую с большущим чайником,— они там так много говорили, что охрипли, наверно.

А когда минут через десять Харри случайно заглянул в замочную скважину, он увидел, что их директор сидит печальный и голова у него опущена. Потом директор сказал: «Знаете что? Я привык не пугаться трудностей. Во время войны, когда я был в партизанском отряде...» «Вот, вот,— перебил инспектор.— Вы и сейчас партизаните!»

И тогда директор сказал, что у него пошаливает сердце. А инспектор посмотрел на часы и заторопился. Он заявил, что надеется на здравый смысл здешних педагогов. Певчая Рястас сказала: «Давно пора». Но вожатая Эви ответила ей: «Нет, наша стройка слишком дорога ребятам, чтобы от нее так просто отказаться».

Больше Харри ничего не слышал: все в учительской зашумели и задвигали стульями, так что ему пришлось дать тягу.

В течение дня рассказ Харри пополнился многими украшениями. Директор Каэр, который, оказывается, был даже партизаном, стал в глазах ребят героем, мучеником и богатырем. Юта сбегала домой и вернулась с сообщением, что отец лежит небритый, глотает лекарства и мерит температуру. Температура страшно высокая, даже не сказал, какая, а только махнул рукой. И всем было очень жалко своего директора.

К четвертому уроку — а это был урок пения — певчая Рястас стала самым непопулярным человеком в школе. Учительницу встретили такой напряженной тишиной, что в ней легко чувствовалось недоброе.

Но Эмма Рястас ничего не заметила. Она была убеждена в своей правоте. Она давно решила, что строительство затеяли напрасно. Что за радость всей школой пачкаться в глине! Эмме казалось, что и директор в душе уже пришел к такому же убеждению и только из-за упрямства не хочет признаться в своей ошибке. Учительница верила Раулю, когда тот жаловался, что строительство не дает ему заниматься музыкой. И теперь Эмма чувствовала себя защитницей ребят, спасительницей!

Она села за рояль, сыграла вступление. Потом кивнула головой — начали! И запела сама, как всегда это делала:

Спи, моя радость, усни.
В доме погасли огни...

Она пела одна. Никто, никто из целого класса не хотел петь вместе с ней. Еще не понимая, что случилось, не переставая петь, учительница обернулась к классу. Ее взгляд остановился на Рауле, и тот смутился и начал разевать рот, словно повторял слова песни. Но он не пел. Эмме показалось, что он жалеет ее и хочет выразить свое сочувствие, разевая рот. На большее и он был неспособен. Это был заговор, и Рауль был одним из заговорщиков.

Айме.

Эмма Рястас встала, медленно закрыла клавиатуру. Ей нужно было что-то сказать, сделать, но она боялась разрыдаться. Она просто выпрямилась, собрала ноты и тихо вышла из класса.

— Как бы она директора сюда не привела,— опасливо поглядывая на дверь, сказал Рауль.

— Директор болен,— успокоил Андрес.

— Она чуть не заплакала,— задумчиво, словно про себя, произнесла наблюдательная Айме.— Мне ее жалко. Очень-очень.

— Сама виновата,— сказал Андрес.— Но теперь нужно петь, иначе поднимется скандал. Мы с Айме будем составлять письмо на завод, а вы пойте. Рауль, садись за рояль! Давай что-нибудь настоящее!

— А не попадет? — забеспокоился Рауль, подходя к роялю.

— Не больше, чем другим! — успокоил кто-то с задней парты.— Давай «Парни, парни...».

И они запели, сначала нестройно, потом все дружнее и громче:

Если бы парни всей земли
Вместе собраться однажды могли —
Вот было б весело в компании такой
И до грядущего — подать рукой.

Припев подхватили уже все. Песня разнеслась по школе. Услышала ее и Эмма Рястас, она была уже в учительской. Этого она не выдержала и разрыдалась.

— Выпейте воды,— подала стакан Эви.— В чем дело?

Эмма рассказала.

— Насильно мил не будешь,— закончила она свой рассказ.

— Успокойтесь. Идемте в класс. Вместе. Вытрите слезы. У вас есть пудра? Вот зеркальце...

Когда Эви распахнула дверь и обе учительницы вошли в класс, песня оборвалась. Рауль, как ужаленный, отскочил от рояля.

— Продолжайте,— спокойно сказала Эви.— Или давайте начнем сначала.— Тут она посмотрела на Эмму Рястас.— Может быть, вы нам сыграете?

Благодарно взглянув на пионервожатую, Эмма Рястас села. Взяла несколько аккордов. Кивнула головой.

— Ну? — грозно нахмурилась Эви.

И песня полилась. Она зажурчала ручейком, прыгая по отдельным голосам, среди которых выделялся голос Айме. Потом подтянули и остальные. Песня окрепла и разлилась широко-широко.

Погрозив классу пальцем, Эви тихонько вышла. Песня продолжалась.

В шестой класс Эви вернулась еще раз перед самым концом урока. Обычно последние часы занятий отводились на уроки ручного труда. Ребята отправлялись вместе с директором на свое строительство и оставались там до сумерек. Но сейчас директор лежал с высокой температурой. Вместо него в класс вошла пионервожатая.

— На стройку сегодня не пойдем,— сказала она.

— А мы хотим строить! — возразил Андрес.

— Правда? — не удержалась Эмма Рястас.

И дружный хор голосов откликнулся:

— Правда! Конечно!

В этом хоре учительница расслышала, что и Рауль Паю кричал: «Хотим строить!».

Эви торопилась. Она повторила:

— Труда не будет. Можете идти домой.

Обычно в таких случаях все срывались с мест и спешили в раздевалку. На этот раз ребята остались за партами. Лица у них были такие серьезные, что Эви показалось, будто ее не поняли.

— Уроков больше не будет,— сказала она.

— Ясно,— ответил за всех Андрес.

Эви поспешила в другие классы с тем же сообщением. А когда она обежала всех, кого нужно было обежать, то услышала вдруг за окном громкую песню. Эви выглянула и ахнула от изумления: школа шла на стройку.

Первыми шли ученики шестого класса. Они шли парами, в строгом порядке, точно на демонстрации. Пилы, лопаты и топоры они несли, как боевое оружие. Нет, как знамена!

Вслед за шестым классом из школы выбегали и старшеклассники и малыши. Процессия становилась все длиннее.

— Они пошли на строительство! — ворвалась в учительскую Эви Калдма.— Вальтер, они пошли строить! Неужели мы отстанем от них?

Не дожидаясь ответа, Эви побежала к директору. Юхан Каэр вежливо указал девушке на стул.

— Спасибо, что навестили,—тихо сказал он.

— Простите, я только на минутку. На одну минутку. Это очень важно: ребята пошли строить. Сами! Сейчас и мы пойдем туда. Я хотела рассказать вам об этом. Это же чудесно! Вы во всем правы!

— Спасибо, Эви,— улыбнулся директор.— Вы принесли хорошую весть. Проследите, чтобы стены водослива собирали на мху, мох обязательно нужно класть между бревнами. А грунт для засыпки за стены пускай берут перед водосливом — там пора открывать путь для воды. Чтобы весной она шла уже через водослив. Идите. Спасибо!

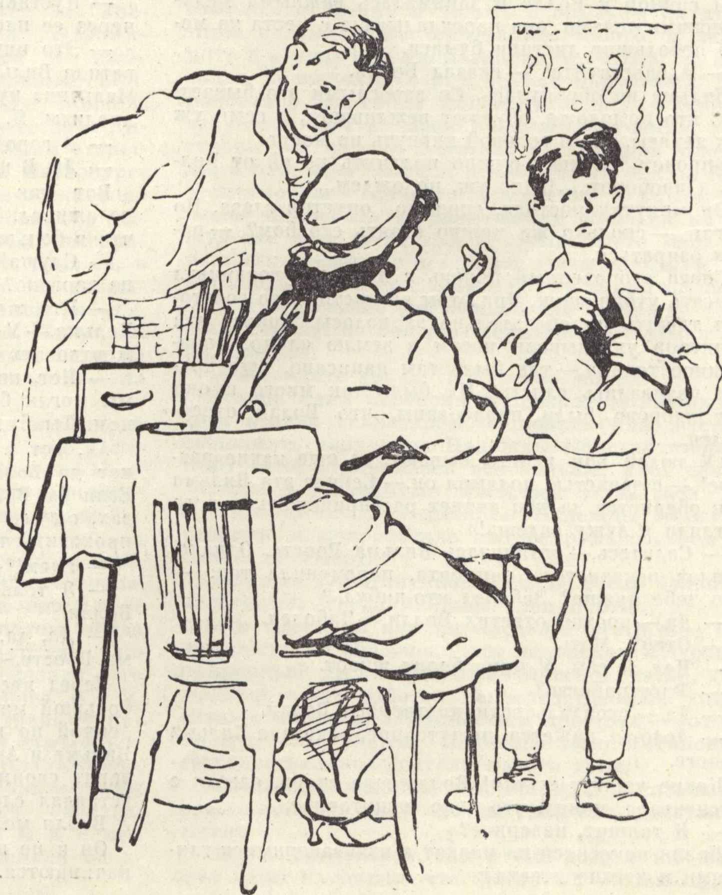
Эви понимала, что Юхан Каэр не такой человек, чтобы сразу прыгать от радости. Но по блеску его глаз она увидела, что директор очень обрадовался. Она кивнула ему головой, пожала протянутую ей руку и побежала к ручью.

Удивительно ясный наступил вечер, и удивительно ясно было у Эви на душе. Вся строительная площадка кишела, словно муравейник. Быстро росли стены водослива, возле которых Эви увидела не только старшеклассников, но и Вальтера Пихлакаса... А вон и Аугуст Мёльдер, наверно, зашел взглянуть, посоветовать, да так и остался... А как славно идет работа у девочек! Там Айме с Ютой и еще... Да, да, это Эмма Рястас! Они разрывали переднюю стенку котлована, ту, что едва не уползла. Пареньки с носилками быстро тащили глину за стены, другие трамбовали ее. Стучали топоры, чавкала глина. Все стройнее и красивее становился водослив, все выше поднималась засыпка за его стенами, и все глубже опускалось новое русло, откуда выбирали эту глину.

Работа шла дотемна, хотя малышам несколько раз предлагали разойтись по домам. Но даже и они не ушли. А приказывать им никто не стал: у кого поднялась бы рука лишить ребят такого большого удовольствия, как дружный, веселый труд?

Глава, где больному оказывают очень скорую помощь

Все было бы хорошо, но в Метсакюлаской школе пропал один из учеников — Волли Круус. Правда, его родители рассказали, что утром он отправился в медпункт. Но сколько ни пытался Юхан Каэр до-

И она отобрала у Волли градусник.

звониться по телефону до медпункта, ему никто не отвечал.

Но что же все-таки случилось с нашим героем?

Передав Харри свою последнюю волю, он пошел домой, прикидывая: прыгнул на инспектора — раз, не явился к директору — два, унес телеграмму — три, наврал про живот — четыре. Кажется, достаточно...

Все это было настолько ужасно, что живот у Волли и в самом деле заболел. Может быть, он слишком усердно его ощупывал, надеясь найти больное место. Впоследствии Калью Таммепыльд высказал мнение, что все это случилось с Волли от страха,— бывает же у людей медвежья болезнь! Правда, инспектор не медведь, но еще неизвестно, кто страшнее.

Как бы то ни было, к утру Волли чувствовал себя уже достаточно больным. Он охал, хватался за живот, вздыхал и поминутно выбегал из дома. Мать Волли встревожилась. Уходя на работу, она выдала ему чистое белье и велела вымыться: Волли собирался в медпункт.

И вот он вошел в белый домик медпункта и постучался в белую дверь, которая была в конце коротенького коридора. Медицинская сестра Вильма Роосте крикнула:

— Войдите!

Волли приоткрыл дверь и осторожно протиснулся в комнату. Здесь пахло лекарствами еще сильнее, чем от Харри. А сама Вильма сейчас сидела за столом спиной к Волли и занималась важными медицинскими делами: она перекладывала с места на место небольшие листики бумаги.

— Здравствуйте! — сказал Волли.

Вильма не обернулась. Со взрослыми это бывает: тех, кто помоложе, обучают вежливости, а сами уж так заняты, что и головой кивнуть не могут.

Впрочем, справку нужно получить не ей от Волли, а наоборот... Ладно уж, подождем...

Он минутку постоял, скромно опустив глаза. Но потом — сколько же можно стоять столбом? — начал озираться.

Слева здоровенный парень с плаката уговаривал спасать утопающих. При этом он настойчиво советовал тащить их обязательно за волосы. Правее два санитара укладывали носом в землю «лицо, пораженное током»,— так было там написано. Еще правее извивались глисты. Их было так много и они так здорово были нарисованы, что Волли отвернулся...

«У людей вон глисты бывают, да еще какие разные! — с завистью подумал он.— Сейчас эта Вильма как обернется да как начнет расспрашивать — того и гляди в лужу сядешь!»

— Садитесь,— оглянулась Вильма Роосте. Однако, увидев неказистого пациента, переменила тон: — Что тебе нужно? Заболел кто-нибудь?

— Да,— кротко ответил Волли.— Заболел.

— Отец? Мать?

— Нет. Я сам. У меня болит живот.

— Расстройство?

— Да,— страдальчески подтвердил Волли.

— Дело-то, кажется, нешуточное,—сказала Вильма Роосте.

Какие уж тут шутки! Волли еще вчера, слезая с инспектора, понял, что дело нешуточное.

— И тошнит, наверное?

Волли покосился на плакат с извивающимися глистами и честно ответил:

— Очень!

— Поставь-ка градусник...

Кто их выдумал, эти градусники? Подумать только, какие-то десятые доли градуса играют такую роковую роль в жизни человека! Что-то сейчас будет?

Волли слышал, что температура может оказаться достаточно высокой, если градусник потереть чем-нибудь шерстяным. Вполне возможно, первобытные люди даже огонь добывали трением. Но, во-первых, неизвестно, сколько времени нужно тереть градусник. Во-вторых, это нечестно. В-третьих, как добыть температуру трением, если в трех шагах сидит Вильма Роосте?

— Достаточно,— сказала медсестра.— Давай градусник.

— Я могу еще подержать,— предложил Волли, которому очень не хотелось расставаться с последней надеждой.

Роосте не успела ему ответить: в комнату быстро вошел Антс Ярве, монтер местной почты, считавшийся наибольшим весельчаком и наименьшим трезвенником на всю Метсакюла.

— Здорово, Вильма! — подмигнул он медсестре.— Не хочешь ли прокатиться? Еду в райцентр. Вечером обратно.

— Вот еще! Выдумал! Не могу я закрыть медпункт среди бела дня! Видишь, как раз подозрительный случай.

И она отобрала у Волли градусник.

— Пустяки, нормальная температура,— заглянув через ее плечо, сказал Антс Ярве.

— Это ничего не значит. Бывает,— поучающе ответила Вильма Роосте.— К вечеру может подняться. Мальчика нужно изолировать, сделать лабораторные анализы. Я, пожалуй, направлю его в город.

— В город? — изумился Волли.

— Да. В инфекционную больницу.

Вот так штука! Такого оборота Волли никак не ожидал. Город — это, конечно, интересно. Хуже, что в больницу. Но зато...

— Слушай, Вильма,— сказал Антс Ярве.— Это не заразно?

— Кто же его знает! — передернула плечами Вильма.— У нас, медиков, всегда есть опасность пожертвовать собой. А ты что, испугался?

— Нет, но если нужно доставить его в больницу, мы могли бы это сделать сейчас. Машина под окном. Ты будешь его сопровождать.

Ах, вот в чем дело! Этому Антсу никакого дела нет до Волли. Нисколько он о нем не заботится. Если бы Волли даже помирал здесь, у него на глазах, он все равно думал бы только о том, как ему прокатиться с Вильмой в город.

— Едем! — решила Вильма.

— Я только выйду на минутку,— грустно сказал Волли.

— Да, да, обязательно! — кивнула головой Вильма Роосте.— Бедный мальчик!

Через несколько минут они уже мчались на небольшой машине с белой полосой, наискось проведенной по кузову, как у всех почтовых машин. Вильма и Антс весело о чем-то болтали. Шофер был занят своим шоферским делом и лишь изредка вставлял словечко-другое в разговор пассажиров. А Волли молчал.

Он и не подозревал, что его приключения только начинаются.

(Окончание в следующем номере.)

Рассказы о Надежде Константиновне Крупской

Вера ДРИДЗО — *Отрывки из книги* — Рисунки В. Цельмера.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Мне вспоминается, как я пришла на работу во внешкольный отдел Наркомпроса. Было это в июне 1919 года. К Надежде Константиновне меня привела Зинаида Павловна Кржижановская — ее заместитель по внешкольному отделу. Они были старыми друзьями: вместе в 90-х годах в Петербурге работали учительницами в вечерне-воскресной школе для рабочих за Невской заставой, обе были членами «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в одно время были в тюрьме, в одно время были в ссылке в Сибири. Их связывали долгие годы совместной партийной работы, долгие годы борьбы, большая дружба. Называли они друг друга «Надюша» и «Зиночка», были на «ты», и я, признаться, как-то с удивлением на это смотрела.

Мне еще не было и семнадцати лет, я недавно окончила школу, нигде не работала, и мне казалось, что я ничего не сумею делать. Зинаида Павловна все меня успокаивала. «Ничего, ничего,— говорила она,— начнете работать, а там видно будет. Надо только начать. Комсомолке нельзя трусить!» Но я, хоть и была уже комсомолкой, трусила отчаянно. Увидев, что я очень смущена, Надежда Константиновна заговорила сначала с Зинаидой Павловной о делах и уж потом, когда я освоилась, просто и ласково обратилась ко мне. Она спросила, где я училась, сказала, что хорошо знает моего отца А. Лозовского (С. А. Дридзо), который приехал к ним за границу после побега из Сибири и оказался тем самым рабочим Алексеем, которого они с Владимиром Ильичем знали по письмам и корреспонденциям из Казани. Надежда Константиновна сказала, что работа у меня будет несложная и я с ней вполне справлюсь. И это меня несколько ободрило.

Так и вышло, как говорила Надежда Константиновна. Сначала меня послали в библиотечный подотдел и поручили описывать частные библиотеки в барских особняках, отобранные у их владельцев для передачи книг в библиотеки общественного пользования, доступные каждому. Встречали меня чаще враждебно, иногда посмеивались ехидно, высказывая предположение, что я и читать-то не умею, а уж писать и подавно. Но враждебность и насмешки не могли меня смутить, так как мне уже приходилось по комсомольской линии и ходить с обыском на квартиры капиталистов, прятавших золото, и дежурить в отряде особого назначения (ЧОН) [1] на вокзалах, и выполнять ряд других поручений. Уже работая у Надежды Константиновны, я прошла девяносто шесть часов военного обучения, участвовала в параде всеобуча на Красной площади, а однажды пришла в кабинет Надежды Константиновны с ночного дежурства с винтовкой, чтобы попросить ее разрешения остаться на дежурстве еще день, как требовал этого наш начальник. Винтовку оставлять было нельзя, и мне пришлось взять ее с собой. Стукнув винтовкой об пол, я испуганно посмотрела на Надежду Константиновну, но она рассмеялась и, отпуская меня, сказала:

— Ну идите уж на дежурство, вояка.

Вскоре меня перевели в президиум внешкольного отдела секретарем. Одновременно я стала выполнять поручения Надежды Константиновны. Поручений становилось все больше, и от секретарства в президиуме пришлось отказаться. Так я стала личным секретарем Надежды Константиновны и проработала под ее руководством до самой ее смерти.

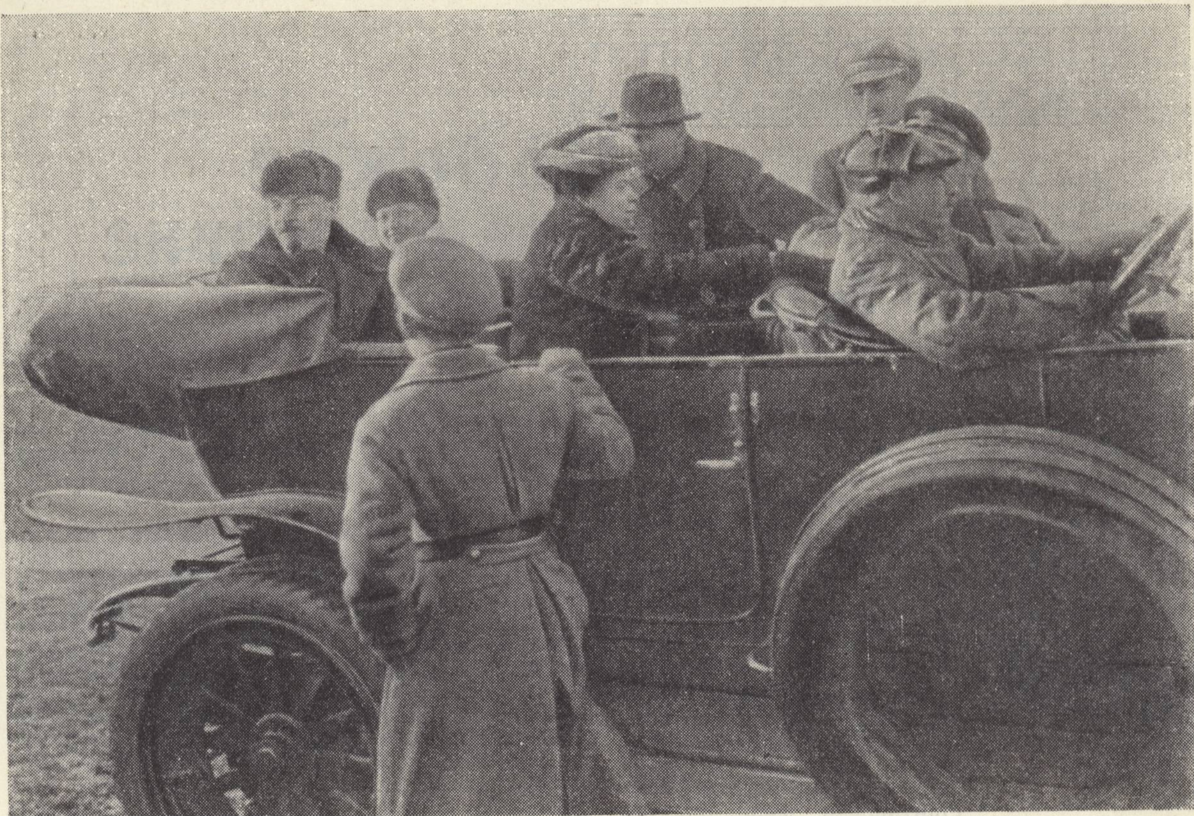
Надежда Константиновна была очень большим человеком. Преданнейший член партии, для которого интересы партии превыше всего, она была прекрасно образованным человеком. Глубокий природный ум, острое политическое чутье, громадный опыт работы, непосредственная, живая связь с массами, скромность и простота — вот отличительные черты Надежды Константиновны, государственного деятеля нового типа.

Администрирование, приказы, навязывание своего мнения были чужды Надежде Константиновне.

Мне вспоминается, как в 1920 году к ней пришел один из только что принятых на работу со-

---

[1] Отряды ЧОН были созданы в период гражданской войны для борьбы с контрреволюцией и бандитизмом и состояли из коммунистов и комсомольцев.

Владимир Ильич Ленин, Надежда Константиновна Крупская и сестра Ленина Мария Ильинична Ульянова уезжают после первомайского военного парада. 1918 год.

трудников внешкольного отдела с жалобой на то, что у него нет стола. Изложил он все это в несколько повышенном тоне. Надежда Константиновна подняла на него свои милые серовато-зеленоватые глаза (она всегда говорила, что цвет глаз и волос у нее «петербургский») и сказала:

— Знаете что, возьмите мой, а я как-нибудь устроюсь.

Страшно смущенный товарищ бросился из кабинета, а присутствовавшая при разговоре Зинаида Павловна Кржижановская возмутилась.

— На-адя,— говорила она на самых басовых нотах,— Наде-жда! Да разве так можно? Ведь ты же заведующая!

Когда Надежда Константиновна рассказала об этом эпизоде Владимиру Ильичу, он весело рассмеялся и потом частенько подтрунивал над ее административными способностями.

Внешкольный отдел помещался в особняке какой-то богатой купчихи в Штатном (теперь Кропоткинский) переулке. Дом был построен в стиле «модерн», со всякими вычурностями. В нем был громадный двухсветный «холл», первая комната, в которую входишь,— с огромным камином, каминные щипцы были в рост человека. В «холле» разместилась канцелярия.

Сотрудники особенно не любили «холл». Он был огромный, а по субботам мы сами мыли полы и убирали комнаты. Делали мы это по очереди. Надежда Константиновна, несмотря на слабое здоровье и категорический запрет врачей заниматься физическим трудом, всегда старалась принять участие в уборке, но мы обычно что-нибудь сочиняли — то уборка отложена на завтра, то нет мыла, то нет тряпок, то мы уходим на общий субботник. На другой день, увидев, что все вымыто, Надежда Константиновна огорчалась и называла нас «бессовестными обманщиками». Но бывало, что наши хитрости не удавались, и она работала вместе со всеми.

В то время в отделе было очень много народу и постоянно, как говорила Надежда Константиновна, стояла «толчея непротолченная». Приезжали фронтовики, приходили работницы, рабочие, крестьяне, много молодежи, не говоря уже об учителях и работниках народного образования. Всем нужен был совет, указания, нужны буквари, бумага, карандаши. Всего этого не хватало.

Тяга к знанию была огромная: ведь в дореволюционной России почти 70% населения было неграмотным. Широко развертывалась работа по ликвидации безграмотности. Людей, прошедших революцию, нельзя было учить грамоте по старым букварям, где первой фразой было: «Ма-ша е-ла ка-шу». Новый букварь был создан на фронте во время обучения грамоте красноармейцев по их требованию. Он начинался уже совсем другими словами: «Мы не ра-бы. Ра-бы не мы. Мы по-бе-дим».

Из посетителей того времени мне запомнились некоторые колоритные фигуры. Как-то зимой приехал с фронта за букварями молодой матрос — высокий, широкоплечий парень в матроске и бескозырке, пулеметные ленты наперекрест, гранаты у пояса. Холода тогда стояли жуткие, и мы достали ему ордер на пальто. На дру-

гой день он пришел страшно сконфуженный, а мы покатились со смеху. На нем было прекрасное дамское каракулевое манто с закругленными по тогдашней моде полами, затянутое тугим кожаным ремнем. Пулеметные ленты и гранаты дополняли картину. Матрос смотрел на нас умоляющими глазами: «Товарищи, помогите мне, дайте что-нибудь другое, возьмите это!» Но мы ничем не могли ему помочь.

Помню пожилого крестьянина, работавшего на какой-то стройке, который приезжал за учебниками и пособиями для школы. Долго сидел он у Надежды Константиновны, рассказывая о том, что происходит в деревне, и все говорил, что ему нужны «ненаглядные вещи» — так он называл наглядные пособия. С тех пор мы его так и называли — «ненаглядные вещи».

Времена тогда были тяжелые. В Москве было плохо с электричеством, не хватало топлива, с перебоями работал городской транспорт. Ходили только трамваи, и то очень редко. В большинстве случаев домой приходилось идти пешком. Поэтому Надежда Константиновна, когда уезжала с работы, старалась захватить с собой тех сотрудников, кто постарше и кому трудней добраться до дома, и усаживала в автомашину столько народу, сколько могло вместиться. Сначала она развозила всех по квартирам и только потом уж ехала к себе.

Как-то во внешкольный отдел пожаловал английский корреспондент. Он побеседовал с Надеждой Константиновной, осмотрел особняк, а через некоторое время Владимир Ильич прочел в одной из английских газет статью под заглавием «First Lady» — «Первая леди» (так называют в Англии жену премьер-министра). Корреспондент не пожалел красок. Он описал и очень простое, из дешевого материала платье Надежды Константиновны, и ее ботинки с ушками, и просто зачесанные волосы. Был обрисован и барский особняк. Говорилось и обо мне: корреспондент сообщал, что секретарь Надежды Константиновны — молодая румяная девушка, плохо одетая, очевидно, недавно приехавшая из деревни, но не лишенная кокетства, так как носит медную брошку, на которой вытиснена красная звезда. Я очень гордилась этой брошкой, которая только что была выпущена, и страшно злилась на корреспондента, который ее высмеял. А уж обвинение в кокетстве меня просто возмутило. Все это я изложила Надежде Константиновне, но она только засмеялась и сказала, чтобы я не обращала внимания на выдумки корреспондента.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна от души смеялись над этой корреспонденцией. Владимир Ильич часто потом подшучивал над Надеждой Константиновной, называя ее «First Lady».

КВАРТИРА В КРЕМЛЕ

Владимир Ильич и Надежда Константиновна жили очень просто и скромно не только до революции, но и после ее победы. То же простое питание, та же скромная одежда.

В 1918 году, после переезда правительства из Петрограда в Москву, Владимир Ильич с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной поселились в Кремле в большом здании судебных установлений. Квартира находилась в конце того коридора, где был зал заседаний Совета Народных Комиссаров и служебный кабинет Владимира Ильича.

Раньше это была прокурорская квартира. Надежда Константиновна рассказывала мне, что когда они с Владимиром Ильичем в первый раз пришли посмотреть ее, она была в страшно запущенном состоянии: потолки протекали, обвалились, печи сломаны, всюду грязь. Было и еще одно большое неудобство: квартира помещалась на третьем этаже, а потолки в этом старинном здании были очень высокие, и третий этаж, пожалуй, равнялся пятому или даже шестому этажу в обычном жилом доме. Владимир Ильич, зная, как Надежде Константиновне, страдавшей

В мае 1919 года проходил I Всероссийский съезд по внешкольному образованию. Надежда Константиновна и Владимир Ильич выходят из дома, где проходил съезд.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна у себя дома в кремлевской квартире.

тяжелой болезнью сердца, опасно ежедневно подниматься так высоко, попросил сделать лифт.

Пока производился ремонт квартиры, Владимир Ильич, Надежда Константиновна и Мария Ильинична жили в другом здании.

Квартиру быстро привели в порядок. Мебели и посуды у Надежды Константиновны и Владимира Ильича, конечно, не было. Сначала кто-то, перестаравшись, обставил квартиру дорогой мебелью, но Владимир Ильич и Надежда Константиновна попросили обычную мебель, которая стоит в квартире до сих пор.

В квартире было четыре комнаты. В одной из них поселилась Мария Ильинична, в другой — Надежда Константиновна. Владимир Ильич, по своему обыкновению, поместился в самой маленькой комнате. В небольшой проходной комнате устроили столовую.

В комнате у Марии Ильиничны всегда было много цветов. Владимир Ильич и Надежда Константиновна любили только полевые цветы, и никаких комнатных цветов у них не стояло. Всюду было много газет, журналов, книг, папок с бумагами. Обедали, завтракали и ужинали обычно в кухне, где стоял простой стол, покрытый светлой клеенкой. В столовой же обедали тогда, когда заходил кто-нибудь из товарищей, правда, это бывало довольно часто.

Владимир Ильич всегда был очень заботлив по отношению к Надежде Константиновне.

Если она слишком долго задерживалась на работе, что ей запрещено было врачами, он, придя домой обедать и не застав ее, посылал за ней машину, а к нам, во внешкольный отдел, звонила Мария Ильинична, иногда звонил и сам Владимир Ильич. Обычно он говорил: «Верочка, гоните Надю домой, машину я послал».

Тут уж я сейчас же входила в кабинет к Надежде Константиновне и, не обращая внимания на то, что там происходит (совещание, беседа ли), начинала собирать ее портфель. Она так посмотрит на меня и тихо спросит: «Что, уж звонил?» «Звонил, звонил, Надежда Константиновна. Машина сейчас придет».

Приходилось ехать!

Иногда Владимир Ильич и сам заезжал за Надеждой Константиновной.

Как-то, в 1921 году, когда Надежда Константиновна плохо себя чувствовала, Владимир Ильич настоял, чтобы она некоторое время пожила в Горках. Он часто приезжал туда навещать ее. Надежда Константиновна набрала с собой много работы, текущие же материалы я ей все время переправляла, а она оттуда через Владимира Ильича возвращала их мне с рядом поручений. Иногда она вызывала меня к себе в Горки.

У меня сохранилась записка Надежды Константиновны, в которой она просила, чтобы к ней в Горки приехали двое наших работников.

«Может быть, и Вы приедете заодно,— писала она мне.— Я сговорилась с Владимиром Ильичем, надо просто будет Вам созвониться с ним или сговориться с шофером Гилем».

Созвониться с Владимиром Ильичем! Мне, восемнадцатилетней девчонке! И, очевидно, я созвонилась с Владимиром Ильичем и поехала в Горки. Это было настолько обычно, что даже не запомнилось мне.

Когда мне при Владимире Ильиче приходилось бывать в их квартире в Кремле, Владимир Ильич был всегда приветлив и внимателен. У него был удивительный интерес к каждому человеку, каким бы маленьким по должности или молодым по возрасту он ни был, какой в то время была я.

Это я чувствовала при каждой встрече. Казалось бы, придя ненадолго домой, после нечеловеческого напряжения он должен был немедленно пойти отдохнуть. Но он никогда не проходил, не остановившись, не расспросив, чем интересуется сейчас молодежь, как живет комсомол, что делается в райкоме комсомола и т. п. Я страшно стеснялась Владимира Ильича, мне все казалось, что он о чем-нибудь будет спрашивать, и, конечно, о международном положении (ведь все мы тогда только о мировой революции и думали), а я не смогу ему ответить. Но надо сказать, что Владимир Ильич ни разу моим мнением о международном положении не поинтересовался. Я всегда старалась ускользнуть до его прихода. Но частенько мне не удавалось этого сделать, и тогда меня оставляли обедать.

Однажды Владимир Ильич и Надежда Константиновна настаивали, чтобы я осталась обедать, а я упорно отказывалась:

— Мне просто не хочется есть.

— Почему же? — начал допрашивать меня с пристрастием Владимир Ильич.

— Я уже обедала.

— Ой ли?

— Правда!

— Когда же вы обедали? — улыбаясь, спрашивает меня Владимир Ильич.

— Вчера! — вырывается у меня.— Кто же теперь каждый день обедает!

Владимир Ильич от души расхохотался, я готова была провалиться сквозь землю. Обедать меня, конечно, оставили.

Никогда Владимир Ильич дома не был хмурым, недовольным, невнимательным. Он любил пошутить, посмеяться. Как-то во время обеда Владимир Ильич посмотрел на меня и говорит:

— Вот в Англии все пишут, что у нас голод. Надо туда в качестве экспоната Верочку послать. Пусть посмотрят, какие у нас голодные девицы.

Надо сказать, что, несмотря на то, что питались мы тогда все больше воблой и чечевицей, девица я была полная, румяная, румянец заходил за уши. Я, конечно, еще больше покраснела и не знала, куда деваться. Дальше пошло шутливое обсуждение, как послать,— можно в ящике, просверлить в нем дырочки, положить матрац или подушки и т. д. и т. п. Обо всем этом говорилось в таком веселом, дружеском тоне, что я вскоре оправилась от смущения и смеялась вместе со всеми.

УЧИТЬСЯ ЖИТЬ С ИЛЬИЧЕМ БЕЗ ИЛЬИЧА

Нелегка была жизнь Надежды Константиновны. Тюрьма, ссылка, долгие тяжкие годы эмиграции, подполье, неистовая травля Владимира Ильича в 1917 году, постоянный страх за него... Бешеная ненависть буржуазии после победы Октября, ставившей себе задачу физически уничтожить вождей рабочего класса, заставляла Надежду Константиновну постоянно трепетать за жизнь Владимира Ильича.

Народный трибун, В. И. Ленин почти ежедневно выступал на митингах и собраниях рабочих. 30 августа 1918 года, после выступления на заводе Михельсона, он был тяжело ранен. Это ранение серьезно повлияло на его здоровье.

Часть 1922 года и весь 1923 год Надежда Константиновна самоотверженно ухаживала за больным Владимиром Ильичем, лишь изредка, в периоды облегчения болезни, бывая в Наркомпросе.

Летом 1923 года Владимир Ильич как будто бы начал поправляться, и врачи надеялись на благополучный исход. Но 21 января 1924 года разразилась катастрофа. Владимир Ильич умер.

Надежда Константиновна тяжело переживала эту невозвратимую потерю, но она не замкнулась в себе, не ушла в свое горе. Необычайная целеустремленность, принципиальность, мужество, умение всегда ставить на первый план интересы партии характерны для всей жизни и работы Надежды Константиновны.

На другой день после похорон Владимира Ильича — 28 января 1924 года — Надежда Константиновна пишет полное скорби и величайшего мужества письмо близкому ей человеку — Инне Арманд (дочери Инессы Арманд), работавшей тогда вне Москвы.

«Милая родная моя Иночка! Схоронили мы Владимира Ильича вчера. Хворал он недолго в последний раз. Еще в воскресенье мы с ним занимались, читала я ему о партконференции и о съезде Советов. Доктора совсем не ожидали его смерти и еще не верили, когда началась уж агония... Сейчас гроб еще не заделали и можно будет поглядеть на Ильича еще. Лицо у него спокойное, спокойное. Стоял он в Доме союзов, было там все очень хорошо и торжественно и необычно. День и ночь шел мимо народ, смотрел на Ильича и плакал...

На улице был страшный мороз, но никто не обращал внимания, улицы были залиты народом, и веяло дыханием революции. Точно 17-й год. Думаю, что смерть Ильича сплотит партию и подымет работу. Хоронила Ильича единая партия и плакали одинаково все. Работать надо теперь...

Я взялась составлять из его сочинений популярную брошюру,— сборник самого важного и существенного, что он сказал,— и взялась уже за работу. Кажется мне, что сборник у меня выйдет. Потом буду помогать разбирать материалы в Институте Ленина, писать о пережитом. Сейчас больше всего хочется думать о Владимире Ильиче, об его работе, читать его.

Но надо будет и другую работу делать...»

Надежда Константиновна после похорон уехала в Горки, но прожила там всего несколько дней. Не могла она жить без напряженной работы, без людей. По возвращении в Москву она в течение ближайшего месяца после смерти Владимира Ильича наряду с работой в Наркомпросе почти ежедневно выступала на фабриках, заводах, в культурно-просветительных учреждениях с докладами о жизни и работе Владимира Ильича. Особенно тянуло ее к рабочим. Она говорила, что ей больше всего по сердцу бывать на фабриках, потому что «рабочие постоянно говорят о Владимире Ильиче и говорят очень уж хорошо». «Ну, а потому, что я была связана с Владимиром Ильичем, и меня стараются всячески приласкать, и заплачешь, так поймут».

В своих переживаниях Надежда Константиновна была не одинока.

Рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки в эти дни народной скорби обращались к Надежде Константиновне со словами поддержки и любви.

ПРОСТОТА И СКРОМНОСТЬ

Надежда Константиновна всегда была очень приветлива и доброжелательна: внимательный взгляд ее больших глаз, мягкая улыбка, седые волосы, тихий голос сразу располагали к ней людей.

Одевалась Надежда Константиновна просто: темно-синее, черное или коричневое платье с закрытым воротом и длинными рукавами, чаще такой же окраски сарафан-безрукавка с темной кофточкой. Летом та же безрукавка, но только серого цвета, со светлой кофточкой. Ботинки или закрытые туфли на низком каблуке. Седые волосы гладенько зачесаны назад.

Надежда Константиновна настолько не обращала внимания на вещи, что почти не замечала их. Уговорить ее сделать новое платье можно было только по какому-либо торжественному случаю — перед партийным съездом или конференцией. Тогда она соглашалась, что идти в старой одежде, пожалуй, неудобно.

Помню, однажды разговор зашел о том, что Надежде Константиновне необходима осенняя шляпа. Обычно все, что ей было нужно, покупали Мария Ильинична или я. На этот раз Надежда Константиновна решила сама поехать в мосторг. Молоденькая продавщица, узнав Надежду Константиновну, так заволновалась, что никак не могла подыскать что-либо подходящее. Надежда Константиновна успокаивала ее:

— Ничего, дитя мое, не волнуйтесь, сейчас найдется что-нибудь... Только ведь я старуха, и мне нужна шляпа «грыбом».

Продавщица совсем растерялась. Вокруг нас начал уже собираться народ... Надежду Константиновну узнали. Наконец прибежала старшая продавщица, и соединенными усилиями шляпа была выбрана.

Надежда Константиновна была очень жизнерадостным человеком, любила пошутить, посмеяться, с ней всегда было интересно, весело. Обычно за обедом Надежда Константиновна в лицах рассказывала, что было сегодня в Наркомпросе, кто и за что на нее нападал, кто и как выступал на заседании коллегии или на каком-нибудь совещании. Надежда Константиновна всегда так удачно и комично это изображала, что мы от души хохотали, и Мария Ильинична сквозь слезы говорила:

— Ну, будет тебе сочинять-то, Надя! Ты меня совсем уморила!

Любила Надежда Константиновна попеть или, вернее, подтянуть, чаще всего на прогулках, когда ездили за город. Начинали петь, как только выезжали из Москвы; мы с Марией Ильиничной поем, Надежда Константиновна подпевает. Бывало, переберем все революционные песни, какие знаем, к концу принимаемся за молодежные и вот въезжаем в Горки уже с пионерской:

Здравствуй, милая картошка, тошка, тошка, тошка,
Пионеров идеал, ал, ал...

Как-то в Горках пошли мы с Надеждой Константиновной гулять, вышли за ограду парка, идем вдоль забора, взявшись за руки, и во весь голос распеваем «Молодую гвардию». Вдруг из-за поворота выезжает телега. Парнишка, правивший лошадью, увидев, какая «молодежь» поет «Молодую гвардию», так и повалился от хохота на телегу и потом еще долго оглядывался на нас.

Надежда Константиновна много работала дома, и все в ее комнате было приспособлено для работы.

Обстановка была самая простая и удобная. Письменный стол, несколько стульев, диван, кровать, покрытая старым красновато-коричневым пледом Владимира Ильича, шкафы для одежды, для книг. На окне — спускающаяся полотняная штора. Повсюду — на столе и даже на стульях — много книг, газет, папок с бумагами. На диванной полочке — третье издание сочинений В. И. Ленина, которым она постоянно пользовалась. Огромное количество закладок свидетельствует о том, как углубленно изучала она произведения Владимира Ильича.

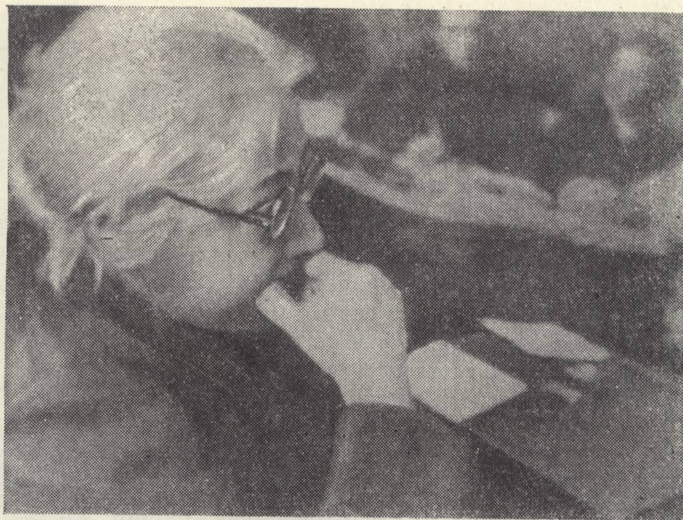
У Надежды Константиновны был небольшой альбом с фотографиями Владимира Ильича, которые ей больше всего нравились. Альбом этот сделала по ее просьбе

Надежда Константиновна с сестрой Владимира Ильича Марией Ильиничной и его братом Дмитрием Ильичем.

Варя Арманд, дочь Инессы Арманд, художница. Надежда Константиновна сама, по обычной своей привычке, вырезала из газеты или журнала фотографии Владимира Ильича, Варя наклеивала их на небольшие листки плотной темно-серой бумаги, потом листки эти были вложены в обложку от блокнота. Этот альбомчик Надежда Константиновна очень любила, и он всегда лежал у нее в столе.

Здесь же лежал и портфель Надежды Константиновны. Этот портфель, из светло-желтой кожи был очень вместителен. Портфель был прислан в подарок В. И. Ленину, и на нем были вытиснены советский герб и подпись Владимира Ильича. Владимир Ильич этим портфелем не пользовался, а Надежда Константиновна все время его носила, до самых последних дней, очень им дорожила и, несмотря на то, что он износился и потемнел, ни за что не соглашалась переменить его на другой, новый.

Этот снимок сделан в 1939 году на каком-то совещании. Посмотрите, как сосредоточенно слушает Надежда Константиновна.

В ящике стола хранилась грамота ВЦИК за подписью М. И. Калинина, присланная Надежде Константиновне в 1929 году в связи с ее шестидесятилетием и награждением орденом Трудового Красного Знамени.

На маленьком шкафчике стояли три фотографии Владимира Ильича, фотография Надежды Константиновны с матерью и фотография Инессы Арманд — близкого друга Надежды Константиновны и Владимира Ильича.

«ДЕЛ — ВЫШЕ ГОЛОВЫ»

Несмотря на больное сердце, Надежда Константиновна работала очень много. Вставала она рано, часов в пять-шесть утра, и принималась за работу. Она говорила, что утром работается лучше. Этот порядок не нарушался даже во время отпуска.

Обычно я приходила к ней домой в девять часов утра. К этому времени на ее письменном столе уже был приготовлен отработанный материал, и она отдавала мне уже готовую статью, отзыв на программы, ответы на письма, замечания на материалы, переданные ей накануне,— за утренние часы она успевала сделать очень многое. Все это было тщательно продумано, написано столь характерным для Надежды Константиновны мелким, четким «учительским» почерком. Потом уезжала в Наркомпрос, а вечером либо выступление, либо заседание, либо спешная работа дома.

Она шутя говорила, что теперь всем, и ей тоже, приходится каждый день «учить дома уроки». И, надо сказать, учила она эти «уроки» основательно.

Надежда Константиновна всегда была очень застенчива, или, как она выражалась, «дико застенчива». До революции, говорила она, «я совсем не умела выступать и страшно волновалась, когда приходилось сказать даже несколько слов на небольшом собрании, где присутствовало десять — двенадцать человек, а когда приехала в 1917 году в Россию и пришлось отстаивать линию партии — пришлось выступать то на фабрике, то на митинге, пришлось бороться за Советскую власть,— я и забыла, что говорить-то не умею».

В работе Надежда Константиновна была требовательна. Больше всего не любила людей равнодушных и ценила живых, инициативных людей, дравшихся за то дело, которым они занимались. Когда кто-нибудь из работников Наркомпроса или из местных работников начинал ныть, жаловаться, что плохо идет работа, она бывала очень недовольна. «Что вы все жалуетесь? Что вы ноете? — говорила она.— А что вы сделали? Как вы добивались улучшения работы?»

Работалось с Надеждой Константиновной всегда легко, интересно, весело. Она заражала всех жизнерадостностью, вселяла веру в свои силы.

К Надежде Константиновне каждый мог прийти не только с деловым вопросом, но и с личным. Она всегда внимательно выслушает, поймет, даст совет, позаботится. В 1921 году я заболела брюшным тифом и лежала в больнице. Время было голодное, продуктов не хватало, и Надежда Константиновна буквально спасла меня, ежедневно присылая мне бутылку молока. Несколько раз приходила она ко мне в больницу. Посидит, подержит за руку, расскажет новости, скажет: «Надо поправляться, дитя мое»,— и легче становится.

«Дел — выше головы»,— часто повторяла Надежда Константиновна. И она целиком уходила в работу. В письме к одному из товарищей она говорит:

«Дома бываю редко, и когда бываю — много спешной работы. Конечно, старухе пора бы жить немного иначе, но что поделаешь...»

Надежда Константиновна очень уставала, но «жить немного иначе» она не могла и не хотела.

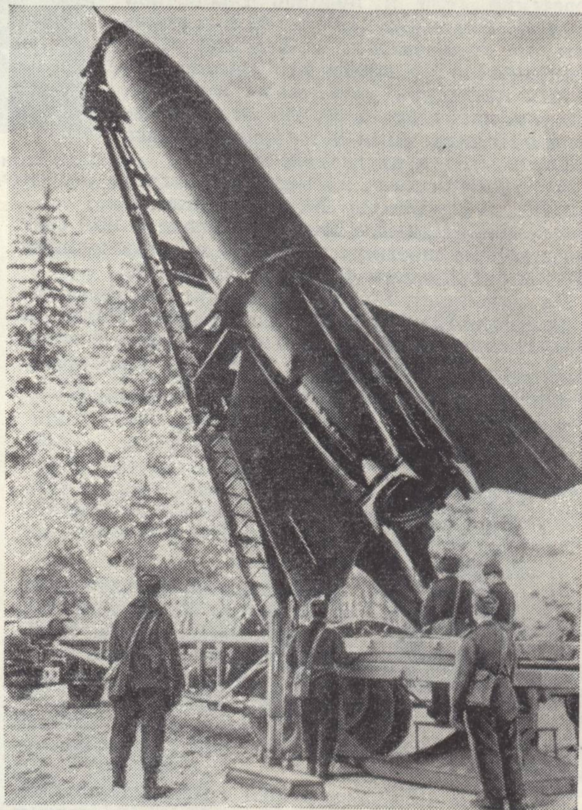
Наша боевая техника

Кто не знает грозной силы нашего оружия! Кто не помнит, хотя бы по рассказам, как громили мы фашистов в сражениях Великой Отечественной войны! Как шли в наступление танки, гремели «катюши»... С тех пор прошло двадцать лет. Наша армия теперь совсем другая: она гораздо сильнее, чем была. На стражу мира встала новая, самая современная, самая могучая боевая техника.

Что же это за техника?

Как она изменила картину боя?

Еще совсем недавно артиллерию называли «богом войны». Самые мощные пушки могли посылать снаряд весом до 50 килограммов не дальше 30—35 километров. А теперь такое расстояние кажется мизерным по сравнению с возможностями баллистических ракет. Стратегическая ракета, например, способна доставить ядерный заряд в цель, удаленную более чем на 12 тысяч километров! Для этого она на сотни километров поднимается над землей. Мощность двигателей баллистической ракеты в несколько раз превышает мощность Братской ГЭС! А точность попадания снайперская. Как показали пробные запуски в район центральной части Тихого океана, возможны отклонения от цели не больше одного километра. Это значит, любая цель будет уничтожена наверняка первой же ракетой: ведь радиус поражения ядерного заряда гораздо больше километра. На снимке: ракета из «семейства» баллистических. Воины-ракетчики готовят ее к пуску.

А на этом снимке — зенитная ракета. Попадет самолет противника в зону ее действия — ему не уйти! Огненной стрелой вонзится ракета в небо. Промаха не будет. Счетно-решающее устройство безошибочно определит точку встречи с целью. В этой точке — взрыв...

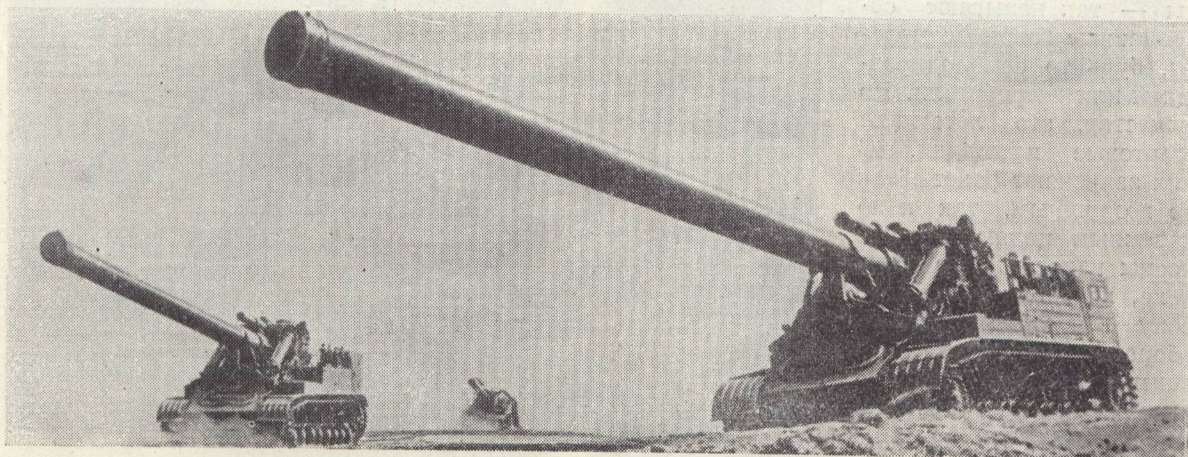
Раньше бой начинался с артиллерийской подготовки. Артиллерия расчищала путь танкам и пехоте. Они двигались вместе, словно привязанные друг к другу. Танки не могли оторваться от пехоты. В среднем они проходили не больше 20—25 километров в сутки.

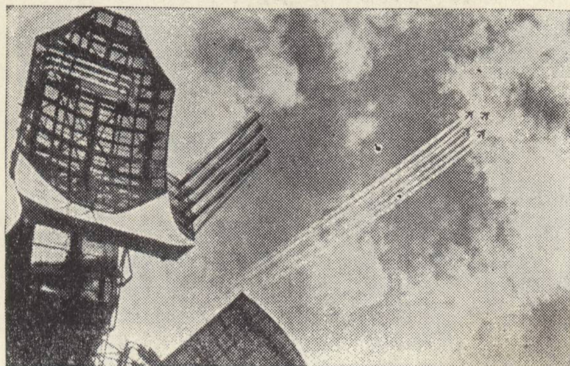
Теперь наступление начинают ракетчики. Мощные ракеты пробивают в обороне противника огромные бреши. Туда устремляются танки и бронемашины с пехотой. Бой ведется на высоких скоростях. «Царица полей» — пехота прочно села на колеса. Она ведет огонь прямо на ходу, с бронемашин. По проходимости и маневренности эти машины нисколько не уступают танкам. Им не страшны ни болота, ни траншеи. Изменились и танки. Они оснащены более сильным оружием, приборами, которые позволяют действовать ночью так же стремительно, как и днем. На снимке показано, как сейчас может выглядеть совместная атака пехоты и танков.

А артиллерия? Не исчезла ли она совсем, уступив свое место ракетам? Нет, этого не произошло. Пушки с их высокой скорострельностью и точностью попадания остались незаменимыми в ближнем бою. Чтобы поспевать за пехотой и танками, пушки и гаубицы тоже перешли на гусеницы — стали самоходными. На снимке: артиллерия большой мощности на марше.

Впереди — река. Хоть и неширокая, но глубокая: танкам и бронетранспортерам ее не преодолеть. Значит, наступление задержится? Ничего подобного. К берегу подходит специальный танк — мостоукладчик. Пройдет несколько минут — и мост будет готов.

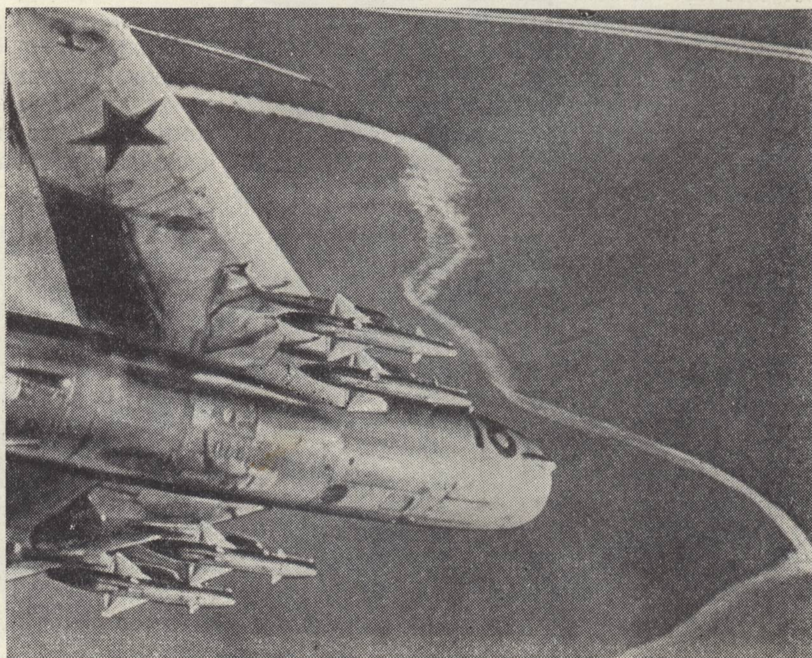

Звуковой барьер остался далеко позади. 2 681 километр в час — мировой рекорд, достигнутый на советском реактивном самолете. Это в два с лишним раза больше скорости звука! Советским летчикам принадлежит и рекорд высоты полета — 34 714 метров.

Вести воздушный бой на таких скоростях и высотах очень трудно. Трудно потому, что можно не заметить противника, проскочить мимо него. Чтобы повторить атаку, вернуться к цели, истребитель описывает в воздухе кривую, измеряемую десятками километров. Пройдет несколько минут. За это время противник, конечно, успевает уйти. Как быть? На помощь летчику приходят радиолокаторы. Они далеко «видят» противника и сообщают пилоту точные данные. На снимке: истребители, сопровождаемые дальнозорким радиолокатором, идут на перехват.

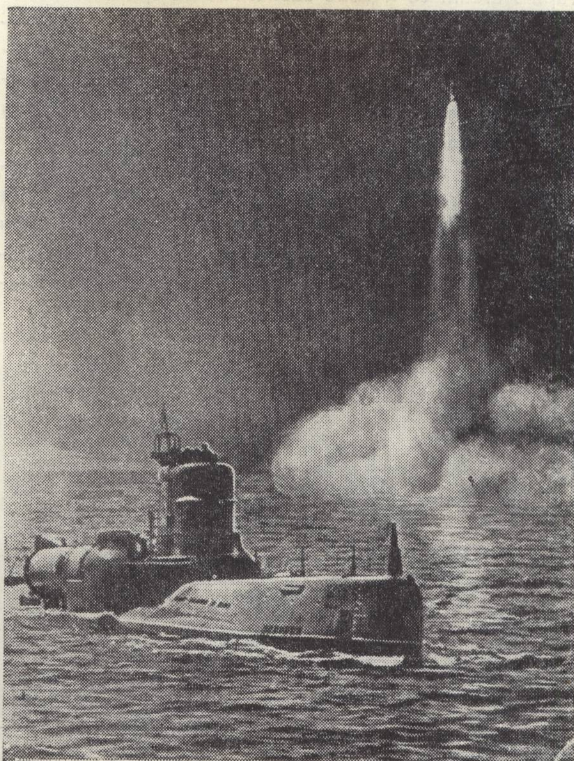
Разведка добыла важные сведения. Как доставить их командиру? Передать по радио? А если это документы, карты? На выручку приходят вертолеты. Они стали надежными помощниками командиров во всех видах боя.

Воздушные ракетоносцы — так называют современные боевые самолеты, будь то бомбардировщики или истребители. По существу, это летающие стартовые площадки. С них запускают ракеты как по воздушным, так и по наземным целям. Ракетоносцы наносят удар издалека, не входя в опасную зону противовоздушной обороны противника. На снимке показан один из современных истребителей-ракетоносцев.

Торпедные катера... По дерзости и стремительности атак нет равных им на море! Сколько пустили они ко дну фашистских крейсеров, эсминцев и транспортов в минувшей войне! Современные катера тоже очень подвижны, маневренны. Только вооружены они не торпедами, а ракетами. Теперь это, как показано на снимке, ракетные катера.

А вот главная ударная морская сила — подводные лодки. Они тоже сменили торпеды на ракеты. И могут запускать их прямо из-под воды, не всплывая на поверхность. Внезапность такого удара — верный залог победы.

Особенной мощью отличаются наши атомные подводные лодки. Это уже настоящие подводные корабли. Они в состоянии быть под водой долгое время и на очень большой глубине. Обнаружить их очень трудно. Атомные корабли, скрытые в пучинах океана, могут поразить любой объект противника, где бы он ни находился. На снимке: надводный корабль произвел пуск ракеты, а рядом только что всплыл подводный ракетоносец.

Вы посмотрели наши фотографии. Прочитали к ним подписи. И, наверное, многие из вас подумали: как же нелегко управлять такими сложными боевыми машинами и приборами! Верно. Это действительно трудно. Надо очень много учиться. Недаром почти половина офицеров наших Вооруженных Сил — инженеры и техники. Все воины сейчас занимаются точными науками, особенно физикой и математикой. Иначе сегодня невозможно подчинить своей воле боевую технику.

Подполковник Н. ВАСИЛЬЕВ

ОРЛЯТА

В городе Уральске, на центральном бульваре, стоит памятник. На пьедестале его надпись: «Юному герою гражданской войны Мише Гаврилову от пионеров Казахстана».

Было это в 1919 году. Под Уральском гремели ожесточенные бои. Восемьдесят дней отбивался от белоказаков небольшой уральский гарнизон. На помощь к нему двигались полки Чапаева. Отступая, белые отравляли колодцы, поджигали ковыль. И чапаевцы двести верст шли по пылающей, окутанной гарью степи. То и дело завязывались сражения.

В одной из схваток с врагом отличился пятнадцатилетний боец Миша Гаврилов. Он убил казачьего офицера, в полевой сумке которого находились секретные документы — планы военных операций. Сумка была доставлена в штаб.

Об этом подвиге и рассказывает памятник, который построен в Уральске на деньги, заработанные пионерами. Юный боец словно замер на минуту. Он напряженно всматривается вдаль. Одной рукой берет он сумку офицера, другой крепко сжимает винтовку. У ног героя убитый враг.

Памятник Мише Гаврилову в Уральске.

Вы помните песню «Орленок»? Много было тогда героев-орлят на разных фронтах. Много и в чапаевской дивизии. Даже девочки были. С винтовкой и пулеметом воевали они за революцию, за землю, за волю. Ни в чем не уступали старшим бойцам. И, как старшие, подражали в отваге любимому своему командиру — Василию Ивановичу Чапаеву.

Десятилетним парнишкой пришел в чапаевскую дивизию Коля Тужилин. Красноармейцы полюбили его за смелость и научили стрелять из пулемета. Однажды, когда белые стали обходить наши части с тыла, Коля Тужилин вместе с одним бойцом перетащил свой тяжелый пулемет в укрытие и встретил вражескую конницу пулеметным огнем. Пули «максима» точно разили врага. Белогвардейцы были разбиты. После боя Василий Иванович вызвал к себе Колю и, похвалив за храбрость, подарил мальчику золотые часы.

Коля Тужилин среди деревенских ребятишек.

Общим любимцем был в дивизии и двенадцатилетний Вова Алексеев — разведчик. Не раз он пробирался в глубокий тыл Колчака и приносил оттуда ценные сведения. А был случай, когда Вова, обнаружив на окраине села офицерский разъезд, сообщил об этом другим разведчикам, и они вместе взяли офицеров в плен. За отвагу Вове подарили бурку, такую же, какая была у Чапаева.

Разведчик Вова Алексеев.

В одном чапаевском полку воевали два боевых друга: четырнадцатилетний Петя Козлов и пятнадцатилетний Ваня Ротанов.

Однажды белоказаки неожиданно напали на штаб полка. Красноармейцы, среди которых был и Петя Козлов, отразили натиск белых. Но врагам удалось прорваться к дому, где находилась пулеметная команда. Они заперли дверь цепями, чтобы помешать пулеметчикам выскочить на улицу. Все подступы к дому простреливались. Начальник штаба приказал Пете пробраться к дому и снять цепи. Под градом пуль Петя подполз к двери и открыл ее. Пулеметчики тотчас бросились к пулеметам и обратили противника в бегство.

Ваня Ротанов спас жизнь командира полка — Ивана Семеновича Плясункова, лучшего друга Чапаева. Было это во время атаки. Ваня мчался позади и вдруг увидел, как упала, убитая, лошадь командира. Среди красноармейцев возникло замешательство. Враги воспользовались этим и открыли ураганный огонь. Под огнем Ваня подскакал к командиру и отдал ему своего коня. Командир вновь повел атаку.

Как и Миша Гаврилов, Ваня Ротанов геройски погиб на поле боя. Но слава орлят не умирает. Она будет жить в памятниках (ведь пионеры продолжают строить памятники своим героям). Она будет жить в песнях и книгах. А главное, в вас самих, ребята. Ваши далекие ровесники, которых вы видите на этих фотографиях, завещали вам быть отважными, ничего не бояться и ничего не жалеть в борьбе за свободу, за революцию, за коммунизм.

Л. ПЕТРОВСКИЙ

Боевые друзья Петя Козлов и Ваня Ротанов.

Большая химия идет в наступление

НА ПОЛЯХ

Каждая тонна удобрений даст прибавку зерна в 2—3 тонны.
100 миллионов тонн удобрений дадут нам дополнительно:
- 8 миллиардов пудов зерна,
- 170 миллионов тонн картофеля,
- 13 миллионов тонн сахара,
- 8 миллионов тонн хлопка, льна, конопли.

Каждый рубль, истраченный на удобрения, дает прибавку урожая в среднем на 10 рублей.

Гербициды — химические вещества, убивающие сорняки. На полях, обработанных гербицидами, в 20—30 раз сокращаются затраты труда на прополку.

Что такое КАФ? Это — новое удобрение. В каждой его молекуле содержится и калий, и азот, и фосфор, а без них не может жить ни одно растение.

НА ФАБРИКАХ ТКАНЕЙ И ОБУВИ

Уже создано более двадцати видов синтетических волокон. И если тонна натуральной шерсти обходится государству в 10 000 рублей, то всего 900 рублей стоит тонна лавсана — превосходной химической шерсти.

Обувь из искусственной кожи в 15—20 раз дешевле, чем из натуральной. Да и затрат труда нужно в 100 раз меньше. Чтобы обеспечить нашу страну кожаной обувью, в 1980 году потребовалось бы полмиллиарда коровьих шкур. Представляете, какое стадо пришлось бы истреблять,— раз в пять больше, чем нужно на мясо! Вот синтетика и приходит на помощь.

Это в пять раз больше того, что нужно для производства мяса, молока и масла. Ткацкий станок дает в час 4 квадратных метра ткани, а машина для нетканых материалов — 300 метров! Уже сейчас есть 12 видов нетканых материалов.

НА ЗЕМЛЕ, ПОД ЗЕМЛЕЙ И НА НЕБЕ

Химия дает промышленности материалы с новыми, невиданными качествами. Силиконовая изоляция — это как бы чехол из спекшегося песка. Провода в силиконовой броне не повреждает даже пожар. Температуру в 300 градусов силикон может выдерживать долго, а недолго — почти в 600 градусов.

Чтобы при взлете ракета не сгорела от трения о воздух, ее защищают силиконовыми лаками, которые кратковременно способны выдержать сверхвысокую температуру.

Пластмассовый магнит можно сделать любой длины и любой формы, а по качеству он не уступает стальному и железному.

Вестибюли станций Киевского метро и десятки домов в Ленинграде покрыты новыми красками. Они не боятся ни влаги, ни пыли, не тускнеют и не осыпаются.

В колбе химиков скоро будут создаваться кристаллы алмазоподобных соединений. Такой кристалл работает как полупроводниковый прибор.

Чтобы получить 100 тонн натурального каучука, 100 человек должны трудиться на плантации 5 лет. 100 тонн синтетического каучука на химическом заводе 5 аппаратчиков, следящих за работой установки, дают за один день.

У ПОСТЕЛИ БОЛЬНОГО

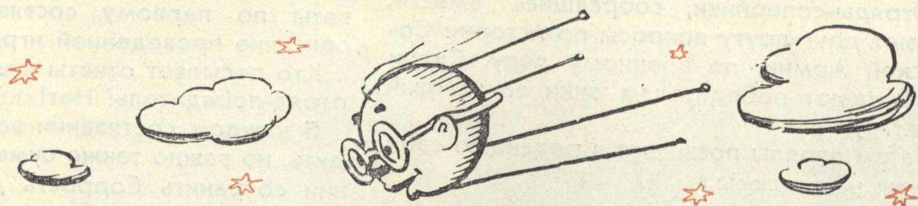
Созданы такие химические вещества, которые приживаются в человеческом теле, заменяя ребра, суставы, сухожилия и кровеносные сосуды. Даже поврежденный сердечный клапан можно заменить искусственным.

Скоро хирурги будут не сшивать, а склеивать разрезанные при операции ткани. Для этого создается специальный «заживляющий» клей.

Новые ткани для бинтов и медицинских халатов обладают чудесным свойством: они убивают микробов.

Уже существуют искусственные вещества, заменяющие кровь. Это очень важно при несчастных случаях, тяжелых операциях и некоторых болезнях.

Эй, в каком отряде настоящие ребята?

СЛУШАЙТЕ: — БиП... БиП... БиП...

это — сигнал спутника

Это — Большая Игра „Пионера"

Большую Игру «Пионера» проводят в честь 46-й годовщины славной Советской Армии редакция журнала «Пионер» и Центральный комитет добровольного Общества содействия армии, авиации и флоту.

Начало игры — в тот день, когда ваш отряд получит февральский номер «Пионера».

Конец игры в 23.00 29 февраля 1964 года.

КТО МОЖЕТ УЧАСТВОВАТЬ В ИГРЕ?

Любой пионерский отряд.

Ограничений никаких.

Отряд, который решит играть, посылает вызов любому другому пионерскому отряду своей дружины, города, села, и они вместе срочно отправляют в «Пионер» заявку по такой форме:

Главному штабу БИП

Отряд № 1 (43 человека) и отряд № 3 (38 человек) готовы принять участие в Большой Игре «Пионера».

Командиры отрядов.

КТО ПОМОЖЕТ В ИГРЕ?

По решению бюро президиума Центрального комитета ДОСААФ все организации ДОСААФ готовы оказать помощь участникам Большой Игры «Пионера».

Можно заранее сказать: те отряды, которые обратятся за помощью в организации ДОСААФ, к военнослужащим, офицерам и солдатам, проведут игру интереснее.

Главный штаб БИП расположен по адресу: Москва, А-15, Бумажный проезд, д. 14, 11-й этаж, «Пионер», Главный штаб БИП.

Участникам Большой Игры «Пионера» предстоят два серьезных сражения.

СРАЖЕНИЕ ПЕРВОЕ

Отряды-соперники, собравшись вместе, задают друг другу вопросы по истории Советской Армии, по военному делу. Судьи присуждают победителям очки за каждый ответ.

Затем отряды посылают в редакцию свои ответы на вопросы.

СРАЖЕНИЕ ВТОРОЕ

Отряды-соперники проводят военную игру на местности. В этом номере «Пионера» мы рассказываем о трех таких играх. Выберите одну из них по вкусу или придумайте свою игру.

После игры отряды высылают в штаб БИП донесения, в которых должны быть:

а) Описание боя, составленное кем-нибудь из его участников.

б) Схема военной игры.

КТО ПОБЕДИТ?

Победителями БИП будут те отряды, которые 10 марта, не раньше и не позже, вышлют в штаб БИП самые интересные ответы по первому состязанию и лучшее описание проведенной игры.

Кто посылает отчеты в штаб БИП? Только отряд-победитель? Нет!

В каждом состязании важно уметь победить, но важно также суметь и при поражении сохранить бодрость духа и проанализировать свои ошибки.

Поэтому побежденный отряд тоже имеет право высылать донесение. И может случиться, что среди победителей окажутся и проигравшие отряды!

НАГРАДЫ ОТРЯДАМ-ПОБЕДИТЕЛЯМ

10 отрядов получат награды: палатки, полевые бинокли, малокалиберные ружья.

Сумеете ли ответить?

В первом сражении нужно ответить на эти вопросы.

1

Когда был подписан декрет о создании Рабоче - Крестьянской Красной Армии и Советского Военно-Морского Флота?

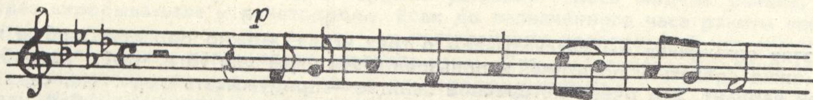
Почему День Советской Армии и Военно-Морского Флота празднуется 23 февраля?

2

Как называется эта картина? Кто ее автор? Что вы можете рассказать о ее содержании?

3

Вот нотная строка. Что это за песня? Когда закончился поход, о котором в ней поется?

4

Назовите имена Героев Советского Союза, водрузивших знамя Победы над рейхстагом. Где сейчас находится это знамя?

5

Когда было введено звание Героя Советского Союза? Назовите имена группы советских летчиков, которым было первым присвоено звание Героя Советского Союза. За что они были награждены?

6

Эта скульптура стоит у входа в бывший фашистский концлагерь Маутхаузен. Ее автор — советский скульптор Владимир Цигаль. Кого изобразил он? Что вы знаете об этом герое Великой Отечественной войны?

7

Сколько дней продолжалась блокада Ленинграда?

8

Для бойцов, защищавших Севастополь от фашистских захватчиков, издавалась рукописная газета «Окопная правда». Кто ее выпускал?

9

Перечислите все воинские звания Советских Вооруженных Сил.

10

Назовите все рода войск Советских Вооруженных Сил.

11

«Земля—Земля», «Земля—Воздух», «Воздух — Воздух». Что означают эти сочетания слов?

ТРИ ИГРЫ

На этих страничках мы рассказываем о трех играх. Можно провести любую из них, а можно сделать и похитрее: использовать эти игры для того, чтобы разработать свой вариант. Это очень интересное занятие — придумывать игру. Но, сидя в комнате, ее не придумаешь. Игра — это вроде боя, а прежде, чем начать бой, надо ознакомиться с местностью, провести разведку. Собираются несколько толковых ребят и решают: где удобнее провести игру? Может, в том бору, что начинается за школой? Может, в глухой части городского парка? Команда «стратегов» отправляется в разведку. Вот замерзшая речка... А что, если сделать ее рубежом? Один отряд будет форсировать ее, другой — держать оборону. Получится интересная игра! Только, конечно, надо продумать все детали ее. А вот другая возможность: укромная маленькая полянка... Ну-ка, пофантазируем! Представим себе, что это —

ПОСЛЕ СЛОВА - ОТМАШКА

ТИРЕ

ТОЧКА

СТАРТ ФИНИШ

1 2 3 4 5

ПУТЬ НА ОГОНЕК

Две команды по очереди идут по кольцевому маршруту, выполняя по пути различные задания.

Победившей считается команда, набравшая за выполнение всех заданий большее количество очков.

Какими могут быть задания?

1. Прочитать троекратно переданное судьей одно слово по азбуке Морзе из пяти букв. За правильный ответ — 5 очков.

2. Спуститься на лыжах с крутой горы. Каждый, кто не упадет при этом, принесет своей команде одно очко.

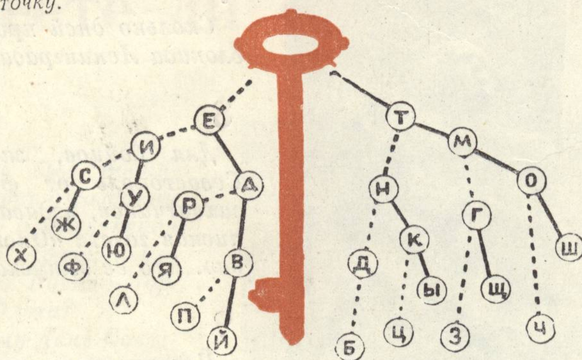
3. Определить на глаз (участвуют представители от отрядов), сколько метров до ориентира (дерева, дома). Если ошибка менее 5 метров, участник получает 15 очков, менее 10 метров — 5 очков, более 15 метров — 2 очка.

Конечно, судья должен точно знать длину дистанции (100—200 метров).

4. Обнаружить в пути и правильно прочитать шесть дорожных знаков. За каждый найденный и прочитанный знак команда получает по одному очку.

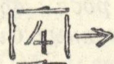
5. Устроить очаг в снегу или разложить и разжечь небольшой костер шалашиком.

Это ключ к азбуке Морзе. Проследите дорожку от ключа к нужной букве. Сплошная линия на ней означает тире, пунктирная — точку.

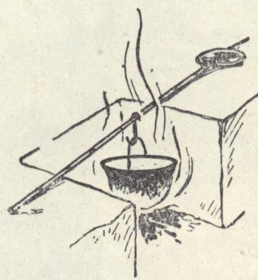
  иди прямо

  сверни направо

  письмо в 4-х шагах

  осторожно!

  остановись, погляди вокруг!

ОЧАГ В СНЕГУ

КОСТЁР „ШАЛАШИКОМ"

«вражеский» ракетодром. Одна «армия» установит здесь модель ракеты, другая будет «прорываться» к ракетодрому. Если до назначенного часа ракеты «обезвредить» не удастся, состоится запуск — и наступающие проиграли. А что значит «прорываться»? Можно использовать правила игры «Путь на огонек». Выполни все условия в определенное время, и путь к ракетодрому открыт.

«Штурм крепости», «уничтожение вражеского десанта», «бой разведчиков» — мало ли игр придумают «стратеги»! Игра проходит интереснее, если есть «штабы», есть группы ракетчиков, саперов, санитаров, если используется какая-нибудь техника: полевой телефон, УКВ-станция, школьная автомашина, если ребята понаделали, трещотки-пулеметы, макеты пушек и ракет...

ВСТРЕЧНАЯ РАЗВЕДКА

Лес перерезала широкая просека. Это линейная полоса. По обе стороны ее залегли две команды разведчиков. Выставлены наблюдатели. Все замерло. Но вот то здесь, то там чуть заметно какое-то движение. Каждая команда стремится перебраться на территорию противника. Задача вроде нехитрая. Но перебираться надо так, чтобы наблюдатели противника не сумели записать твой номер: он большими цифрами выведен на спине. Если номер записан, игрок «убит».

Победит команда, которая быстрее займет чужую позицию и при этом сохранит в тайне от противника большее количество своих номерных знаков.

Еще одна задача: затащить на чужую территорию мешок, набитый сеном (предположим, это означает, что высажен воздушный десант...).

Разумеется, во время этих опасных операций каждого игрока могут «убить»: выхватить тесемочку из его нарукавной повязки. Кстати, обратите внимание: вот лучший способ определять, кто еще в игре, а кто из игры выведен,— такая тесемочка. Потому что если срывать повязки, то в пылу боя недолго и рукав оторвать напрочь — такое бывает. Только надо, чтобы не было жульничества. А то иной хитрец понаделает себе десяток тесемочек — поди «убей» его!

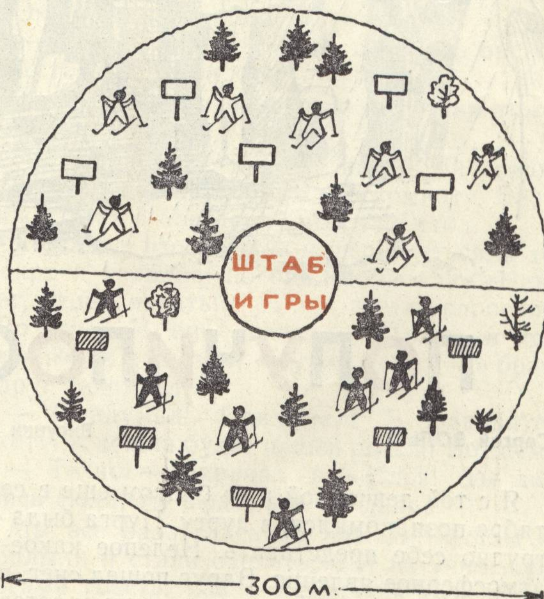
В ЛЕСНОМ БОЮ

Посмотрите на схему этой игры. На территории, занятой командами, стоят какие-то указатели. Это боевая техника противника. На одном щите написано «танк», на другом —«пушка», на третьем — «огнемет». Задача: пробраться на чужую территорию и обнаружить эти «огневые пункты», а еще лучше — уничтожить их (то есть попросту выдернуть кол с фанеркой и утащить).

ГЛУПО КАК-ТО ПОЛУЧИЛОСЬ

Сергей ВОЛЬФ **Рисунки Е. Медведева.**

Я с той девчонкой и ее братом еще в сентябре познакомился, в пургу. Пурга была — трудно себе представить. Нелепое какое-то атмосферное явление. Вдруг пошел снег, повалил среди бела дня, все на улице растерялись, замахали руками.

Все, правда, растерялись, только я один, наверное, обрадовался. Эгоизм, конечно, но что делать: люблю я зиму.

И вдруг... началось: дождь пошел. Вот всегда так. Весь снег в дождь превратился, в жуткий дождину, а пурга не кончилась — куда там, дождяная такая получилась пурга. Дождь так и носился по улице, как ненормальный.

Я сразу весь вымок и в подворотню заскочил. Вот погодка, думаю, и все из-за этой кисточки. Нам в классе велели такой рисунок сделать — наша школа через сто лет. Ну, как мы ее себе представляем. Я понял, что тут без красок не обойтись, и пошел за красками. Краски купил, а кисточек в магазине нет — пришлось на Невский ехать. Купил, конечно, а тут эта пурга и дождь.

Вот, думаю, погодка — убийственная. И вдруг вижу: заскакивают в подворотню еще двое, мокрее всех, до ниточки промокли прямо. Ей лет десять, а ему лет восемь. Совсем птенцы, смех! — мне-то уж, слава богу, одиннадцать исполнилось, давно уже двенадцатый.

Она совсем промокла, насквозь, а он нет, хотя тоже здорово. На нем куртка спортивная была, непромокаемая. И вдруг он снял эту куртку и на нее надел. Она стала сердиться и не брать куртку, а он обозлился и заставил ее надеть.

Мне их вдруг жалко стало, я даже хотел свой свитер снять, но не снял: все равно ведь мокрый, а под ним майка и больше ничего. И тогда я взял и надел на него свою кепку, все-таки теплее.

— Ты чего?! — закричал он.— Отстань!

— Ладно, ладно,— говорю.— Не ори. Голову простудишь.

Она вдруг сказала мне «спасибо» и ему велела сказать. Он сказал и покраснел. И я вдруг почувствовал, что и сам краснею глупо как-то, прямо даже не знаю отчего, и тогда я засунул руки в карманы и засвистел, надувая щеки.

— Не правда ли, очень сильный дождь? — сказала она.

— О да! — ответил я.— За последний месяц не помню другого такого. Хотя, если подумать, были и посильнее.

— А я видел однажды такую молнию,— сказал он,— что вот отсюда и дотуда. Провалиться мне, если я вру.

— Я тоже врать не стану,— говорю.— Но я однажды шаровую молнию видел. Вот феномен, я вам скажу. Круглая, как шар, светится и все разит на своем пути. Это я в Крыму видел, зря врать не буду.

— Вы были в Крыму? — спросила она.

— Еще бы,— говорю.— Два раза.

— И с маской в море плавали?

— Вот смех,— говорю.— Да целый день! С утра до вечера! Ласты, маска и трубка.

— И не задыхались? — спросил он.

— Ну чего тут задыхаться,— говорю.— Чего уж тут задыхаться! Маску на лицо, трубку в рот, дышишь только ртом, носом нельзя, а то маска запотеет — и плывешь.

— Плывешь,— сказал он.— Да-а-а...

— И рыб видели? — спросила она.— Неужели и рыб?

— Вот юмористы,— говорю.— Да их там пруд пруди, тысячи, если не больше.

Они смотрели на меня, разинув рты, и тогда я соврал: прямо нельзя было не соврать — так они на меня смотрели.

— А то еще прихватишь ружье,— сказал я,— и поохотишься немного... так, пока не надоест. Я однажды такую зеленуху шлепнул, не поверите — с ладонь. Да что там с ладонь, больше, наверное, раза в два.

— Смотрите! — вдруг громко сказал кто-то.— Дождь кончился.

Мы поглядели на улицу — дождя не было, только капало чуть-чуть с крыш. И такое все было дождливое, мокрое и серое, что я даже удивился: неужели я и вправду всего две недели назад был на Черном море?

— А знаете,— сказала она,— хотите, мы вам кошку покажем? В нашем дворе живет, здесь недалеко.

— Смех,— сказал я.— А что в ней такого?

— Она цветастая. В ней двадцать разных цветов.

— Будто такие бывают? — сказал я.

— Здесь совсем рядом,— сказала она.— Сами увидите.

— Ладно,— говорю.— Пошли. Поглядим на этот феномен.

Они оба засмеялись, и мы пошли в их двор. Куда-то направо и налево и, кажется, снова направо — я не запомнил. Мы вошли во двор, и там было пусто. Совсем пусто.

— Ой,—вдруг сказала она мне.— Вы же без кепки шли. Отдай быстро кепку,— добавила она брату.

Он опять покраснел, а я сказал:

— Ничего. Чепуха какая. Бывало и похуже. Где же ваша кошка?

— Кыса-кыса-кыса-кыса,— позвала она.

Я завертел головой, но ничего не увидел в пустом дворе. Потом кто-то толкнул меня в ногу, я обернулся и тогда только увидел эту кошку. Это она меня головой боднула. Мы втроем присели и стали ее гладить.

— Видите, видите? — говорили они оба.— Черный цвет — раз, белый — два, серый — три, рыжий — четыре, бурый — пять, черно-рыжий — шесть, голубой — семь... Целых семь цветов! Нравится?!

— Ничего,— сказал я.— Яркая.

— Понесли ее к нам,— сказал он и посмотрел на сестру.

Она посмотрела на меня и спросила:

— Хотите зайти к нам? Зайдемте? Мы вот в этой парадной живем. Совсем рядом. Я знаю одну игру.

— Ну пошли,— сказал я.— Только ненадолго. Мне еще эту школу через сто лет делать надо.

Они захлопали в ладоши и повели меня к себе по темной парадной.

— А вы кто друг другу? — спросил я.

— Брат и сестра,— сказала она.

Так я и думал.

— Я догадался,— сказал я.— Врать не буду. Если хотите, называйте меня на «ты»,— добавил я.

Они оба засмеялись в темноте.

— А вас как зовут? — спросила она.— То есть тебя? Тебя как?

Я ответил и спросил, как их, и они тоже ответили.

Мы поднялись куда-то на самый верх, вошли в квартиру, а потом в комнату. Брат зажег свет и поставил кошку на стол.

Я сказал, что им нужно переодеться, а то мокро и холодно, но они закричали: «Нет-нет, будем играть!» И я тогда спросил: «Во что?» И она сказала: «Может, в магазин?» А я сказал: «Ну вот еще!» — а брат вдруг закричал:

— Придумал! Придумал! В подводную охоту! А кошка будет нашей рыбой! Вот кем!

— Точно! — закричал я.— Идея! Ты ложись сюда, ты сюда, а я на диван.

Мы все разлеглись по разным местам и поплыли и стали охотиться. Я их учил, как ногами грести, как руками, как ружье заряжать, как дышать при нырке... Мы все кыскали — «кыс-кыс-кыс», и к кому эта цветастая кошка ближе подходила, тот делал «фьюить», будто гарпун летит, и убивал ее.

Потом вдруг наша рыбина залезла под

кровать, и мы ее долго звали — кыс-кыс-кыс! — а она не вылезала.

— Надо нырять,— сказал я шепотом.— Она в глубоком гроте.

Мы спустились на пол и полезли под кровать, но ее там не было. Потом мы ее все-таки увидели и погнались за ней, и я громко закричал, догоняя ее, и вдруг мы услышали:

— Что здесь происходит?

Мы вылезли из-под кровати, и я увидел высокого мужчину с газетой в руке. Дверь он не закрыл, он стоял посреди комнаты и глядел на нас. Потом, показывая на меня, спросил:

— Это кто?

Мы молчали. Он положил газету на стол, сел на диван и увидел, как из комнаты в коридор выходит цветастая кошка.

— Чья это кошка? — спросил он.— А, Варя?

— Чужая, пап,— сказала она.

— А он кто? — спросил он и снова показал на меня.

— Мальчик... ну...— и она замолчала.

— Я пойду,— сказал я.— Мне пора, знаете ли...

— Погоди,— сказал он.— Ты как здесь очутился?

Я пожал плечами и стал глядеть в потолок.

Что я мог сказать ему? Вот если бы, например, я помог им картошку донести или спас кого-нибудь из них в Фонтанке, я бы так и сказал. А так... что я мог сказать?

— Я пойду,— сказал я.— Школу еще рисовать надо.

— Но откуда ты взялся? — снова спросил он.

— До свиданья,— сказал я.— Всего хорошего.

— Что же вы молчите? — спросил он у них.

— Мы играли,— сказал брат.

— Я не об этом спрашиваю.

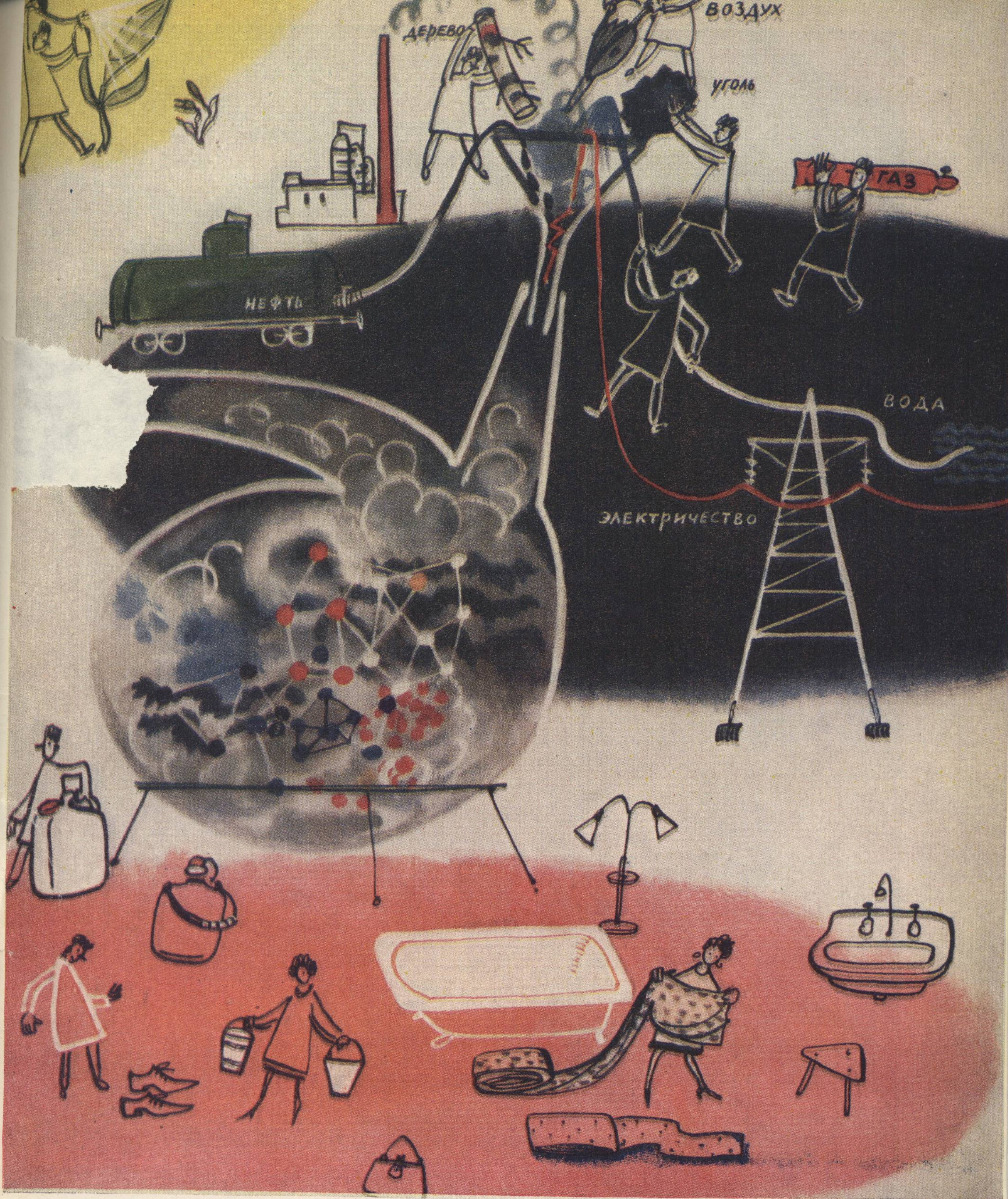
— Мы играли,— сказала она.

...Но это я услышал уже в коридоре. Я открыл дверь и очутился на лестнице. Кошка выскочила за мной и сразу же куда-то спряталась.

Ветер дул, как и раньше, сильный, и дождь был такой же.

Я шел по улице и думал, как глупо все получилось, я даже не замечал, куда иду, и удивился, когда понял, где нахожусь. И тут же удивился еще раз, потому что сообразил, что совсем не помню, откуда я пришел, как называется их улица и какой у них номер дома. Все забыл. Начисто.

Так я их больше и не видел ни разу. Как-то все не так получилось, даже непонятно как. И почему.

дить, да такой бы волшебной воды, чтобы хлеб не по дням, а по часам рос, да еще бы колпак, что ли, чтобы солнце сквозь него грело, а мороз не морозил.

— А нам бы,— просят портные,— сукно, чтобы не мялось, да мех получше лисьего да подешевле овчинного...

— А нам бы шины без износу. Можешь?

— Все могу,— отвечает Химия,— все будет,— материал только дайте.

— А какой тебе материал?

— А мне все пойдет: и сучки, и стружка, и дым из трубы, и вода из реки, и газ из-под земли, и уголь из горы,— мне все годится, на то я и Химия.

ГАЛИЛЕЙ В ОЖИДАНИИ СУДА.

Со старой гравюры.

РАЗБИВШИЙ ХРУСТАЛЬНОЕ НЕБО

Считалось, что мир устроен так: в центре — Земля, обиталище людей и всего сотворенного господом богом за неделю, которую он посвятил «строительству». Вокруг Земли — сложная система вращающихся небесных сфер. К одной сфере прикреплен серебристый фонарь Луны, ко второй — планета Меркурий, к третьей — Венера, к четвертой — Солнце, к пятой — Марс, к шестой — Юпитер, к седьмой — Сатурн. К восьмому небу прибиты золотые гвоздики звезд, затем идет девятое, кристаллическое небо и, наконец, десятая сфера— область сияющего небесного эфира, Эмпирей, обиталище бога. Где-то между двумя последними сферами располагается мощный двигатель, вращающий все эти громоздкие небеса.

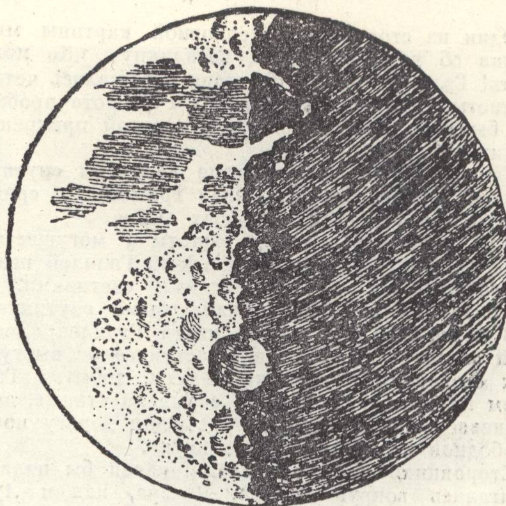
Стройная карусель хрустальных небес нарушалась только планетами, «блуждающими светилами». Они никак не хотели описывать аккуратные дуги со своими хрустальными сферами: вдруг делали остановки, а потом начинали пятиться назад, медленно выписывая на небе петли и кривые.

Александрийский математик Клавдий Птоломей, живший во II веке нашей эры, придумал сложную систему для объяснения этих планетных капризов. Позже христианская церковь объявила его объяснения священными и непогрешимыми, а всех, кто вздумает объяснять устройство мира по-иному,— врагами бога и религии, слугами дьявола, для которых годится одна мера «перевоспитания»: пытки, покаяние и смерть на костре.

В XVI веке польский астроном Николай Коперник нарисовал иную, правильную картину мира с Солнцем в центре и с движущимися вокруг него планетами, среди которых на равных правах двигалась и Земля. Он избежал костра, возможно, лишь потому, что книга «О движении небесных тел» вышла из печати, когда ученый уже лежал на смертном

7 Januarii. Or. Occ.
8 Januarii. Or. Occ.
10 Januarii. Or. Occ.
11 Januarii. Or. Occ.
12 Januarii. Or. Occ.
13 Januarii. Or. Occ.
15 Januarii. Or. Occ.

Изменяющиеся положения спутников Юпитера. Из дневника наблюдений Галилея.

Поверхность Луны, какой ее увидел и нарисовал Галилей.

одре. А идеи Коперника? Их не сразу объявили ересью: лишь через семьдесят лет, когда нашелся человек, фактами подкрепивший эти великие идеи: неопровержимыми, упрямыми фактами.

Этот человек — Галилео Галилей. В мае 1609 года ему рассказали, что какой-то голландец сделал трубу, как бы приближающую предметы, если сквозь нее смотришь. Немедля он стал сам конструировать трубу, и в августе того же года первый в мире телескоп, увеличивающий в тридцать раз, был готов и нацелен на небо, на Луну. Так началась новая эпоха в астрономии.

Галилей увидел на Луне горы и горные цепи, пропасти, расщелины и обширные темные пространства, которые счел морями. Это значило очень много. Это значило, что Луна не светильник, подвешенный богом к хрустальному небу. Это значило, что Луна — такой же огромный и сложный мир, как сама Земля. Это разрушало представление, что небо — одно, а Земля — другое. Это выбивало первый кирпич из старой картины мироздания.

Куда бы ни обращал Галилей свою трубу, он открывал новое, неведомое. В Млечном Пути, который до того считался атмосферным явлением, он обнаружил густую россыпь неисчислимых звезд. В созвездии Ориона, где невооруженный глаз видел всего восемь звезд, труба показала их вдесятеро больше: около восьмидесяти. Вместо шести-семи звездочек в мерцающей стайке Плеяд Галилей насчитал четыре десятка.

Не все очевидное очевидно! Этот вывод заставляли сделать открытия Галилея. И этот вывод расшатывал основы старого учения о мире. Ведь если наши чувства не все воспринимают так, как оно есть, то и довод «мы видим, что Солнце движется, а Земля неподвижна» становился неубедительным.

7 января 1610 года. Запомните эту дату! Галилей обратил свою трубу к Юпитеру и... заметил четыре блестящих точки, четыре крохотных звездочки в соседстве с ним. Юпитер, как и все планеты, «блуждает» среди звезд, меняет по отношению к ним свое положение. Но четыре крохотных блесточки не отставали от Юпитера в его «блужданиях», кружась вокруг него в хороводе. Сомнений не было: Галилей открыл спутников Юпитера, четыре луны, которые обращались вокруг этой планеты.

Один из сторонников церковной картины мира, узнав об этом открытии, воскликнул: «Не может быть! Если бы вокруг Юпитера обращались четыре планеты, они при каждом своем обороте пробивали бы хрустальную сферу, к которой прикреплен Юпитер!»

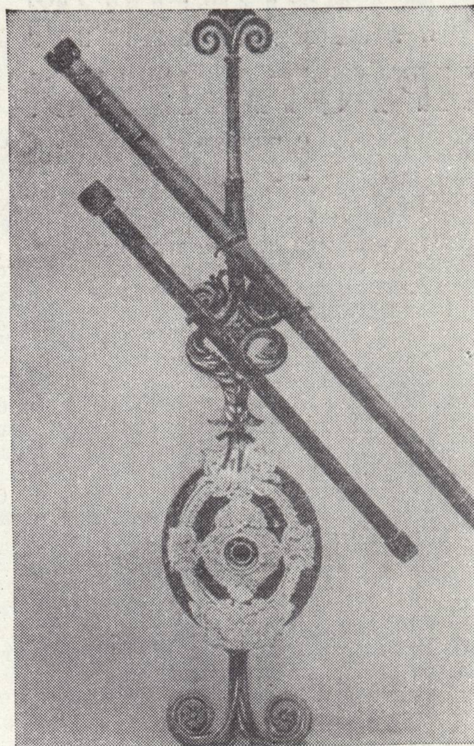
Так оно и было. Открытые Галилеем спутники Юпитера вдребезги разбивали громоздкую средневековую систему хрустальных небес.

Ища покровительства и защиты у могущественных Медичи, герцогов Тосканских, Галилей назвал спутники Юпитера Медичейскими светилами. Мы же зовем их и сегодня Галилеевыми спутниками.

В марте 1610 года вышла книга Галилея «Звездный вестник». В «Звездном вестнике» он выступил как сторонник Коперника. Факты, добытые Галилеем на небе, как фугасы, взрывали старые, закостеневшие представления, расчищая дорогу новой, свободной от предрассудков науке.

Сторонники старого кричали: «Если бы планеты двигались вокруг Солнца, Венера, как и Луна, представлялась бы нам в фазах: то полным диском, то половиной диска, то узким серпом. Однако очевидность показывает, что это не так».

Снова обманчивая «очевидность»! Галилей вооружается фактами. Он ведет наблюдения Венеры и вскоре делает запись, по обычаю ученых того времени сперва зашифрованную. Запись эта гласит: «Мать любви подражает фигурам Цинтии». Мать любви — Венера, Цинтия — одно из имен богини Луны у римлян. Галилей открыл фазы Венеры, и еще одна «очевидность» рухнула.

Галилеева труба.

Вечерами каждый, кто хотел, мог прийти к Галилею и смотреть в телескоп на небо.

Через двадцать два года после выхода в свет «Звездного вестника» Галилей выпустил вторую книгу, «Диалог о двух системах мира», где со всем своим остроумием, со всей силой фактов и наблюдений показывал несостоятельность старой церковной системы мира и правильность Коперниковой.

Суд инквизиции угрозой пыток и костра заставил больного семидесятилетнего старика подписать отречение от своих взглядов. Он подписал. Но никакое отречение уже не могло помешать победному ходу истинной науки, которой Галилей расчистил дорогу. Ведь то, что он увидел на небе, смогли после него увидеть и увидели тысячи людей — ученых и неученых — в различных странах Земли. Не во власти церкви было остановить движение Галилеевых спутников вокруг Юпитера. Не во власти церкви было стереть с лица Луны горы и кратеры, трещины и темные пятна морей. Учение Коперника, подкрепленное открытиями Галилея, охватывало умы людей с быстротой и силой лесного пожара.

15 февраля 1964 года все человечество торжественно отмечает четыреста лет со дня рождения Галилео Галилея, великого физика, астронома, математика и инженера. Все человечество преклоняется перед его научным подвигом.

Посмотрите на небо, ребята, когда в нем золотистым топазом искрится Юпитер. Не только подзорная труба, но и обыкновенный полевой бинокль покажет вам четыре крохотных золотых точки. Это Ио, Европа, Ганимед и Каллисто — Галилеевы спутники Юпитера, разбившие хрустальное небо, обиталище бога.

Е. РУБЦОВА

КИНОСТУДИЯ КУРСКОГО ДВОРЦА ПИОНЕРОВ „ПИОНЕРФИЛЬМ"

Пять лет существует эта студия. Ее режиссеры, операторы, сценаристы — ребята. Им удалось уже создать несколько хороших фильмов.

Один из них, «Сейте кормовые бобы», на втором всесоюзном смотре любительских фильмов получил премию ЦК ВЛКСМ. Другой, «Пионерское лето», заслужил золотую медаль Артека и премию ВДНХ.

Фильм «Курская битва» — новая интересная работа киностудии. Этот фильм шел на «большом» экране в Курске и Курской области. Сейчас он гостит в Москве, в павильоне юных натуралистов и техников, на ВДНХ.

На этой странице вы видите кинокадры из фильма «Курская битва».

ГЕРОЯМ-ОТЦАМ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

В походе по местам сражения за Курск родилась у нас мысль воскресить на экране историю Курской битвы.

Мы изучили обстановку боев на Курской дуге, расположение наших и немецких войск, ход битвы. Встретились мы и с участниками сражения.

Работая над сценарием, мы поняли, что для создания фильма нам нужны документальные кадры боев под Курском. Мы обратились за помощью в Центральный государственный архив кинофотофонодокументов, находящийся под Москвой, в городе Красногорске. Работники архива пригласили нас к себе, отпечатали необходимые для фильма кадры, дали нам пленки немецкой кинохроники.

Мы вернулись в Курск, начали монтаж фильма. Из разрозненных кадров, снятых на разных участках битвы, монтажницы Ира Косминская и Катя Чернова составили связный кинорассказ. Звукооператоры Леша Кудрин и Коля Бубнов разобрали и смонтировали фонограмму так, чтобы звуковое сопровождение фильма точно совпадало с происходящими на экране событиями. А тем временем операторы Толя Корыстин и Володя Жариков начали съемки знаменитого Теплинского поля.

Красиво поле около села Теплое под Курском. Огромное, не окинешь глазом. Все покрыто белой цветущей гречихой. А посреди этого мирного поля — памятник-обелиск. На невысоком постаменте стоит изуродованная, разбитая пушка.

Пушка, стоящая над мирным Теплинским полем,— свидетель мужества наших отцов.

К этому памятнику героям-артиллеристам приходят тысячи людей возложить цветы, почтить память героев.

Героям, павшим в боях за Курск, посвятили мы наш фильм.

Режиссер фильма
Маргарита АВДЕЕВА

г. Курск.

У памятника героям-артиллеристам.

Помощь раненому.

Пленные фашисты.

Чудовище подводного каньона

Научно-фантастический рассказ

В. САПАРИН

Рисунки П. Павлинова

Я узнал «Скат-1».

1

Агапов уверял, что, если бы он не находился тогда на Луне, Калабушева не отправили бы в самый глубокий каньон на дне Индийского океана.

— Это один из величайших упрямцев в солнечной системе! — говорил он горячо. — Если бы вы дали себе труд обратиться во Всемирное справочное бюро и попросили перечислить наименее подходящих людей для столь ответственной экспедиции, то Калабушева назвали бы в первом десятке.

Те, кто готовил экспедицию, пожимали плечами: Калабушев был не только самым знающим, но просто единственным специалистом по морским змеям на нашей планете. Никто, кроме него, не интересовался полуфантастическими видениями, которые представлялись глазам пьяных или перепуганных матросов в далекую эпоху парусного флота. А он, как ярый коллекционер, собирал на протяжении всей жизни эти легендарные истории, выкапывая их из старинных книг и газет, изучая давно забытые архивы. Вряд ли Всемирная кибернетическая библиотека с ее миллиардами отсеков, в электронную память которых вот уже третий год вводились все основные сведения, добытые человечеством за предыдущие века, располагала хотя бы тысячной долей тех данных, которые находились в распоряжении Калабушева. И только он один мог сказать, что́ в его шкафах, набитых фотокопиями собранных со всего света документов, представляло хоть видимость научной ценности, а что́ следовало отнести к чистейшей фантазии. Но и он мог ошибаться. Этот упрямец верил в существование морских змеев, несмотря ни на что.

Конечно, если бы налицо имелся еще хотя бы один знаток морских змеев, комиссия могла думать, кого из них посылать. Но выбора не было. Не послать же Калабушева в экспедицию, право на участие в которой он заслужил более чем кто-либо другой на свете, было бы слишком жестоко и несправедливо.

Но так или иначе, а сейчас уже поздно было рассуждать, почему в экспедицию отправили именно Калабушева.

Когда споры поутихли, председательствующий академик Лавров перешел к главному:

— Сейчас мы должны решить, собственно, не менее важный вопрос: кого послать на розыски Калабушева?

Все почему-то посмотрели в мою сторону. До этого момента я полагал, что меня пригласили в качестве эксперта-глубоководника. И действительно, в ходе прений мне было задано несколько специальных вопросов.

Но теперь от меня ждали чего-то другого.

— Что скажете, капитан? — подбодрил меня Лавров.

— Экспедиция более ответственная, — сказал я, — чем та, первая. Калабушев мог не найти своего морского змея — особой трагедии не произошло бы. Не найти Калабушева — совсем другое дело.

— Мы это понимаем, капитан, — прищурил глаз Лавров.

— Я не отказываюсь, — сказал я. Меня немного раздражал его прищуренный глаз. — Вопрос в том, кто лучше подготовлен для такого дела. Его и надо отправить. Мы не должны повторить ошибки с Калабушевым.

— Какие у вас отводы?

По традиции, человек, получающий ответственное задание, обязан назвать недостатки, если они у него есть, которые могут помешать выполнению задания.

— Отводов нет, — возразил я, — но соображения есть. Прежде всего я не верю в существование вашего знаменитого чудовища. Я облазил едва ли не все самые глубокие дыры мирового океана и, могу вас заверить, ни разу не встречал ни морского змея, ни «Летучего голландца».

— Но в существовании Калабушева вы не сомневаетесь?

Глаз Лаврова оставался прищуренным, и это действовало мне на нервы.

— А вам предстоит искать именно Калабушева, а не змея, — докончил Лавров. Он отвечал мне на моего «Летучего голландца».

— Насколько я понимаю, Калабушев и змей должны быть где-то вместе, — пробормотал я. — Повадок же змея я не представляю.

— Никто из глубоководников не верит в морского змея, так же, как и вы. Но вы один из опытнейших глубоководных асов. Это же спасательная экспедиция.

— Тогда, — сказал я, — переведем разговор на деловую основу. Если вы поручаете операцию мне, я берусь в течение двух часов подобрать экипаж, на который...

— Экипаж? — перебил меня Лавров. — Ни о каком экипаже не может быть и речи. Вы пойдете один.

Я внимательно оглядел лица сидевших в креслах. Нет, это не та компания, которая собирается, чтобы разыгрывать на досуге бывалых капитанов.

— Вопреки всем правилам?! — поразился я. Я покачал головой. Только что во всех деталях обсудили, к чему привело отступление от правил при организации экспедиции Калабушева, как тут же планируют новое крупнейшее нарушение! Было чему удивляться.

— Все очень просто, капитан, — сказал Агапов. — Калабушев пошел на «Скате». Никто не знает, в какую он забился щель, от него никаких сигналов. Значит, разыскивать его надо тоже на корабле-малютке. Скажем прямо: вам придется, может быть, путешествовать не только под водой, но и под землей.

Да, я уже слышал, конечно, о лабиринтах Тумберлинка. И версию о том, что это катакомбы, опустившиеся под воду. Может быть, там, где-нибудь в двадцать пятом колене, и обитает морской змей. Вполне возможно. Никто не побывал еще в странных норах, словно пробуравленных кем-то в подводных скалах. Кроме разве Калабушева. Тот, конечно, мог наплевать на все запреты.

— Но ведь «Скат» — двухместный, — сказал я. Не то, чтобы я боялся. Но соблюдение некоторых элементарных правил входит в кровь и плоть старых глубоководников. Мы не мальчишки.

— Второе место может понадобиться кому-то из спасаемых, — просто сказал Лавров.

Я понял теперь их мысль. Они считали, что «Скат» Калабушева застрял в подводно-подземной ловушке. Вытаскивать судно на буксире, вероятно, не удастся. Значит, в самом благоприятном случае придется осуществлять «пересадку» пассажира.

— Кто напарником с Калабушевым? — спросил я.

— Титов.

Титова я знал. Абсолютно уравновешенный человек. Спокойный до флегматичности. Отличный «компенсатор», если можно так выразиться, для Калабушева. Данную ему инструкцию ни за что не нарушит, ни против одного пункта не пойдет, хоть взорвись все вокруг.

— Кто начальником из них?

— Калабушев.

Положительно мне суждено сегодня без конца удивляться странностям комплектования этой экспедиции.

— Калабушев не имел морального права соглашаться! — сказал я горячо.

— Почему? — удивился Лавров. — Ведь он действительно своего рода специалист.

— Но вы-то! Вы! — настаивал я. Теперь я разделял возмущение Агапова. — Вы как могли согласиться на назначение Калабушева?

— А надо было начальником экспедиции на-

значить Титова? — Лавров смотрел на меня холодно и испытующе. Сейчас он начнет припирать меня к стенке. Я уже слышал, что он владеет искусством доказательств не хуже, чем чемпион мира по классической борьбе всеми ее приемами. — Первый раз, — в голосе Лаврова послышался оттенок удивления, — первый раз я отправил бы экспедицию, начальник которой не верит в ее цели, совершенно к ним равнодушен и не знает ни на гран предмет исследования. Вот это уж действительно было бы отступлением от всех правил!

Я промолчал.

Титов, конечно, хороший глубоководник. Но его специальность — гидроакустика. Резон в рассуждениях Лаврова есть.

— Известные биологи-глубоководники оказались занятыми. — Лавров угадал мою мысль. — Из свободных ни один не подходил ни по характеру, ни тем более по технической квалификации.

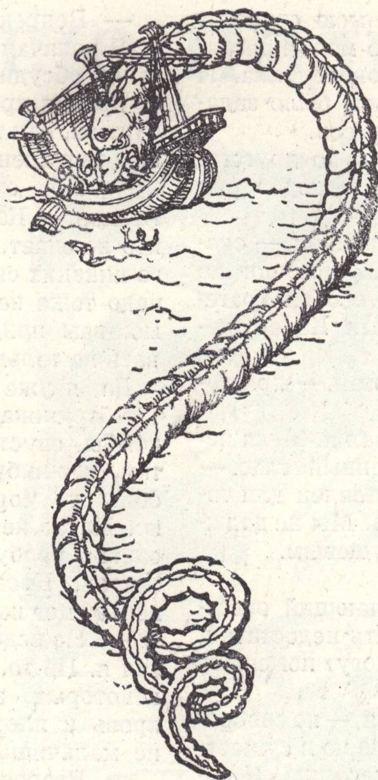
Да, уж Титов — мастер глубокого плавания, ничего не скажешь. Конечно, если уж начали с Калабушева, остальное вытекало одно из другого. Все сходилось к Калабушеву, точнее, к морскому змею, в существование которого он упрямо верил.

— Ведь путешествие не предполагалось опасным, — заметил Лавров. — Никто не поручал им обследовать Тумберлинк. Просто крейсирование вдоль каньона — и все. Что произошло, никто не знает.

— Скажите, — спросил я Лаврова напрямик, — а вы сами верите в этого...

Лавров улыбнулся.

— Я понимаю ваше недоумение. В двадцать первом веке — и вдруг старые матросские сказки. Но, видите ли, сказки это или нет, может окончательно выясниться именно в нашем веке. Парадокс? Никакого парадокса. Зоологи до сих пор спорят о некоторых представителях даже сухопутной фауны, были они или нет. А когда в прошлом веке ученые обнаружили кистеперую рыбу, они не хотели верить своим глазам. Считалось, что последние лятимерии вымерли несколько десятков миллионов лет назад, уступив место другим видам. А потом поймали еще несколько лятимерий. Что же, вы думаете, ископаемые рыбы стали возрождаться? Ничего подобного. Наука расширяла поиск — и больше лятимерий стало попадаться на глаза ученым. Вспомните, что океаны во всей их толще начали обследовать сравнительно не так давно, а объединить свои усилия так, как это теперь делают ученые всей Земли, раньше они тоже не могли.

Изображение морского змея, взятое из старинных книг.

— Но морских змеев что-то до сих пор не попадалось, — заметил я.

— Их, этих змеев, может быть, всего один или два, — серьезно сказал Лавров. — И вот где-то в последнем убежище их нашли.

— Раньше они почему-то чаще попадались на глаза, — сказал я. — И не стеснялись людей. Если верить сочинениям, которыми набиты шкафы Калабушева.

— Калабушев считает, что морские змеи — глубоководные существа, — все так же серьезно разъяснил Лавров. — А на поверхность выносились их трупы. Волнение, ветер и воображение людей придавали им облик живых. Потом их съедали птицы и рыбы. Существа вымирали, и поэтому их перестали встречать. Но, возможно, одна пара осталась.

— Я лично...

— Я ученый, — сухо прервал меня Лавров. — Мне нужны факты. А всякие «верю» или «не верю» не область науки.

— Я просто хотел сказать, — с ходу парировал я, — что Калабушев, возможно, как раз сейчас берет интервью у последнего из последних змеев. И что я лично сделаю все, что от меня зависит, чтобы это интервью не пропало для науки. Не гарантирую, что доставлю вам сюда морского змея, но Калабушева разыскать постараюсь.

Моя некоторая задиристость не очень их удивила. Они, должно быть, уже знали кое-что обо мне.

— Отлично, — сказал Агапов. — Я всегда считал, что правильный выбор состава экспедиции — половина ее успеха. Когда вы собираетесь отправиться, капитан?

— Через пятнадцать минут после того, как вы ответите мне на последний вопрос.

— Говорите.

— Что вам известно о характере Калабушева? Ведь вы его как будто хорошо знаете.

— Понимаю. Я должен сказать то, что должно облегчить ваши поиски.

— Вот именно. Я должен представить себе, как бы поступил в том или ином случае Калабушев. Как поступил бы человек моего склада, я представляю. Как поступит Титов, я знаю точно. Про его действия я могу рассказать точнее, чем про свои. Таким образом, в уравнении одно неизвестное, от которого зависит все. Я не психолог, но мне придется заняться психологией.

— Трудно сказать, как поступит человек в неожиданных обстоятельствах, — в раздумье сказал Агапов. — Известно одно: он очень упрям. К змеям у него страсть коллекционера. Представляете, на что́ способен такой человек, если ему представится реальная возможность пополнить свою коллекцию, допустим, самое маленькое, фотографией настоящего змея! Или хотя бы чего-то неизвестного нам, что принимали за змея. Что сказать еще? Он бесстрашен. Не знаю, не является ли это в данном случае осложняющим обстоятельством. По профессии он спелеолог.

— Спелеолог! — Я потер лоб. Этого еще недоставало!.. Я вспомнил опубликованную недавно статистику Контроля безопасности. Из нее вытекало, что по количеству несчастных случаев спелеологи занимают одно из первых мест среди других исследователей природы. Они залезают в такие тараканьи щели, где ничтожный сдвиг глубинной породы может привести к опасным последствиям. Основная причина, пояснял представитель Контроля безопасности, большинства происшествий — в нежелании исследователей укреплять пещеры и подземные ходы до первого проникновения туда людей. Те, с кем что-то случалось, как правило, хотели сначала изучить открытую ими полость земли в нетронутом виде, в каком ее создала природа. А потом уже они собирались пробивать запасные выходы, оборудовать комфортабельные штольни, ставить подпорки и защитные сетки. Далее, помнится, излагались советы Контроля безопасности, как сочетать требования науки и условия безопасного пребывания людей под землей. Дошли ли только эти здравые рекомендации до Калабушева?

— Все ясно, — сказал я. — Я отправлюсь немедленно.

— На аэродроме ждут, — сказал академик Лавров.

2

В эпоху парусного флота, когда морские змеи встречались так же часто, как непредугаданные штормы и штили, всякое порядочное описание морского путешествия начиналось с характеристики судна.

«17 июня 1741 года я ступил на палубу «Сидонии», — читал я в одной из фотокопий, пачкой которых снабдили меня на дорогу. — «Сидония» представляла собой прелестную трехмачтовую шхуну водоизмещением в 500 тонн, с такими искусными обводами носовой части, что они вызывали восхищение у каждого настоящего моряка».

Я решил, что не стоит нарушать эту традицию. Тем более, что некий юный герой, ступивший на палубу прелестной «Сидонии», спустя некоторое время получил возможность собственными глазами разглядывать морского змея, что, возможно, предстоит и мне.

На «палубу» «Ската» я ступил на суше. Неспециалисты-глубоководники, возможно, не знают, как выглядит и что представляет собой «Скат». Ничего похожего на известные всем автоматические драги — огромные машины, ползающие по дну океанов и подбирающие руду, похожую на рассыпанную картошку. Мало сходства и с глубоководными исследовательскими или тем более туристскими суднами, изображениями которых пестрят страницы журналов. Ни подавляющих воображение размеров, ни могучих горизонтальных и вертикальных винтов, ни струйных аппаратов, действующих по принципу реактивного движения. Ни, замечу тут же, комфорта внутри.

Представьте себе геометрически правильный шар из прозрачного материала диаметром около двух метров. Шар, как планета Сатурн, опоясан плоским кольцом, вытянутым в одном направлении этаким эллиптическим блином. Блин толще там, где он примыкает к шару, и совсем тонкий по краям.

Вот, в сущности, и все. Если не считать, конечно, тысячи дополнительных устройств. Не всякий заметит, что прозрачный шар двойной, то есть внутри наружного шара находится внутренний. Внутренний шар и есть та гондола, в которой я сижу. Он так сбалансирован по центру тяжести, что мое сиденье и пустующее кресло напарника, все приборы и рукоятки управления занимают одно и то же положение в пространстве, независимо от того, как ведет себя наружная оболочка со своим блином. «Скат» может плыть хоть «вверх животом», я этого даже не замечу. Что касается того, что я назвал «блином», то это

и обводы судна, и его двигатель, и движитель, и осязающее устройство. Гибкое, словно мускулистое «туловище» может принимать самую различную форму, изгибаться, совершать колебательные движения, частично или целиком — словом, плыть естественно и непринужденно.

С точки зрения маневренности, лучшего глубоководного аппарата свет еще не видел. Предназначенный для детального обследования горных хребтов и долин, узких каньонов и кратеров подводных вулканов, он по безопасности не имеет себе равных. Сколько я ни плавал в глубинах, я ни разу не видел, чтобы какая-нибудь живая рыбина, пусть самая крупная и неуклюжая, застряла бы где-нибудь в каменной подводной ловушке. А «Скат» последней модели по своей чувствительности к окружающей среде и техническому оснащению превосходит любую самую ловкую и сильную владычицу подводного царства. Для Калабушева избрали правильное судно. «Скат» может легко удрать от любого морского змея или парализовать его электрическим зарядом, если бы это понадобилось.

Итак, я сидел в кабине, а «Скат» был подвешен к вертолету, который мчал нас в отдаленнейший район Индийского океана. Я предпочел занять место в кабине еще на аэродроме. Конечно, самозадраивающиеся устройства срабатывают и в воздухе и в воде, но посадка «всухую», во-первых, отнимает меньше времени, и, во-вторых, что там ни говори, более надежна. Я не хотел рисковать тем, что какой-нибудь винт не займет нужного положения из-за пустячной причины вроде тряски и автоматы откажутся погружать «Скат». Мне это ничем не грозило, но Калабушеву и Титову пришлось бы дожидаться меня гораздо дольше. Опыт видавших виды глубоководников в том и заключается, что они учитывают тысячи мелочей, до которых не всегда доходят «мозги» приборов.

Я подумал о Титове и Калабушеве. Калабушев бесстрашен. Но мне представлялось, что его бесстрашие или его мужество, не знаю, как лучше назвать, — бесстрашие одержимого. Вывести же Титова из состояния душевного равновесия почти невозможно.

Почти? Гм... Меня стали одолевать сомнения. В самом деле, Титов всегда находился в окружении глубоководников, людей, владеющих собой и не фантазеров. С партнером типа Калабушева он встретился впервые. И вот они заперты вдвоем в тесной кабине. Что произойдет, если «кремень» Титов будет подвергаться в этих условиях воздействию «огнива» Калабушева? Какие искры высекутся? Мне приходилось видеть людей, которые уже в пожилом возрасте впервые принимали участие в охоте. Некоторые с иронической улыбкой брали в руки ружье, но после первого же выстрела вдруг охватывались страстью и совершенно преображались. Не мог ли азарт коллекционера или охотника овладеть и Титовым?

Перебирая врученную мне папку фотографий, я стал пристально разглядывать ту, из-за которой, собственно, и разгорелся весь сыр-бор. Ее передала телекамера, спущенная на длинном тросе с борта надводного исследовательского судна. Прямо на меня, то есть прямо на камеру, смотрела морда какого-то чудовища. Три глаза на лбу сверкали холодно и бездумно. Взгляд существа, стоящего на низкой ступени развития, действующего без всякого проблеска сознания, рефлекторно, словно автомат. Страшный взгляд, от которо-

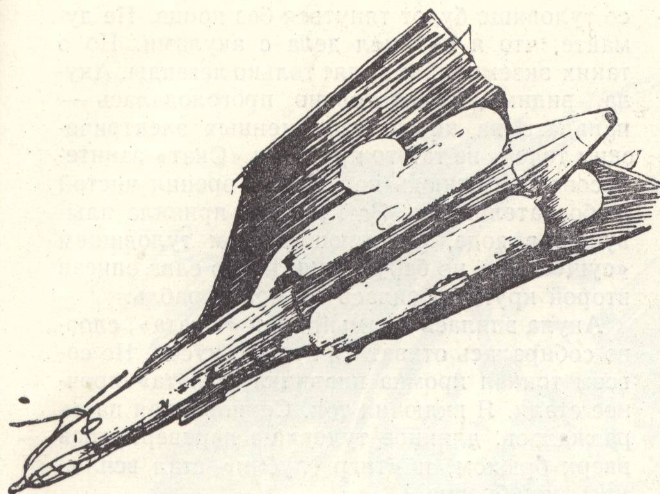

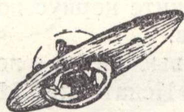
Прямо на меня смотрела морда какого-то чудовища.

го мороз подирал по коже. Широко раскрытая пасть, свидетельствующая о развитой функции хватания, могучий капкан с неровными, грубо выделанными зубьями. О размерах пасти судить трудно, так как неизвестно, с какого расстояния сделан снимок.

От такого зверя можно прийти в ажиотаж, даже не будучи зараженным одержимостью Калабушева. Легко представить, что́ ощутили бы разведчики, если бы они встретились с подобным чудищем лицом к лицу.

Я перевернул фото. На обороте краткая выписка из научного протокола. Телекамера передала снимок. Затем — это наблюдали на экране на борту судна — раскрытая пасть вдруг резко придвинулась к камере, мелькнул сверкнувший в луче света зуб, наблюдатели

увидели что-то неясно похожее на глотку, и наступил мрак. Трос, к которому была привязана камера, натянулся, как ле́са, когда попадается крупная рыба. Попытки вытянуть добычу ни к чему не привели. После десятиминутной борьбы, во время которой трос то наматывали на барабан лебедки, то спускали, чтобы ослабить натяжение, он оборвался, и чудовище, заглотившее камеру, исчезло. Судя по размерам камеры, существо, с такой легкостью расправившееся с ней, должно быть не маленьким.

Биологи ничего похожего не видывали и не описывали в своих трудах. Разгорелись споры, в которые неожиданно вмешался Калабушев. Увидев фото, которое передавали по земному телевидению, он «опознал» в незнакомом чудовище морского змея. В доказательство он привел несколько тысяч письменных, запротоколированных свидетельств и рисунки художников прошлых веков.

Одно из «доказательств» находилось в моих

Меня сбрасывали в океан по всем правилам.

руках, в той же пачке фотокопий. Трехглазое чудище с раскрытой пастью гналось за утлым суденышком, удиравшим на всех парусах. На корме один из матросов стоял на коленях и простирал руки к небу. Туловище змея скрывалось в воде, над поверхностью выступали только похожие на горбы верхушки толстых колец. Это не совсем сходилось с версией Калабушева насчет того, что морские змеи на поверхность поднимались только мертвыми, зато «портретное сходство» почти полное.

— Капитан, вы не заснули? — окликнули меня.

С экрана на меня смотрел улыбающийся Агапов.

— Все в порядке. Пытаюсь построить какую-нибудь правдоподобную версию. Не вести же поиски наобум!

— Попробуйте, — ободрил меня Агапов. — Я специально прилетел с Луны, чтобы участвовать в разгадке. И выслушал уже по крайней мере десяток гипотез. Ваши соображения особенно интересны.

— Я исхожу из самого крайнего предположения, — сказал я. — Случилось что-то такое, что заставило забыться даже такого человека, как Титов. Командиром судна оставался все же Титов, и по инструкции он мог не подчиниться Калабушеву, если бы тот потребовал от него, допустим, неразумных действий. С другой стороны, Титов, если бы он и предпринял что-то выходящее за обычные рамки, непременно информировал бы заранее о своем решении судно, крейсирующее на поверхности. Вывод один: он не успел этого сделать. Произошло внезапно что-то такое, что разом вывело из строя Титова.

— Например, «Скат» налетел на подводную скалу из-за ошибки локатора?

— Тогда бы автоматы передали на поверхность сигнал бедствия.

— Значит...

— Логически рассуждая, — вздохнул я, — приходим к выводу, что Титова вывело из строя не какое-то физическое препятствие, а чисто психологический фактор.

— Не хотите ли вы сказать, что Титов мог, попросту говоря, психануть?

— Нет. Просто Титов мог чему-нибудь очень сильно удивиться. На миг. А секунду спустя, когда он вполне овладел собой, действовать оказалось поздно.

— То есть они встретились со змеем?

— С чем-то, глубоко поразившим Титова.

— И это «что-то» реагировало первым и первым напало на «Скат»?

— Не так просто, — сказал я. — Автоматы сработали бы. И уж, во всяком случае, карти-

на того, что произошло, лежала бы сейчас у нас в руках в виде катушки с магнитной записью. А мы не получили даже фото.

Разговор оборвался.

В нижнюю часть кабины я видел поверхность океана. В полосе, ограниченной плавучими радиомаяками, шли огромные грузовые корабли плавных, обтекаемых форм, один за другим, словно в кильватерном строю, не оставляя ни полоски дыма. Картина, мало похожая на фотокопии, которые я продолжал держать в руках. Мы пересекали Великую трансокеанскую дорогу, связывающую порты — конечные станции трансконтинентальных железных дорог. Товарные составы продолжали путешествовать морем, чтобы потом снова стать на рельсы.

Потом внизу снова распростерлась водная пустыня. Мы приближались к району, лежащему в стороне от морских шоссе.

Прямо под нами прошло стадо китов. Его пасли пять крошечных корабликов, которые могли нырять и даже плыть под водой не хуже своих подопечных. Четыре кораблика-пастуха шли по бокам стада, а пятый замыкал шествие. Я знал, что они создают в воде электрическое поле, которое не дает китам выйти за пределы заграждения.

Впереди плыли «вожаки» — механизированные макеты животных, за которыми тянулось все стадо. Сколько я ни смотрел, я не мог отличить настоящих китов от их имитации. Головные киты, настоящие или искусственные, спокойно рассекали воду, ударяя мощными хвостами, иногда играя, показывали широкую спину или уходили под воду, выбрасывая по возвращении на поверхность высокий фонтан — и все это совершенно одинаково. Остальные, обыкновенные киты шли за ними.

Китам, наверно, казалось, что они просто плывут. На самом же деле стадо перегоняли на пастбище, богатое планктоном.

И вот, наконец, небольшое судно, стоящее на месте. Исследовательский корабль «Искатель».

— Приготовиться! — говорит Агапов.

3

Меня сбрасывают аккуратно, по всем правилам. Я падаю, как семя вяза, — чуть планирую, касаюсь поверхности воды почти горизонтально и тону. Через минуту включаю двигатели. Тело «Ската» начинает шевелиться, и тут же появляется акула.

Такой красотки я не встречал еще ни разу. Когда она делала первое кольцо и проходила перед моими глазами, мне показалось, что ее туловище будет тянуться без конца. Не думайте, что я не имел дела с акулами. Но о таких экземплярах ходят только легенды. Акула, видимо, основательно проголодалась — нападать на китов, защищенных электрическим током, не так-то просто, и «Скат» заинтересовал ее отнюдь не с точки зрения чистой любознательности. За кого она приняла плывущее в воде, работающее всем туловищем «существо», не берусь судить, но едва описав второй круг, бросилась на мой корабль.

Акула впилась в самый край «Ската», словно собиралась отхватить от него кусок. Но совсем тонкая кромка плавника «Ската» прочнее стали. Я включил ток. Серповидная пасть разжалась, длинное туловище перевернулось вверх брюхом, и «тигр глубин» стал всплывать, как бревно.

— Примите трофей, — сообщил я наверх. — Сгодится для музея.

— Держите корпус под током, — посоветовал Агапов.

Он уже высадился с вертолета и находился на борту «Искателя». Мое местопребывание автоматически отмечалось там на экране, снабженном шкалой глубины. Я подумал о том, как же надводные наблюдатели ухитрились потерять след Калабушева и Титова. Ведь на экране виден не только мой «Скат», но и контур дна, вычерчиваемый локатором.

«Скат» опускался на дно, делая колебательные движения то в одну, то в другую сторону. Потом я перевел корабль на снижение по крутой спирали. Само собой разумеется, что мое кресло находилось все время в горизонтальном положении, и я мог спокойно наблюдать за окружающей обстановкой. «Блин», окаймлявший кабину, постепенно сплющивался, уменьшая объем с повышением глубины. Это тоже была одна из хитростей его устройства.

Вода темнела и темнела, и я наконец включил свет. Длинная и тощая рыбина с выпученными глазами подошла почти вплотную и уставилась на огонь.

Последние километры я странствовал в полном одиночестве. Время от времени я проверял связь. И на ультразвуке и на тех радиоволнах, что проходят через воду, аппаратура действовала безотказно. Я видел на экране лицо Агапова почти без искажений. Он смотрел на меня внимательно и настороженно.

Что же все-таки подстерегло Титова? Я снова подумал о Титове, потому что он управлял «Скатом». Внезапный приступ болезни? Он был абсолютно здоров — его проверяли перед спуском. Потом приборы сообщили бы о любых существенных изменениях в его орга-

Я протянул руку к рычагу управления «Скатом» и... замер.

низме. Я сижу, откинувшись в кресле, всматриваюсь в мерцающий туман, за которым начинается стена мрака, мурлычу что-то под нос, а наверху, на палубе «Искателя», знают, как бьется у меня пульс, слышат мое дыхание и исследуют меня все время так, словно я нахожусь в клинике у докторов.

Локаторы запищали: на всех экранах появились скалы; они окружили кабину, словно собирались ее раздавить. В тот же миг донный локатор сообщил, что мой «Скат» сейчас ляжет на грунт. Очевидно, я попал в яму, углубление среди скал. Не очутился ли в таком же колодце «Скат-1»? Нет, приборы доложили бы об этом.

Осторожно маневрируя, я выбрался из ловушки.

— Что там? — спросил Агапов. Он наблюдал за мной непрерывно. На его экране неразличимы те детали дна, которые вижу я.

— Порядок, — отвечаю я, ведя «Скат» между почти отвесными стенками.

— Не спешите, — советует Агапов. — Исследуйте каждый метр.

На миг мне приходит в голову почти фантастическая мысль. А что, если где-нибудь на дне лежит корабль, затонувший в стародавние времена? И «Скат-1» проскользнул в открытый люк, а потом застрял в полуразрушенном трюме. Металлическая обшивка корабля не пропускает радиоволн, отсюда перерыв связи. Но нет! Эта версия отпадает: Титов не полез бы в трюм, не поставив в известность «Искатель» и не получив согласия. А Калабушеву незачем было толкать Титова на столь рискованные действия. Разве только что змееведу померещился в зияющей дыре затонувшего корабля хвост морского змея.

Я выбрался на относительный простор. Передо мной лежал каньон, узкий и глубокий. Я решил идти над самым дном. Локатор рисовал на переднем экране картину ущелья до его поворота. Прожектор, который я включил, пронизывал толщу воды на несколько десятков метров. Я различал далекие и близкие тени.

Слева лежала густая тень. Я приблизился и, посветив, увидел, что стенка каньона здесь как бы подмыта: внизу образовалось что-то вроде желоба.

— Поищу в щели! — сказал я Агапову.

Тот не ответил. Я взглянул на экран: изображение исчезло. Приборы, контролирующие связь, показали: связь не действует.

Аппаратура не могла выйти из строя. Приборы, следящие за ее состоянием, докладывали: все в исправности. Будь иначе, они давно подняли бы панику.

Машинально поднял я глаза вверх. В затруднительных случаях мы иногда ищем почему-то решение на потолке. И увидел ответ. Скалы, нависшие над моим «Скатом», отсекали его от внешнего мира. Ни ультразвук, ни радиоволны прямого распространения не доходили до «Искателя». Для наблюдателей там, на борту, я исчез — с экрана и из всех каналов связи. «Искатель» должен был подвинуться правее от моего курса вдоль каньона, и связь моментально восстановилась бы. Прежде чем лезть сюда, мне следовало договориться о маневре связи с «Искателем». Сейчас я должен немедленно выйти из желоба, и меня тотчас же увидят и услышат.

Не ту же ли ошибку совершил Титов? Я сделал непростительный мелкий промах, но он помог мне разгадать причину возможного неожиданного перерыва связи со «Скатом-1». Объяснение оказалось на редкость простое. К сожалению, подобные элементарные глупости случаются и с опытными глубоководниками.

Я протянул руку к рычагу управления «Скатом» и... замер. Впереди, в самой глубине каньона, шевелилось и изгибалось какое-то длинное тело. Во всяком деле я люблю точность, но сколько я ни старался как можно хладнокровнее прикинуть на глаз размеры чудовищного существа, почти заполнившего каньон, у меня никак не получалось меньше ста метров. Я бы не поверил никому, кто попытался бы рассказать мне о чем-то подобном, но не верить своим глазам я не мог.

Я тотчас снял руку с рычага. Прежде чем выводить «Скат» из желоба-укрытия, следовало кое-что обдумать. Я попробовал смерить расстояние до «змея» — буду называть его так — с помощью локатора, а заодно поточнее определить его размеры. Но луч локатора

Я увидел прямо перед собой огромную открытую пасть.

упирался в нависшие скалы: я ведь все еще находился в желобе.

Со своего бокового кресла, только сильно наклонившись вправо и прижав лицо к прозрачной стенке кабины, я мог с полной отчетливостью видеть лениво шевелившееся чудовище.

Я невольно подумал: хватит ли у моего «Ската» тока, чтобы оглушить такую могучую тварь? А если змей сам заряжен электричеством, как это бывает у обитателей морских глубин, тогда что? Какой силы разряд способен обрушить он на «Скат»? Ведь это должна быть настоящая электростанция, по сравне-

нию с которой электрохозяйство «Ската» — сущие пустяки.

Взглянув еще раз на змея, я увидел нечто такое, от чего кровь застыла у меня в жилах. Змей изогнулся, и я заметил странное утолщение почти в самой середине его туловища. Случалось ли вам видеть, как змея заглатывает лягушку? Пресмыкающееся, захватив жертву в пасть, которая у него шире туловища, натягивается на заглоченную добычу, словно чулок. При взгляде на змею видно, где находится сейчас несчастная лягушка и как она в результате судорожных толчков туловища подвигается все ближе к желудку змеи.

Вот такая же картина была сейчас передо мной. Исполинский змей, видимо, заглотил что-то, с трудом поместившееся в его туловище. Самое страшное заключалось в том, что это «что-то» имело овальную форму и размеры «Ската».

Я раздумывал всего одну минуту. Надо немедленно атаковать и взрезать любым путем его брюхо, пусть меня потом проклянут все биологи за то, что я не позаботился сохранить никем не виданную диковину в живых. Подкрасться к чудовищу как можно ближе и напасть на него прежде, чем оно заметит меня! Ведь оно может и просто удрать...

Осторожно я стал подвигаться вперед. В каньоне действовало течение, как это бывает на глубинах, и оно несколько затрудняло мои маневры. Во время одного из таких маневров я потерял змея из поля зрения.

Каньон делал изгиб. Я осторожно подвигался к повороту. Только я просунул нос «Ската» в закоулок, как увидел прямо перед собой огромную открытую пасть.

Как ни коротко длилось мгновение, я успел различить три холодных глаза, глядевших на меня, не моргая, неровные зубы, вспыхнувшие в свете прожектора... Затем пасть бросилась на меня.

Я успел нажать кнопку электрозащиты. Это не вызвало никакой ответной реакции. Локаторы жалобно пищали, крича об опасности со всех сторон, о замкнутости пространства, в котором я очутился. Я дал резкий и сильный задний ход. Пройдя не больше трех метров, «Скат» уперся гибким и упругим плавником в какое-то препятствие. Оно не поддавалось нажиму. Еще два толчка с разгону — и тот же результат.

Тогда я выключил двигатель. Что мне еще оставалось делать? «Скат» тотчас же понесло вперед, или, вернее сказать, внутрь хода, в котором я находился. Локаторы показывали близкие стены со всех сторон, а в свете фонаря я различал неясные пятна на темном фоне. Пятна двигались, а корпус «Ската» вздрагивал от непрерывных толчков. Толчки напоминали мне глотательные движения. Как только это «что-то», проглотившее мое судно, не подавится мною и моим «Скатом»! Во всяком случае, пока что «внутри» было не так уж тесно.

Не успел я это подумать, как ход, по которому судорожными толчками продвигался «Скат», вдруг сузился. Стенки теперь почти обжимали кабину. Но мелкими рывками судно пропихивалось дальше. Мне показалось, что мой путь не прямой, а с поворотами или изгибами. «Может быть, эта бестия выписывает своим туловищем сейчас восьмерки», — подумал я.

Я не испытывал страха. Если даже меня на самом деле проглотил змей, я всегда успею взрезать «его» изнутри с помощью ультразвукового ножа. И тогда он может глотать меня снова, пока ему не надоест или до его тупой башки не дойдет, в чем тут фокус. Хватательные движения у него, конечно, чисто рефлекторные, он набрасывается на любое движущееся тело, подобно пружине, сорвавшейся с замка. Непонятно только, почему на «Скате-1» не воспользовались ножом? Может быть, с Титовым что-то приключилось, а Калабушев не знает, как управлять инструментом? Или этот упрямец решил поселиться в морском змее, лишь бы тот не погиб для науки? А возможно, ему пришла в голову мысль дождаться, пока змея не поймают и не оперируют по всем правилам хирургии, под наркозом, наложив аккуратненькие швы!

Ну, нет, на такую жертву я не способен. Я брался отыскать Калабушева, а не пополнять рацион морского змея, каких бы размеров тот ни достигал и какую бы ценность для науки ни представлял. Но, может быть, эта первобытная бестия бронирована и не разрезается ни изнутри, ни снаружи слабым лучиком ультразвука? В конце концов «Скат» не конструировался для борьбы с таким противником.

Серия мелких толчков заставила «Скат» неприятно завибрировать. Во время одного из толчков я нечаянно выключил свет. В следующее мгновение «Скат» проскочил узость, а я увидел впереди...

Мне захотелось ущипнуть себя. Впереди я увидел светящееся пятно. Оно было довольно правильной, круглой формы. Пятно быстро приближалось. Я узнал... «Скат-1».

(Окончание следует.)

Роберт ГРЕЙВЗ

Рисунки Ф. Лемкуля.

Из английской поэзии

Король Дункан объявил однажды
Свой королевский указ:
— Мой шут мне будет рассказывать сказки —
Новую каждый раз.
Но если одну-единую сказку
Вздумает он повторить,
Я кликну своих молодцов лихих
И шута прикажу казнить.

Шут рассказал ему сказку о Джеке,
Который всегда шутил.
Однажды за шиворот брату Джоку
Лягушку он опустил.
Однако не стал сердиться и плакать
Веселый и хитрый Джок,
Он темной ночью большую жабу
Засунул брату в сапог.

Шут рассказал уже тысячу сказок,
И сказок иссяк запас,
И он историю Джока и Джека
Поведал второй раз.
Дункан рассмеялся: — Хорошие парни,
О них и послушать не лень.
Эй, шут, ты мне будешь про Джека и Джока
Рассказывать каждый день!

Волшебная картинка

Валялось где-то зеркальце,
Нашел мальчишка зеркальце,
Мальчишка глянул в зеркальце
И вдруг как закричит:
«Там злой, противный карлик,
Лохматый, грязный карлик,
Он рот разинул, карлик,
И на меня глядит!»

Отец мальчишки был моряк,
С медалью на груди моряк,
Увидел зеркальце моряк
И тоже закричал:
«Ура! Да это Нельсон,
Не спорьте, это Нельсон,
Нет, право, это Нельсон,
Наш славный адмирал!»

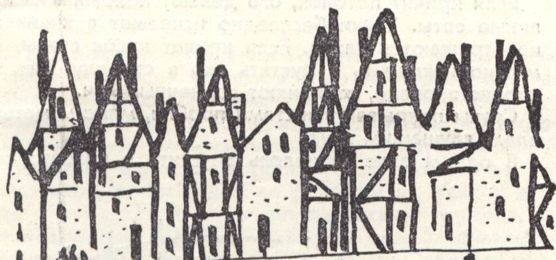

«Позволь, да это ж Нельсон,
Не видишь разве! Нельсон,
В матросской форме Нельсон,
И вот медаль видна».
«Ты лжец!» — жена кричала.
«Ты лжец!» — жена кричала.
«Не лги! — жена кричала.—
Признайся, кто она!»

Тогда жена увидела,
У мужа вдруг увидела,
Предмет в руках увидела
И глянула в предмет.
Как закричит: «Ты разлюбил
Меня, проклятый, разлюбил,
Ты дрянь такую полюбил,
И вот ее портрет!»

А мимо ехал пастор,
На тощей кляче пастор,
Услышал, значит, пастор,
Что ссорится народ.
Глядит — стоит мальчишка,
Напуганный мальчишка,
Дрожит, кричит мальчишка
И в три ручья ревет.

Тут руку поднял пастор,
Призвал к молчанью пастор,
И спрашивает пастор:
«Что здесь произошло!»
Мальчишка крикнул: «Карлик,
Противный, злющий карлик,
Лохматый, грязный карлик
Забрался под стекло!»

Жена рыдает: «Разлюбил,
Отец, меня он разлюбил,
Он дрянь такую полюбил,
Смотрите, вот она!»

Муж объясняет: «Нельсон,
Отец, ведь это Нельсон,
Смотрите сами — Нельсон,
Пускай не врет жена!»

Тут пастор глянул в зеркальце,
Увидел что-то в зеркальце,
А что там было в зеркальце,
Не понял пастор сам.
И он сказал: «Я эту вещь,
Прекрасную, святую вещь,
Необъяснимейшую вещь
Возьму к себе во храм».

Перевел Андрей Сергеев.

ПРО ЭХО

Владимир ОРЛОВ

Рисунки Б. Кыштымова.

Никто еще не видывал,
А слышать — всякий слыхивал.
Без тела — а живет оно,
Без языка — кричит.

Н. А. Некрасов

1

Марк Твен рассказывает про чудака, который скупал участки земли, где звучало многократное эхо.

«Прежде всего он купил эхо в штате Георгия, которое повторяло четыре раза, потом — шестикратное в Мериленде, затем — тринадцатикратное в Мене. Следующей покупкой было девятикратное в Теннесси, дешево приобретенное, потому что нуждалось в ремонте: часть утеса обвалилась. Он полагал, что его можно починить достройкой, но архитектор, который взялся за это дело, никогда еще не страивал эха и поэтому испортил его вконец...»

Архитекторы всегда воевали с эхом и учились не строить эхо, а разрушать.

Бывало, строили просторный зал, большую аудиторию для лекций.

— О! — говорил лектор в зал.

— Ого-го!..— орал зал на лектора, как расшумевшийся класс.

Кричат стены, кричат колонны, кричат стулья в зале — все они отражают звуки голоса и кричат в ответ.

Голос лектора тонет в нестройном хоре ответных голосов. И лектор отказывается читать лекцию в зале.

Тут-то и является строгий архитектор.

Прежде всего надо выяснить, кто кричит, где кричит и почему кричит, а затем найти управу на горлана.

Если кричит стул, ему делают мягкую спинку: пусть звуки глохнут в мягкой подушке.

Если кричит колонна, ее делают ребристой, и она начинает рассеивать звуки по сторонам.

Если кричит потолок, его делают похожим на пчелиные соты. Звуки бесследно исчезают в ячейках и не отражаются назад. Если кричит кусок стены, его можно наклонить и пустить эхо в сторону. Так, наклоняя зеркало, отклоняют солнечный луч.

Стены покрывают листами пробки, мягким материалом, глушащим звук.

В одном зале пришлось спустить с потолка вниз

вершиной шатер. Звуки запутывались в занавесях, как в сетях.

В оперном театре прекрасно звучали речь и музыка, но в один сезон зал испортился.

Дирекция в недоумении. Все на месте: кресла, люстры, занавес,— а ценители искусства качают головой: звук плывет.

Наконец нашли причину. Изменилась мода.

В годы, когда строили зал, дамы щеголяли в платьях с кринолинами, пышных юбках, похожих на раскрытые зонты. Когда дамы занимали кресла, кринолины заполняли зал. Звуки глохли в бесчисленных складках шелков и кружев.

Мода изменилась, платья стали узкими, пышные складки шелка исчезли из зала, и это сразу сказалось на звуке.

Если даже единственный человек неслышно входит в комнату, то и это сказывается на звуке. Что-то в звуках, раздающихся в комнате, меняется, и внезапную перемену могут почувствовать приборы. Пишут, что на этом принципе за границей устроены предохранители, подающие сигналы о визите воров.

Неутомимо работают архитекторы, разрушая эхо. Они выстроили стены и колонны и теперь строят тишину. И смолкают стены, смолкают колонны, смолкают стулья, замолкает хор голосов.

Звонким и ясным голосом в полной тишине начинает лектор свой рассказ.

2

Два высоких сравнения возникают в воображении, когда пробуешь выразить главное назначение зала Дворца съездов в Кремле с его исторической трибуной, с удивительно удобным для всех и каждого размещением многих тысяч мест, в котором как бы отразился дух нашего бесклассового общества, планировкой, воинственно не похожей на одетое в золото и бархат нутро «императорских» театров, где в надменной иерархии ярусов и лож запечатлелись социальные неравенства минувших общественных формаций. Зал в Кремле — это форум человеческой мысли и это дворец человеческого голоса.

Оба эти сравнения родственны. Мысль выражается словом, слово изрекается, и нет более могучего носителя мысли, чем изреченное слово, звучащий человеческий голос. В нем кипит и пламенеет то, что гаснет в типографской строке: непосредственная страстность и душевность интонации, придающая сверкание граням мысли, умножающая действенную силу слова.

...Помещения, где голос звучит хорошо, в мире редки.

Многовековой практический опыт зодчих затвердил геометрию подлинных «дворцов голоса», гениальную, как пропорции скрипок Страдивариуса. Архитекторы боязливо копировали удачные залы, опасаясь вольничать даже в мелочах: когда дело касалось звука, конструктивное значение имели даже драпировки лож и лепные финтифлюшки барокко. Акустика становилась оковами на руках архитектуры.

Стало ясно вместе с тем, что обширный «дворец голоса» невозможно построить одними архитектурными средствами: нежный трепет голосовых связок не может раскачать громадных воздушных объемов зала.

Легенды о чудесной, неповторимой акустике грандиозных древних театров сомнительны. Я сам слышал, сидя на верхней ступеньке знаменитого древнегреческого амфитеатра Диониса, как внизу на арене разрывали клочок бумаги. Но союзником опыта было безмолвие руин. В переполненном народом амфитеатре опыт не удается.

Электроника не только помогла разрешить все затруднения, но и участвовала в проектировании зала Дворца съездов. Инженеры построили сначала миниатюрную плексигласовую модель зала, уменьшенного в сорок раз. Там внутри металась, испытывая разнообразные отражения, миниатюрная модель будущих звуков, звуковая волна, уменьшенная также в сорок раз и поэтому неслышимая ухом,— ультразвуковая волна. Электроника замеряла ультразвуковое неслышное эхо, и экспериментаторы могли отработать на модели систему заглушения зала.

Стены зала и его потолок одеты, как рыцарь, в старинные доспехи. Под сквозной дюралюминиевой кольчугой скрывается мягкое одеяние — ловко скроенный ватник из капроновой ваты и пористых пластмасс. Достигается глубокое заглушение, необходимое для нормального звучания ораторской речи. Это звучание прекрасно.

Натуральная слышимость речи достигается широчайшим незримым вмешательством электроники.

Зритель даже не подозревает, что на стенах, в потолке за дюралюминиевой облицовкой и в других укромных местах скрывается целый оркестр громкоговорителей, намного превосходящий численностью шеститысячную аудиторию зала.

При таких громадных объемах воздух не слишком надежный передатчик звука. Звук предпочитают доносить со сцены до слушателя по проводам.

Шесть тысяч громкоговорителей скрыты в спинках кресел, и каждый зритель окружен их согласно шепчущим хором. Особый «звуковой прожектор» бросает свой острый луч на стол президиума.

Когда оратор начинает говорить, невозможно преодолеть ощущения, что зал уменьшился в размерах. Вы слышите оратора где-то рядом с собой и перестаете доверять расстоянию.

Если язык, на котором говорит оратор, вам неизвестен, то вы можете надеть наушничек и услышать голос переводчика, повторяющего речь оратора на одном из знакомых языков. Вы сами выбираете подходящий язык, повертев переключатель на ручке кресла.

Беспримерно в истории архитектурной акустики то, что построен наконец громадный, идеально звучащий зал разнообразного назначения.

В нем естественно звучат и спектакль, и опера, и оркестр, и хор, и фонограмма кинофильма. Зритель слушает, забывая о громадных расстояниях, отделяющих его от сцены, забывая о том, что в таком отдалении голос самой сильной певицы был бы слышен не громче комариного писка.

Электроника создает здесь звуковую иллюзию, называемую стереофонией. На сцене более ста микрофонов, из них двадцать могут работать одновременно. Двадцать микрофонов разбиты на пять групп, соединенных с пятью громкоговорителями, искусно замаскированными над порталом сцены. Это очень большие громкоговорители, высотой с двухэтажный дом.

Там, наверху, над громадным зеркалом сцены, они создают грандиозную незримо звучащую фреску, повторяющую звуковую картину сценического действия. Звуковые центры этой фрески перемещаются вместе с переходом актеров, и наше ухо, вообще-то ошибающееся в оценке высоты, остается уверенным, что звуки доносятся со сцены. Звуковая копия со-

вершенно подобна оригиналу, и это совершенство достигается немалой ценой.

Для того, чтобы хор и оркестр натурально и красиво звучали, необходимо, чтобы зал обладал известной гулкостью. Композиторы пишут и оркеструют свои произведения в расчете на торжественную гулкость концертного помещения. Например, стиль инструментовки моцартовских серенад учитывает скромную акустику аристократических гостиных, а загадки партитуры его «Реквиема» объясняются тем, что он написан с учетом величественного отзвука готических сводов собора Сан-Стефана.

Концерты и оперы требуют, чтобы эхо, столь тщательно изгнанное, было вновь возвращено в Кремлевский зал. Для архитектуры это оказалось бы задачей непосильной. Ведь не будешь же менять на громадной площади отделку стен, передвигать ложи, перестраивать зал.

Лишь усилиями электроники удалось решить эту задачу. Марк Твен, улыбаясь, рассказывал о коллекционере, который скупал участки земли, где звучало превосходное эхо. Ученые отнеслись к этой идее без всякой иронии. Они поняли, что эхо бывает полезно «прикупить» на стороне.

В подземельях Дворца съездов построен особый безлюдный зал — настоящее царство эха. Сюда по проводам передаются звуки из зрительного зала. Здесь они звучат через громкоговорители. Здесь они обогащаются отзвуками эха. Здесь их улавливают микрофонами и в красивом обрамлении эха возвращают по проводам обратно, в зрительный зал.

Параллельно работают еще две хитроумные машины — два станка, на которых эхо вырабатывается электронным путем. Простым поворотом нескольких рукояток на пульте управления можно выдать в зал эхо по любому требованию.

Управление всем хозяйством ведется из единой аппаратной, пожалуй, столь же сложной, как пульт атомного реактора. Отсюда исходят радиотелевизионные каналы, здесь ведется управление кинопроекторами, магнитофонами, фильмофонографами, стереофоническими электропроигрывателями, ротой микрофонов и дивизией громкоговорителей.

...Мы пришли в аппаратную после новогоднего концерта, и в уже померкшем безлюдном зале конструкторы показали нам ее фантастические возможности. Звук был «пущен в зал»! Это значит, что звуки оркестра, записанные на магнитной пленке, разбрасывались по громкоговорителям, скрытым в потолке и стенах зала. Невидимые инструменты оркестра как бы закружились в сумрачном пространстве. Я услышал, как прямо на меня зашагал барабан и, приблизившись, миновал меня и замолк, пробарабанив сзади... Порхали флейты... Стремительно спикировала виолончель... Какие-то могучие незримые звуки-великаны бушевали в зале, мечась от стены к стене, словно силясь вырваться на простор.

Новой технике, как всегда, тесновато в старых рамках, в ней живет пафос будущего, она манит к творческим озарениям, ждет, быть может, художника-творца, чтоб прибрал ее к рукам микеланджеловской страстью и силой.

Сегодня все уже убедились в том, что художественное освоение новой техники проходит успешно. В зале Дворца съездов отлично прозвучали и концерты и оперы, выступления самых разных представителей всех родов артистического оружия.

Что может дать изобретение, дать техника, не производящая ничего: ни энергии, ни продуктов, ни других материальных ценностей? Очень многое, если она служит слову. Слово выражает мысль, мысль несет идею, а идеи, овладевая массами, превращаются в материальную силу, непобедимую силу борьбы за коммунизм.

3

Мало кто слышал, как пищат летучие мыши. Дело в том, что у них исключительно тонкий писк, тоньше самого тонкого свиста. И не всякое ухо его услышит.

Как бы ни был силен писк, но такие тонкие звуки лежат за порогом человеческого слуха, наши уши их не воспринимают. Вот чем примечателен писк летучих мышей.

Еще примечательнее способность летучих мышей находить дорогу в полной темноте.

Помните книгу Марка Твена «Том Сойер»?

Дети заблудились в глубокой пещере, куда не проникал дневной свет. Мыши крыльями погасили им свечи. Дети пробирались, как слепые, тычась из стороны в сторону. А мыши летали в совершенно темной пещере, и не сталкивались друг с другом, и не разбивались о стены.

Загадка чутья летучих мышей не давала покоя ученым. Старинный биолог принес в комнату маленькую летучую мышь. Он плотно зашторил окна, заткнул дыры и щели, чтобы ни один луч света не просачивался в темноту. Мышь заметалась в комнате, но так ловко и бесшумно, что на люстре не звякнула ни одна хрустальная подвеска.

Неужели мышь видела в темноте?

Кусочками черного пластыря биолог заклеил ей

глаза — мышь продолжала летать как ни в чем не бывало. Тогда биолог изготовил медные трубки и вставил их мыши в уши. Трубки заткнули пробочками. Мышь оглохла. И превратилась в летающего слепца.

Биолог не знал, что подумать. Он решил, что мыши в темноте ориентируются по слуху. Но в то время все его высмеяли, никто ему не поверил. Только недавно подтвердили догадку старинного биолога, разгадали секрет летучих мышей.

Они не натыкаются в темноте на окружающие предметы благодаря эху. Мышь попискивает на лету, а писки эхом отдаются от окружающих предметов, и мышь улавливает эхо своими чуткими растопыренными ушами. Вещи как бы пищат в ответ, предупреждая о своем существовании. Уши мыши столь чувствительны, что улавливают эхо от мельчайшего комарика, за которым она ведет охоту.

Объяснились и другие легенды про летучих мышей. Почему, например, пугливые летучие мыши в сумерках начинают вести себя дерзко и нередко вцепляются в волосы людей, особенно в женские прически? И предпочитают брюнеток.

Ну, уж это слишком! Это выглядит неумной басней, сочиненной нарочно для того, чтобы пугать девчонок. Но ученые подтверждают: все правильно.

Дело в том, что звуки, хорошо отражаясь от различных предметов, замирают и глохнут в копне волос, как в пуховой подушке. Пышноволосые головы почти не дают эха, мышь их не замечает. Для летучей мыши всадник с пышной шевелюрой показался бы всадником без головы. Мышь летит, и неожиданно натыкается на голову, и в страхе запутывается в волосах.

Брюнеткам совсем плохо: у них волосы темные и поэтому вовсе незаметны в сумерках. А блондинкам немного лучше. Если мышь и не ощутит своим ухом их взбитую прическу, то, возможно, заметит глазом их светлые волосы, мерцающие в сумерках. И уклонится в сторону.

Помните «Остров сокровищ», и слепого пирата, и пугающий стук его палки, и то, как уверенно и властно он шарил впереди, пока не поймал мальчика и не сжал его руку в своей железной руке?

Просто диву даешься перед способностью слепых обходить препятствия и вообще ориентироваться в обстановке так, что даже не верится, что движется действительно слепой.

Один мальчик шести лет, совершенно слепой, гонял вокруг дома на трехколесном велосипеде, как зрячий, без падений и столкновений и других приключений. Есть слепые, которые свободно расхаживают в оживленном городе, пересекают улицы, избегая тумб и столбов и даже проволочных заграждений, входят в троллейбусы, спускаются в метро. Только слышен стук их палок о мостовые: «Тук... тук... тук...».

Как-то физики решили объяснить слепым, почему сни, в общем, так сносно ориентируются:

— Все дело в «тук, тук, тук...». Когда вы приближаетесь к стене, то стук вашей палки или просто шорох шагов немного изменяется, потому что им вторит эхо. Это уже не тот «тук... тук». И вы сразу ловите отличие своим изощренным слухом. И догадываетесь о препятствии!

Слепые не согласны:

— Да мы вовсе и не вслушиваемся в стук нашей палки. И захватываем палку с собою только, чтоб прощупывать дорогу впереди. У нас развито «шестое чувство препятствия». Мы как будто бы видим препятствие на расстоянии лицом и руками.

Тогда физики и слепые стали вместе ставить опыты, чтобы изучить это загадочное «шестое чувство», эту таинственную способность «видеть лицом».

Опыты делали в длинном коридоре. В них участвовали и слепые и зрячие с черной повязкой на глазах, превращенные временно в слепых.

В непредвиденном месте коридора установили препятствие — фанерную загородку.

И слепые и зрячие с завязанными глазами, в общем, чувствовали загородку уже на двухметровом расстоянии и по большей части на нее не натыкались.

Но почему?

Не исходит ли, не дует ли от препятствия какой-нибудь таинственный ток, ощущаемый открытой человеческой кожей?

Изменили опыт. Испытуемому накинули на голову плотное покрывало, на руки надели шоферские кожаные перчатки. Он был так надежно укупорен, что не чувствовал даже сильного дуновения вентилятора, но прекрасно слышал звуки.

И хотя у испытуемых не осталось ни малейшего просвета открытой кожи, все-таки они прекрасно чувствовали препятствия.

Значит, не в коже дело. В чем же?

Снова изменили опыт.

Испытуемому закупорили уши. Это долго не получалось. Всем известно, что даже шапка-ушанка не мешает слышать на морозе. В уши вставили пробоч-

ки из ваты, опечатали воском, как бутылочки, а затем закрыли их наушниками, а поверх еще наложили подушечки, замотав их туго шарфом.

Испытуемый стал глухим, как тетерев.

И тут же потерял ориентировку.

Значит, только эхо играло роль, только в эхе было дело.

Ну, а как же «шестое чувство препятствия», «видение лицом», «предчувствие кожей»?

Слепота — большая трагедия. Зрячий даже не может представить себе, сколько боли переносит слепой, натыкаясь на разные препятствия, как сжимаются в комок его нервы в постоянном ожидании ушиба.

И когда появляется препятствие, и предупредительное эхо разукрашивает классическое «тук... тук...», и меняется отзвук шагов и стук палки, то в слепом просыпается предчувствие ушиба и слепой не ощущает более ничего, кроме крика собственной кожи.

Так рождается заблуждение о «шестом чувстве препятствия» и «видении лицом».

А на самом деле слепым помогает ухо. Это — поводырь.

5

Вероятно, еще с давней поры, когда люди считали дельфина рыбой и не знали, что он зверь, млекопитающее, вероятно, еще с той поры сохранился предрассудок, что дельфины глупы, как рыбы.

А на самом деле дельфины — умнейшие животные.

В Сан-Франциско существует цирк дельфинов, его даже засняли для кино. Просто оторопь берет, когда видишь, какие штуки откалывают эти подводные артисты. Они ловят резиновые мячи и бросают их обратно зрителю. По команде выпрыгивают из воды и проскакивают сквозь горящий обруч.

Ученые дельфины живут в больших аквариумах, где их продолжают обучать дрессировщики. Здесь, в аквариумах, ученые наблюдают дельфинов.

Обнаружилось, что дельфины умеют то, чему не в состоянии научить ни один дрессировщик. Дельфины на полном ходу избегают коварнейших препятствий, даже если они установлены самой темной ночью в самой мутной воде.

Стали думать, как же ориентируется дельфин и не схож ли он тут с летучей мышью.

Выражение «нем, как рыба» в наше время устарело. Аппараты подводного подслушивания обнаружили, что рыбы издают звуки, и дельфины, очевидно,—наибольшие болтуны. Они свищут, визжат, скрежещут, хрюкают. И, быть может, есть у них особые звуки, позволяющие обнаруживать препятствия с помощью эха.

Опыты делали ночью в маленьком пруду, взбаламученном резвым хвостом дельфина так, что вся вода превратилась в непроглядно мутную жижу.

Дельфин плавал в пруду, издавая слабые поскрипывания. В воду с лодки тихо спускали мертвую рыбу. Иногда дельфин хватал добычу, иногда не замечал ее совершенно.

Обнаружилось, что дельфин находил и хватал рыбу только тогда, когда поскрипывал. Очевидно, его скрипы отражались от тела рыбы, и дельфин улавливал эхо. Он умел хитроумно отличать это эхо от всех других, отраженных от поверхности воды, от дна, от берегов, от подводных камней, от водорослей, от лодки.

Ученые не поверили себе. Как же может звук отражаться от рыбы, когда тело рыбы водоподобно, когда звук свободно проходит сквозь него, как если бы рыбы вовсе не было?

Но от факта никуда не денешься.

Тогда вспомнили, что в теле рыбы есть плавательный пузырь — маленький пузырек, наполненный воздухом. От него с пронзительной силой отражается эхо. Он-то и выдал рыбу дельфину, как предательский зайчик, сверкнувший от стекла бинокля, выдает замаскировавшегося бойца.

6

Не меньшей загадкой показалась бы старинным морякам чудесная способность современных пароходов плыть по морям и не натыкаться на мели.

Словно в днище у судна пара зорких глаз, которые видят насквозь, через толщу воды, тайные опасности морского дна. Но, оказывается, эхо предостерегает пароходы.

Глаз у судна под водой нет, но зато есть рот и ухо. К днищу судна пристроен громкоговоритель, который пищит. Писки отражаются от морского дна, и эхо их ловит чуткое электрическое ухо — микрофон. Чем глубже морское дно, тем дольше приходится микрофону ждать, пока отзовется эхо.

Обнаружилось, что с тонкими, не уловимыми ухом писками, вроде писка летучих мышей, гораздо спокойнее работать, чем с обычными, слышимыми звуками: при этом гораздо выше точность и к тому же меньше посторонних помех.

Но обычному громкоговорителю так тонко не пискнуть.

Пришлось поставить специальный громкоговоритель, который пищал бы тоньше летучей мыши.

Никакого механизма в нем нет. У него внутри певучий камень. Это кварц — горный хрусталь.

Присоедините к кристаллу провода, подведите их к источнику частого переменного электрического тока, и кристалл начнет трясти, как в лихорадке, в такт толчкам электрического напряжения.

Мельчайшая дрожь охватит кристалл, и он запоет в тон этой дрожи. Суньте провода в штепсель радиопроводки, и кристалл заговорит человечьим голосом, будет смеяться и плакать, как человек.

Кристаллы эти колеблют мембрану громкоговорителя.

Пришлось, конечно, и микрофон приспособить для приема неслышных, тонких писков.

Получился нужнейший для моряков прибор — эхолот.

Он без всяких веревок позволяет измерять глубину океанов.

Эхолот работает так.

— Фьюйть! — резко попискивает громкоговоритель.

И сейчас же специальное перо ставит на телеграфной ленте точку.

— Тик-так, тик-так! — стучит часовой механизм, протягивающий ленту.

— Фьюйть...— доносится слабое эхо.

И его подхватывает чуткий микрофон.

И перо проставляет на ленте вторую точку.

Пока писк ныряет в глубину и, как эхо, возвращается обратно, часовой механизм двигает ленту непрерывно, как секундную стрелку.

И чем глубже приходится нырять писку, тем большие расстояния получаются между точками на ленте. Расстояния эти показывают глубину в уменьшенном, как на карте, масштабе.

Плывет, плывет пароход — все теснее сближаются точки на ленте.

— Фьюйть, фьюйть, фьюйть...— пищит кристалл.

И мгновенно отзывается эхо.

Грозный признак.

— Задний ход! — командует капитан механику.— Впереди нас мель.

(Окончание в следующем номере.)

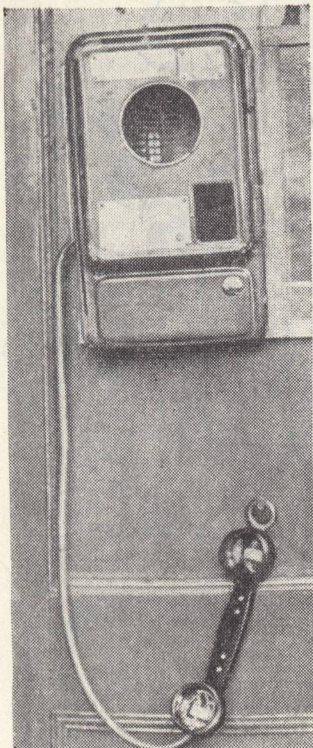

ПРИНЦЕССА НА ГОРОШИНЕ

Эту собачонку зовут Принцесса Ю Нан. У нее, как у настоящей принцессы, есть две служанки, которые с утра до вечера стараются ей угодить. Иначе беда! Ведь Ю Нан очень чувствительна: кожу ее раздражает любое мыло, если оно не самой высшей марки. Кроме того, необходимо следить, чтобы прическа Ю Нан каждый день менялась: принцесса не любит однообразия.

Что это? Новая сказка? Нет. Принцесса Ю Нан живет в Калифорнии, в городе Глендал. Хозяйка ее — одна из самых богатых женщин Соединенных Штатов. За свою собачку она заплатила несколько тысяч долларов.

ГЕРОИ ИЛИ ТРУСЫ? ■ ОНИ МЕШАЮТ НАМ ЖИТЬ ■ ШАЛОСТИ ДОРОГО ОБХОДЯТСЯ ■ ХУЛИГАНЫ ОТВЕТЯТ ПО ЗАКОНУ ■ ■ О ТВОИХ ОБЯЗАННОСТЯХ И ТВОИХ ПРАВАХ ■ ЕСЛИ В ТВОЕМ ДВОРЕ СКУЧНО... ■ ДВОРЦЫ КУЛЬТУРЫ, КЛУБЫ, СТАДИОНЫ, КРАСНЫЕ УГОЛКИ — ТЕБЕ

Случилось это в Новых Черемушках. Дворник услышал детский крик. Оказалось, маленький мальчик, играя у костра, получил сильные ожоги.

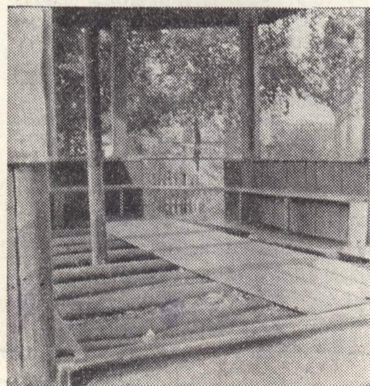
Дворник бросился к ближайшему телефону. Трубка была срезана. Он побежал к другому, к третьему — автоматы поломаны. Врачи приехали слишком поздно, мальчик умер от тяжелых ожогов.

Кто знал, что телефонная трубка может стоить человеческой жизни?

Ребята, которые ломают телефоны-автоматы, считают, видно, что это всего лишь шалость. Такие шалости дорого обходятся, не говоря уже о том, что установка каждого автомата стоит 118 рублей 45 копеек, одна только трубка — 5 рублей 45 копеек.

Е. А. Молчанова,
главный инженер телефонного узла г. Москвы

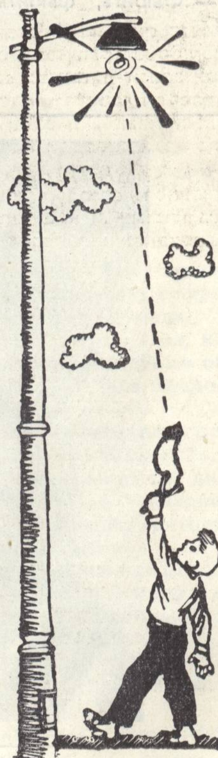

Пришли мы как-то на работу и не узнали детскую площадку. Стены, полы и барьеры веранд выломаны. Скамейки, столики, грибки выдернуты и разбиты в щепки. Штакетник повален. Срезаны звонки, у дверей оторваны ручки, испорчены замки.

Как будто орда вражеская пронеслась ночью. Оказалось, это ребята с нашего двора. Пришлось чинить, красить, делать заново. Шалость ребят обошлась в 75 рублей. Да еще зарплата рабочим за четыре дня.

Т. И. Иванеева,
директор детского сада № 1249

Совсем недавно выросли кварталы этих красивых, нарядных корпусов. Прошло немного времени. И вот уже стены «украшены» замысловатыми надписями, поручни на лестницах изрезаны, в подъездах перебиты все стекла.

Новая спортивная площадка тоже пострадала: разодрана железная сетка, сорваны с петель ворота, выломано 35 метров металлических прутьев.

«Доблести» ребят обошлись домоуправлению в 150 рублей.

В. Ф. Калинин,
управляющий домами
домоуправления № 13
ЖКО АН СССР

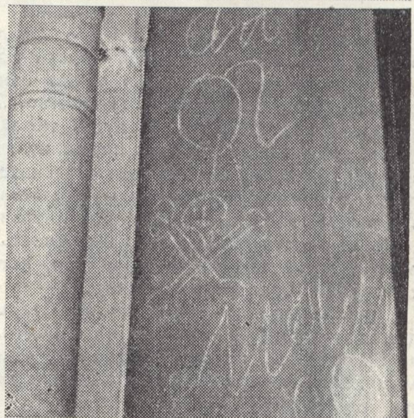
Изо дня в день ребята нашего ЖЭКа преподносят нам какие-нибудь сюрпризы. То перебьют во всех подъездах электрические лампочки, то подожгут газеты в почтовых ящиках, то сорвут вызывные кнопки в лифтах.

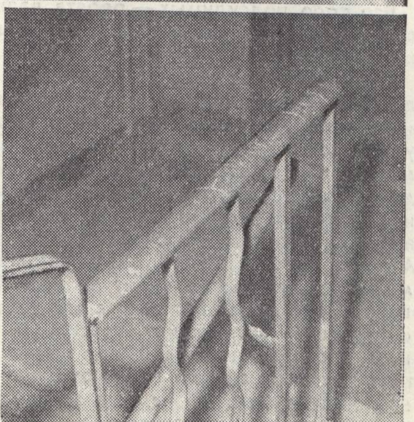
Не задумываются они, сколько вреда приносят их шалости. Видно, никогда не приходилось им слышать дыхание сердечника после двух лестничных пролетов. Не замечали мальчишки, как трудно переставляет больные ноги семидесятипятилетняя бабушка, поднимаясь пешком на одиннадцатый этаж, как часто останавливается женщина с младенцем на руках.

А какой материальный ущерб?

Перебитые за год стекла обходятся ЖЭКу в 200 рублей. Капитальный ремонт лифта, если испорчен электрокабель, обходится в 190 рублей. А краски, лаки, стеклянные плафоны для лампочек, доски для скамеек во дворе!..

А. А. Корольков,
техник-смотритель
ЖЭКа № 19

ГЕРОИ ИЛИ ТРУСЫ?

Прежде всего давайте познакомимся. Фамилия моя Чванов. Я подполковник милиции и работаю в Московском уголовном розыске.

Поговорить с вами я хочу о смелости. Почему о смелости? Вот поговорим — сами поймете.

Есть у слова «смелость» такие синонимы: храбрость, отвага, бесстрашие, мужество. Замечательные человеческие качества! И пусть тебе только тринадцать, но, если ты проявил подлинную храбрость, защищая младших, если отважился сказать правду, чего бы это ни стоило, если мужественно встречаешь трудности, я охотно скажу: вот настоящий мужчина!

Но смелость только тогда смелость, отвага тогда отвага, мужество тогда мужество, когда проявлены они ради благородной цели.

Судили недавно троих ребят. Старшему — семнадцать, младшему нет и пятнадцати. Сидели они за загородкой, на особой скамье, «скамье подсудимых». В зале — родители, учителя, приятели по школе, по двору.

Все трое подсудимых — ребята ладные, не по годам рослые. Все держат себя так, точно им и море по колено.

Судят ребят за угон автомашины и кражу из нее деталей. Судья, народные заседатели задают один вопрос за другим, и постепенно наигранная самоуверенность трех воришек тает на глазах. Тает потому, что когда вот так рассказывают эпизод за эпизодом всю историю, раскрывается довольно неприглядная картина и все, что раньше казалось героическим, превращается в... обыкновенную трусость. Почему? А очень просто. Когда угоняли автомашину, все время оглядывались: не видит ли кто? Когда ехали по городу, все время боялись: а вдруг остановят? Когда «раздевали» автомашину, трусили: а вдруг застанут на месте преступления? Когда пытались продать детали, тряслись: а вдруг поймают с поличным? И когда на вопрос судьи: «О чем же вы думали, угоняя чужую машину?» — подсудимые отвечают: «Хотели, чтобы ребята завидовали нашей смелости»,— в зале раздается смех. Сперва это негромкий смешок, а потом откровенный хохот. Смеются не взрослые, а те самые ребята, которые, по мнению подсудимых, должны были бы завидовать.

Доводилось мне слышать такое мнение: «Ну что особенного в угоне автомобиля? Покатались и на место поставили».

А вот для нас, работников милиции, да и для всех взрослых, угон автомашины — это «ЧП» — чрезвычайное происшествие. Как только поступает сообщение о подобном случае, тотчас же ставят в известность все милицейские посты. И пока машину не задержат, мы нервничаем: кто за рулем? Каких последствий ждать от угона? Чья жизнь подвергается опасности?

Подобные происшествия чаще всего кончаются авариями. Ученики 671-й школы В. и Р. угнали автомашину «ГАЗ-51». Развили недозволенную скорость и... машина — вдребезги, ребята только чудом остались живы. В этот же день, а это было в ноябре 1963 года, в другом конце города исчез лимузин «Скорой помощи». Его угнал некий Кузин. Он гнал, не разбирая дороги,— был «смелым», наехал на трамвай и погиб.

Итак, вот вам результат двух «смелых» поступков. Один убит, двое ранены. И две покалеченные автомашины. А по существующим законам отвечать за действия несовершеннолетних будут их родители. Машины, как известно, стоят дорого, и, чтобы оплатить их стоимость, родителям придется долго отказывать себе во многом.

Однажды «Скорая помощь» доставила в больницу мальчишку лет двенадцати с серьезной огнестрельной раной. Врачи недоумевали: какой злой человек мог выстрелить в ребенка? Может быть, мальчик столкнулся с грабителем? Может быть, спасал чью-нибудь жизнь? Не герой ли он? Оказалось, совсем не герой. Очнувшись после благополучной операции, «герой» рассказал, что в руках у него разорвался самопал.

Ну, скажите, пожалуйста, зачем мальчишке самопал? Долго не могли добиться от него ответа. Наконец, он признался: пугать ребят. Пугать!

Довелось мне отбирать у ребят ножи и самодельные кинжалы. Могу вам с полной откровенностью сказать, что каждый из таких вооруженных мальчишек — трус.

Смелость, отвага, мужество — качества честных людей. Смелый не полезет с ножом на безоружного, отважный не станет нападать из-за угла. Все хорошие поступки совершаются на глазах людей. Все дурные — тайно. Недавно в угрозыск поступили сведения о взломах телефонов-автоматов. Мы знали, что взрослые воры на такое дело не пойдут: ну, сколько можно вытащить из копилки автомата? Рубль? Два? И все двухкопеечными монетами. Ясно, что это дело рук вороватых и трусливых ребят.

Поймать воришек оказалось делом несложным. Преступники были наказаны. Пострадали и родители: им пришлось уплатить за испорченный автомат 120 рублей. Не думайте, что испорченный автомат — это такой уж пустяк. Представьте, что у вас заболел кто-нибудь из близких и надо срочно вызвать «Скорую помощь». Вы мчитесь к ближайшему телефону,— он искорежен, другой тоже.

Пока вы найдете исправный, может произойти несчастье. Вот почему только гнев и возмущение могут вызвать поступки тех, кто ради нескольких медяков или из ложного «молодечества» портит телефоны-автоматы.

А сейчас я хочу рассказать о настоящих смельчаках. Это случилось недавно. Ученик московской школы № 108 Виктор Бондаренко гулял вечером по улице. Ни одного пешехода. Темновато. На противоположной стороне в слабом свете фонаря Виктор заметил человека, который возился с замком дверей «Химчистки». Услышав шаги, человек притаился. В тени деревьев спрятался и Виктор. Неизвестный, оглянувшись, снова принялся за свое дело.

Виктор понял: это вор. Что делать? Бежать до ближайшего постового далеко, телефона поблизости нет, и как назло ни одного пешехода. И Виктору пришло смелое решение. С криком «Вы что здесь делаете?» он бросился к грабителю.

Преступник лишь на минуту опешил, но, увидев, что перед ним подросток, вынул нож.

Правильно рассчитав, что борьба будет неравной, Виктор позвал на помощь. Прежде чем бандита схватили, тот успел ранить Виктора.

Не раз приходилось мне и моим товарищам задерживать вооруженных преступников. Думаете, не страшно? Так ведь в том-то и состоит мужество, чтобы, преодолевая собственный страх, исполнить то, что велит тебе долг.

Виктор быстро выздоровел. Сотрудники уголовного розыска вручили ему награду: именные часы.

Бандитов задерживали не только мальчишки. Ученицы 15-й школы Тамара Храпунова и Галина Соловьева тоже задержали опытного преступника.

Смелыми не рождаются, как не рождаются и трусами. Смелость, отвагу и мужество воспитывают. И не только родители и учителя. Смелость воспитываешь и ты сам в себе.

Когда мужественно отказываешься от дурной компании, какие бы соблазны она тебе не сулила; когда храбро защищаешь младших; когда говоришь только правду; когда бесстрашно встречаешь любые трудности,— смелость придет к тебе.

Подполковник милиции ЧВАНОВ,
заместитель начальника
отдела Московского уголовного розыска

Может так случиться, посмотришь ты на этот рисунок и скажешь:

— Все это неправда. Ничего-то нет в нашем маленьком городке, глухом таежном поселке: ни секций, ни бассейна, ни спортивной школы. Даже спортивной площадки нет, не продаются ни лыжи, ни коньки, ни байдарки... Так знай. В каждом городе, в каждом селе должен быть совет Союза спортивных обществ и организаций и добровольные спортивные общества. В городах — «Динамо», «Спартак», «ЦСКА», «Локомотив», а в селах РСФСР, Белоруссии — общество «Урожай», в Армении — «Севан», в Молдавии — «Колхозникул», в Узбекистане — «Пахтакор».

Попросите взрослых — родителей, учителей, комсомольцев: когда они поедут в районный центр, ближайший поселок, город, пусть зайдут в эти спортивные организации. Они помогут вам наладить спортивную жизнь.

Заводские и сельские комсомольцы, студенты ближайшего института, профсоюзная организация фабрики, завода, учреждения, где работают твои родители, учителя, вожатые, управдом, директор клуба, спортсмены — всех твоих друзей не перечислишь. Они помогут тебе.

Л. А. Захаров,
зав. орготделом Московского городского Союза спорта

ВАШИ ОБЯЗАННОСТИ И ПРАВА

Если у вас во дворе скучно, идите в домоуправление или в ЖЭК. Там вам должны помочь. Есть такое постановление Совнаркома РСФСР от 7 октября 1938 года, № 338 «Об отчислениях на культурно-бытовую работу в домах местных Советов». Вот что в нем сказано:

«Всем домоуправлениям разрешается по своим хозфондам предусматривать отчисления на культурно-бытовую работу в домах...»

●

На заводе, на фабрике, в учреждении, где работают ваши мамы и папы, должна быть комиссия, которая заботится о детях и подростках. Эта комиссия помогает организовать для ребят в клубах, в Домах и Дворцах культуры кружки, добивается открытия при общежитиях и в рабочих поселках комнат школьника и детских площадок.

Комиссия заботится об устройстве для детей простейших спортивных площадок и гимнастических городков. Совместно с советом ДСО организует при стадионах и спортивных базах детские секции и команды по всем видам спорта.

(Из постановления Президиума ВЦСПС от 8 декабря 1954 года.)

●

В дневное время клубы, стадионы, спортивные залы и лыжные станции должны быть использованы для проведения внешкольной работы с детьми.

(Из постановления V пленума ВЦСПС от 29 июня 1956 года.)

●

Предоставить спортивные сооружения детям в удобное для них время. Создавать в коллективах физкультуры, на спортивных сооружениях, при детских секторах клубов и Дворцов культуры детские спортивные секции и юношеские команды.

(Из постановления Президиума ВЦСПС от 5 апреля 1958 года.)

НЕ ТЕРЯЙТЕ ВРЕМЕНИ!

Раньше после школы уроки выучим и не знаем, что делать. Играли в чехарду, в расшибалочку, в чеканку... Иногда, бывало, соберемся толпой — возимся, толкаемся, прохожих задеваем.

Нас ругали, одергивали и даже приглашали для беседы в детскую комнату 98-го отделения милиции. Но потом мы узнали, что в Детском парке Куйбышевского района (Верхняя Красносельская, 17) работают спортивные секции, и мы пошли в парк. Нам предложили заниматься летом футболом, а зимой — хоккеем, лыжами. Это было три года тому назад.

Сейчас я уже работаю, но все свое свободное время отдаю спорту. Этим летом я выступал за футбольную команду ЖЭКа № 11.

Наша команда на районных соревнованиях между командами ЖЭКов, которые проводились в Детском парке, заняла первое место. На городских соревнованиях мы вышли в финал. Четыре игры мы играли в Лужниках на Малой спортивной арене. После третьей игры на меня обратил внимание тренер общества «Спартак» товарищ Васильев и пригласил меня в общество «Спартак».

Друг мой, Красаков Михаил, вместе со мной занимался в Детском парке. Только он больше увлекался хоккеем.

Он сейчас тренируется в обществе «Труд». Мы очень благодарны Детскому парку и его не забываем.

Часто по поручению старшего тренера мы сами проводим занятия с новичками — с самыми юными спортсменами.

Мы призываем всех ребят: не теряйте дорогого времени. В свободные от учебы или работы часы не болтайтесь по улицам, а приходите на ближайший стадион и занимайтесь спортом!

Николай Шаврин

Команда хоккеистов ЖЭКа № 11 — победитель всех московских дворовых команд.

ИДУЩИЙ ЧЕРЕЗ ВЕКА

Ю. НОВИКОВА

МИКЕЛАНДЖЕЛО, ФЛОРЕНТИЕЦ

Микеланджело — скульптор, живописец, архитектор — родился и вырос во Флоренции. Свою родную Флоренцию художник не забывал нигде.

Когда его скульптуру «Пиета» — «Оплакивание» — римляне приписали другому ваятелю, Микеланджело вознегодовал не только за себя... Ночью с резцом и светильником в руках вошел он в часовню, где стояло его создание, и при трепетном свете — в первый и последний раз в жизни! — вырезал на мраморе: «Микеланджело Буонарроти, флорентиец, исполнил». Так заявил он о себе и о милой своей Флоренции. Разве не о ней, не о ее сынах думал он, когда творил из мрамора эту группу, полную чистой печали?

Он гордился своей родиной, ее неукротимым боевым духом. Ведь Флоренция Микеланджело, Флоренция XV—XVI веков, была не просто итальянским городом, как сейчас. Тогда это было свободолюбивое государство, республика, пытавшаяся отстаивать свою независимость от Рима и от иностранцев... Победы и поражения Флоренции были для Микеланджело кровным, личным делом.

Он любил свою Флоренцию и за то, что в ней процветали искусства. Под старость, рассказывая о себе своему ученику и биографу Вазари, художник помянул, что кормилицей его была жена каменщика...

— Из ее молока я извлек резец и молоток,— добавил он.

В этой мудрой шутке много правды. Если не с молоком кормилицы, то все же с самых ранних лет впитал Микеланджело красоту искусства. Прекрасные здания и статуи окружали его на улицах Флоренции — родины замечательного скульптора Донателло, родины Леонардо да Винчи...

В «Садах Медичи», где находилась художественная школа для одареннейших юношей Флоренции, Микеланджело познакомился с ослепительно прекрасными творениями древних греков. Правитель Флоренции Лоренцо Великолепный принадлежал к роду Медичи, ненавистному свободолюбивым флорентийцам. Но Лоренцо любил и понимал искусство... И в школе, созданной им, все было пронизано тем новым духом, которым повеяло в Италии еще с XIV века. Ученики этой своеобразной «академии художеств» горячо спорили о красоте. Посмеивались над ханжами-монахами. Читали вслух божественные стихи Данте, тоже флорентийца!..

Микеланджело Буонарроти. Со старинной гравюры.

Все начиналось заново в Италии в ту революционную эпоху. Рассеивался черный туман средневековья, когда человек был придавлен страхом перед богом на небе и его всемогущими слугами на земле, боялся думать, боялся чувствовать. Земная жизнь, столько времени почитавшаяся «греховной», вновь открывалась ему во всей полноте, и он дивился ей, как дивился совершенству греческих статуй, извлеченных из земли... Человек, личность, действительно возрождалась. Так и называется эта великая эпоха — «Возрождение». Колыбелью Возрождения была прекрасная Флоренция.

Под синим небом Флоренции мальчик Микеланджело покупал на базаре морских рыб, чтобы воспроизводить их причудливую окраску.

Во Флоренции пытливый юноша тайком анатомировал трупы, постигая законы человеческого тела, красоте которого он будет поклоняться всю жизнь...

Во Флоренции и для Флоренции создал великий скульптор Микеланджело одну из любимейших своих статуй — своего гиганта «Давида».

Пиета.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ГИГАНТ

Несколько десятков лет вздымалась она над площадью, эта огромная мраморная глыба, привезенная во Флоренцию из Каррары. Мрамор сверкал белизной, но форма его была грубо искалечена. Какой-то незадачливый скульптор пытался обтесать его и бросил работу, только продырявив глыбу.

От этой обезображенной глыбы отказался в свое время Донателло. Леонардо, в зените славы и сил, не счел возможным приложить к ней свой резец. И вот теперь перед гигантским куском мрамора стоял двадцатишестилетний Микеланджело.

Нам нетрудно представить его себе: современники обстоятельно описали его облик. Среднего роста, мускулистый, с характерным профилем: переносица перешиблена еще в юности, в азартном споре, нижняя губа слегка выдается вперед,— некрасивое, мужественное, выразительное лицо... Маленькими карими глазами скульптор буквально впивается в глыбу.

Наконец он дает согласие. Хорошо, он попытается оживить мертвое...

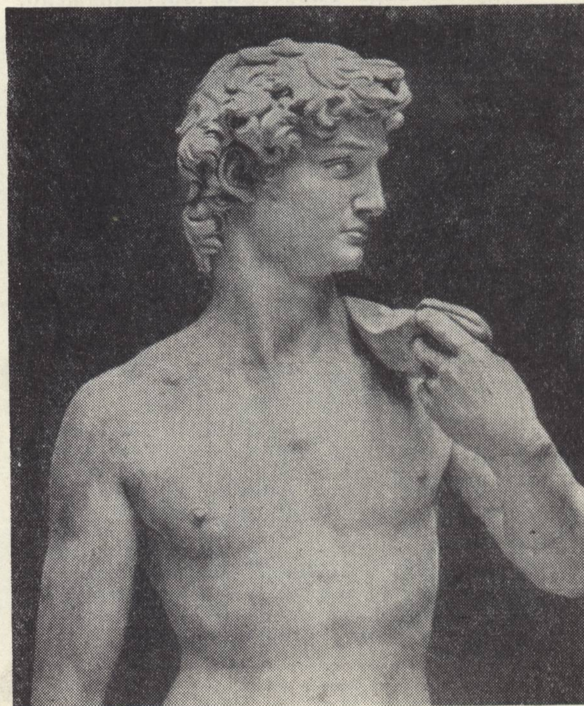
Глыбу обносят загородкой. Три года «врубается» в нее Микеланджело — яростно, страстно, как всегда, в полном одиночестве. Осторожными, но уверенными ударами откалывает он мрамор, снимает слой за слоем, словно освобождая то, что спрятано внутри.

Он, Микеланджело, всегда утверждал, что в каждом куске мрамора заключена своя статуя, надо только убрать лишнее. Воображение рисовало ему замысел так явственно, как будто он уже воплощен...

Обычно, прежде чем перейти к мрамору, скульптор лепит статую из более послушного материала — глины. Глиняную модель он в том же размере «переводит» в мрамор. Глина — как бы черновик, ведь на глине можно исправлять ошибки, что-то углубить, что-то сгладить...

У Микеланджело, когда он ваял «Давида», не было ничего, кроме двух маленьких эскизов, двух восковых фигурок в несколько сантиметров высотой... Без «черновика», сразу «набело» врубался он в мрамор, не терпящий поправок, и каждый удар его руки был безукоризненно точен.

Как это удавалось ему? Что приходило ему на помощь? Глубокое знание анатомии, навык, приобретенный трудом?.. Конечно, и это. Познания и труд необходимы художнику. Но ни-

Давид (фрагмент).

что не возместит ему той врожденной силы, которую можно развить, но нельзя приобрести. Силы, для которой нет у нас другого названия, чем «творческий гений».

...Когда загородку убрали, изумились даже флорентийцы, избалованные произведениями искусства. В свободной позе, слегка отставив левую ногу, уходя в небо кудрявой мраморной головой, высился перед ними гигант — прекрасный, могучий юноша. Сжимая левой рукой пращу, был он готов к отпору. Как воин стоял он, как защитник Флоренции от врагов. Как человек невиданной красоты тела и духа... Но только не как «святой Давид», о котором говорится в церковных книгах.

Библейское сказание повествует, что слабый отрок, почти мальчик, Давид, защищая свой народ, поверг великана Голиафа. Микеланджело сделал великаном самого Давида, отважный, сильный дух воплотил он в мощное тело атлета. Не очень-то посчитался Микеланджело со священным текстом!.. Впрочем, так поступали и другие мастера Возрождения, вливая в старые мехи религиозных сюжетов новое вино, новое содержание...

Но есть в «Давиде» нечто свойственное только одному Микеланджело, характерное лишь для его бурной творческой личности. Хотя мраморный гигант показан еще до поединка с врагом, мы доподлинно знаем, каким будет Давид, когда разгорится бой, столько скрытой мощи в этих великолепных мышцах, в повороте головы, так сосредоточенно, грозно юношеское лицо! Давид пока спокоен, но в этом покое чувствуется напряжение страсти, затишье перед бурей.

«Террибилита»,— говорят итальянцы, пытаясь обрисовать творчество Микеланджело. «Террибилита» — сила переживаний, внушающая страх. В передаче этой силы Микеланджело не имеет равных.

ТРАГЕДИЯ ГРОБНИЦЫ

Примерно через год после того, как мраморный гигант был водружен на главной площади Флоренции, Микеланджело вновь покинул родной город. Папа Юлий II вызвал его в Рим и заказал ему свою гробницу... Творческие замыслы теснились в голове художника, и он разработал проект великолепной гробницы, украшенной множеством статуй. Проект как будто понравился папе, и художник, полный радужных надежд, уехал в Каррару за мрамором.

Дельфийская Сивилла (фрагмент росписи потолка Сикстинской капеллы).

Так в 1505 году началась эта долгая история, которую биографы Микеланджело называют «трагедией гробницы». Трагедия гения, зависящего от причуд «сильных мира сего».

Когда художник, мечтая скорей приступить к желанному труду, вернулся в Рим, папа уже охладел к своей затее. Кажется, кто-то внушил ему, что строить себе гробницу — дурная примета. Так или иначе, Юлий не проявил к художнику никакого внимания. И оскорбленный Микеланджело тут же самовольно покинул Рим.

Тогда папа послал за ним. Он тоже был с сильным характером, этот самовластный старик, при случае легко сменявший молитвенник на боевое оружие... Слабо разбираясь в искусстве, он кое-что понимал в людях. Он не желал терять Микеланджело и настаивал на его возвращении.

Художник упорствовал. Но здравый смысл, а главное, жажда воплотить дорогой ему замысел в конце концов взяли верх. Микеланджело вернулся к папе.

И тут папа поступил с ним так, как в мифах поступали с героями древние боги. Он наложил на него тяжкие испытания: прежде чем начать гробницу, Микеланджело должен расписать потолок Сикстинской капеллы, часовни.

И опять художнику пришлось смириться,— мечтая о желанном труде, взяться за нежеланный. Впрочем, он скоро увлекся им со всем неистовством своей натуры.

Двадцать месяцев провел он на лесах под потолком капеллы, лежа с кистью в руке на спине. Он так испортил себе зрение, что долгое время мог читать письма, только подняв их вверх... В шутливом стихотворении — Микеланджело был и поэтом! — он писал, что из-за этой работы у него вырос зоб, затылок прирос к спине, борода стала дыбом... И все же он работал один, без помощников.

Папе не терпелось взглянуть на то, что сделал Микеланджело.

Гробница папы Юлия II.

— Скоро ли ты кончишь? — торопил он, хмуря кустистые брови.

— Кончу, когда буду доволен.

— Смотри, чтоб я не сбросил тебя с твоей вышки!..

Но вот наконец леса сняты. Подобрав сутану, папа решительно переступает через доски и смотрит на потолок... Что ж, на потолке написано то, что и должно украшать стены часовни: сцены из священной истории.

Хорошо, что папа не очень тонко разбирается в искусстве! Иначе он заметил бы, что священная история, написанная могучей кистью «его» художника, слишком человечна!.. Жизненной правдой дышат сцены «потопа». Человеческой мудростью и энергией исполнены лица пророчиц-сивилл. А сам господь бог, творящий небо и землю, скорее похож на художника, охваченного неудержимым порывом вдохновения. Как прекрасно, как одухотворенно лучшее из его созданий — первый человек, Адам! Не во славу бога — во славу человека, его разума и творчества, созданы эти «божественные фрески».

К счастью, папа не видит этого. Его беспокоит другое

— Надо бы пройтись золотом,— замечает он.— Бедно все это...

— Те, что изображены здесь, тоже были бедны.

Ответ звучит почти грубо. Но папа уже привык к строптивости «своего» художника и не обращает на нее внимания.

Не обращает внимания папа и на фигуры, написанные в оконных арках-люнетах, на женщин с грустными, озабоченными лицами, на скорбные фигуры странников... У одного из них вид затравленного. Другой точно пишет просьбу о помиловании... Как попали они в часовню, эти обыкновенные, «мирские» люди? И почему они так грустны?..

Много позднее исследователи ответят на этот вопрос. Как раз в те годы, когда Микеланджело работал в часовне, Флоренция была захвачена испанцами. Многие из ее жителей скитались без крова, многие флорентийские матери потеряли тогда детей... О них, о бедах своей родины, видимо, думал художник, расписывая люнеты. И эту работу он делал не по приказу папы...

...А «трагедия гробницы» продолжалась. При жизни Юлия художнику удалось изваять лишь малую часть тех статуй, о которых он мечтал. Но какие это были статуи!.. Моисей, полный праведного гнева, фигуры рабов, красоте и выразительности которых до сего времени дивится мир.

Умирает Юлий II. Его преемники еще меньше интересуются гробницей... Они поручают Микеланджело все новые и новые дела, а главный замысел его жизни — гениальный замысел! — остается неосуществленным.

Идут года... Почти семидесятилетним стариком заканчивает художник то, что замыслил еще в молодости... Но разве это та гробница, то гармоничное сооружение, о котором он мечтал?!. Из-за равнодушия тех, кто давал средства для работы, все обеднено, пропорции нарушены... И все же статуи Моисея и рабов,

украшающие гробницу папы Юлия II, делают ее одним из величайших памятников искусства...

И кто, кроме узких специалистов-историков, кто вспомнил бы о существовании этого папы, не будь на свете строптивого художника Микеланджело?!

ЕЩЕ ОДНА ПОБЕДА

Одним из самых тяжелых испытаний, выпавших на долю Микеланджело, было создание капеллы Медичи в его родной Флоренции.

Лоренцо хотя бы любил искусство. Наследники его не обладали и этим качеством и были ненавистны Флоренции. Изгнание рода Медичи означало победу свободы. Возвращение Медичи было ее поражением.

И вот в 30-х годах XVI века Медичи снова вернулись во Флоренцию. Этому предшествовала война, в которой Микеланджело принимал непосредственное участие, он был главным комиссаром военных укреплений... Теперь, когда враг победил, художник ждал ареста и суровой расправы.

Но слава Микеланджело к тому времени была слишком велика. Уничтожать его не имело смысла, лучше было его использовать. Художнику предложили работу... Родовая капелла Медичи, созданная Микеланджело, могла укрепить славу этого рода, а Медичи любили славу!

Художник стоял перед выбором: отказаться от этой работы, а вместе с ней и от всякого творческого труда: правители не простили бы ему отказа! — или же восславить своим искусством ненавистных победителей. Мысль об этом была мучительна.

Умирающий раб (фрагмент).

Он нашел выход. Он взялся за эту работу, закончил часовню и наполнил ее статуями. Но его творение не прославляло ни рода Медичи, ни их победы.

Тревогу вселяет во всех входящих сама архитектура часовни. Скорбь ощущается в позах, в выражении лиц прекрасных статуй. О безысходной печали, а совсем не о величии Медичи, говорит все в этой часовне. Языком линий и форм оплакал здесь Микеланджело свою Флоренцию. Это была его победа над Медичи. Горькая победа...

Вот она, спящая статуя Ночи. Еще при жизни своего учителя Вазари писал, что в ее фигуре «чувствуется не только покой спящего, но также скорбь и печаль человека, теряющего нечто чтимое и вели-

Утро (фрагмент статуи с гробницы Лоренцо Медичи).

кое...» Вот «Утро», которое не хочет пробуждаться: слишком мрачен предстоящий день...

Капелла Медичи — мраморная симфония печали, прощальный дар художника своей Флоренции. Создав эту часовню, он навеки покидает родину. Обратно он вернется только в гробу: останки его привезут во Флоренцию, чтобы предать родной земле...

От имени своей «Ночи» Микеланджело написал четверостишие, гениально переведенное нашим поэтом Тютчевым. В горестных строках выражены те же настроения, что и в мраморе капеллы:

Молчи, прошу не смей меня будить.
О, в этот век преступный и постыдный
Не жить, не чувствовать — удел завидный...
Отрадно спать, отрадней камнем быть.

МИКЕЛАНДЖЕЛО, ОБРАЩЕННЫЙ К НАМ

Наследие Микеланджело огромно. Здесь, в коротком очерке, не упомянуто о многих очень значительных его работах. Не сказано, например, о его грандиозном труде над собором святого Петра в Риме, Ватиканом... А ведь для Пушкина «Бонароти» был прежде всего создателем Ватикана. Вспомним «Моцарта и Сальери».

Слава великого художника давно перехлестнула границы Италии. Микеланджело Буонарроти, флорентиец — гордость всего мира.

Революционные эпохи всегда считали его своим. Его «Моисей» больше похож на вождя, чем на пророка. Раб, пытающийся сбросить оковы, невольно воспринимается как символ народа, томящегося в рабстве, рвущегося к освобождению...

Мятущийся гений Микеланджело, умершего четыреста лет назад, чем-то ближе нам, чем безмятежно-гармоническое творчество иных его великих современников. В сияющее искусство Возрождения он внес ноты скорби, ноты протеста, внутренней борьбы. Все в нем смятение, гнев, страсть. Как живые, говорят с нами, живыми, его создания.

Существует мнение, что он создал «идеального героя». Но слово «идеальный» как-то не подходит к Микеланджело. Его герой прошел через все муки,— и через войну тоже! — увидел жизнь во всей ее сложности, он реален. В нем — пусть он из мрамора — ощущается биение живой, горячей крови... Недаром нашего художника-реалиста Сурикова так восхитили жилы на могучих руках Моисея.

...Сам Микеланджело мало походил на «идеального героя». Неровный, неуживчивый, не всегда справедливый к отдельным людям, он был земным, погрешимым человеком, погрешимым во всем, кроме искусства. Если вы узнаете это искусство хоть немного,— хотя бы по копиям в музеях или даже по репродукциям,— у вас, несомненно, появится желание поближе познакомиться с его творцом. И, может быть, вам захочется достать книгу о его времени, о Флоренции, которую он так любил, почитать письма Микеланджело — словом, ощутить его не как полубога, а как человека, пронесшего через века свой человеческий гнев, свою боль и радость.

ЧТО СНИТСЯ ПОЕЗДАМ?

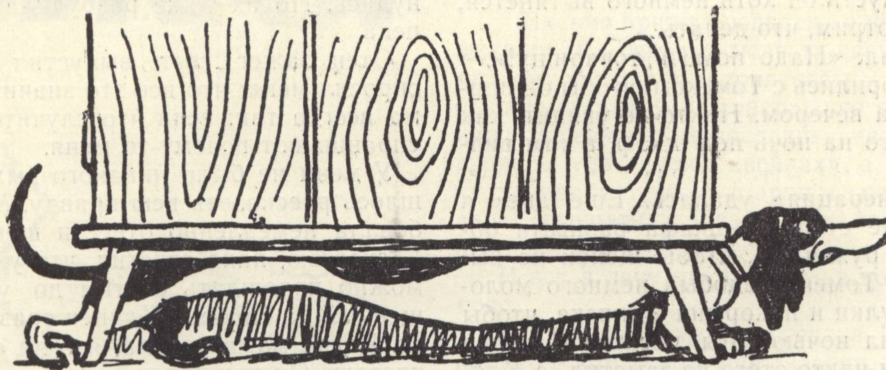
Илья ДВОРКИН

Что снится ночью поездам,
На отдыхе стоящим!
Наверно, быстрая езда,
А может, белая звезда,
Навстречу им летящая!
И может, гулкие мосты,
Мгновенные пролеты!
А может, желтый зной пустынь,
Оазисы-сироты!

Любую вещь,
Любой пустяк
Глаза видали эти,
По рельсам сдвоенным летя,
Бродя по белу свету.
О чем же думают они,
Спеша звенящим шагом!
Какие ночью снятся сны
Железным работягам!

Породистый

щенок

Ганна **ОЖОГОВСКАЯ**

Рисунки Е. Ведерникова.

Мы с Томеком купили щенка. Собственно, купил-то его Томек, хотя мне этот щенок тоже очень понравился. Но у Томека были деньги, а у меня ни гроша.

Щенок был совсем маленький. Хозяин держал его под курткой, и оттуда виднелись только мордочка и длинные уши щенка. Он смотрел на нас совсем как человек. Раскрывал рот и делал «щелк-щелк».

К Томеку он пошел, как к своему давнему знакомому: видно, почувствовал в нем приятеля. И еще больше таращил глазенки и клацал зубками, словно хотел нам что-то сказать. Томек дал ему полизать конфету и назвал его Кляпек. Всю дорогу до нашего дома мы говорили щенку:

— Кляпек! Кляпусь! Кляшек!

А он от радости махал хвостиком, хотя я этого и не видел, потому что Томек тоже спрятал его под куртку и только говорил мне, что щенок машет хвостиком. Лишь во дворе Томек вдруг припомнил, что его мама ни за что на свете не позволит держать в доме собаку. А отец Томека как-то раз сказал, что хотел бы иметь собаку, но породистую.

Поэтому мы еще на лестнице начали тщательно разглядывать щенка: если он породистый, то отец поддержит Томека, а это уже полпобеды. Но никакой породы в щенке нам заметить не удалось. Томек до того расстроился, что мы решили вернуть щенка хозяину. Но когда мы прибежали на рынок, его уже на том месте не было, и мы не знали, где живет этот человек.

Томек даже как-то обрадовался: уж очень ему жаль было Кляпека. Но тут же снова загрустил: боялся мамы.

— Послушай, Томек! — сказал я ему.— Ты не расстраивайся. Из каждого щенка можно таксу вырастить, а ведь это очень хорошая и полезная порода.

— Как это вырастить? — удивился Томек.

— Сейчас расскажу. Берут маленького щенка и сажают его под шкаф. Там очень низко. И щенок сможет расти только в длину, а в высоту не сможет. Вот он растет, растет, и вдруг ты видишь: с одного боку шкафа высовывается голова, а с другого — хвост. Тогда ты выпускаешь выросшего пса, и он уже длинный-предлинный...

— Хорошая мысль! — одобрил Томек.— Но у нас нет настоящего шкафа. Есть два, только они вделаны в стену.

— Вот так штука! — говорю. — У нас, правда, есть шкаф, но я не знаю, одолжит ли его тебе мама, потому что шкафа у нас никто еще не одалживал...

— Послушай,— перебил меня Томек,— ты мне товарищ?

— Да,— говорю,— а что?

— Тогда сделай это для меня: возьми Кляпека под ваш шкаф, а?

— Да,— говорю,— тебе легко сказать.

У меня ни мама, ни отец о собаках никогда не говорили даже...

— Это неважно. Главное то, что у вас есть шкаф. Подержи там Кляпека не так уж долго, пусть он хоть немного вытянется, а там посмотрим, что делать...

Я подумал: «Надо помочь товарищу!»,— и мы договорились с Томеком, чтобы он принес Кляпека вечером. Никто не увидит, как я посажу его на ночь под шкаф, а там видно будет.

Наша «операция» удалась. Еще днем я заставил все стороны шкафа разными обломками и рухлядью, чтобы щенок не вылез оттуда. Томек раздобыл немного молока, кусок булки и накормил Кляпека, чтобы он не скулил ночью. Мы посадили щенка под шкаф, и никто этого не заметил. А Кляпек оказался такой умный, словно понимал, в чем дело, и сидел под шкафом тихонько: видно, скоро уснул.

Но зато ночью... Ох, что делалось — просто ужас! Я проснулся первым. Под шкафом что-то пищало, скулило и страшно царапалось. Спросонок я перепугался и совсем забыл о щенке. А когда вспомнил, то поскорее накрылся с головой одеялом и мечтал об одном: чтобы папа и мама не проснулись. Но их тоже разбудила возня Кляпека.

Отец зажег свет, выпустил Кляпека и спросил меня: что все это значит? У нас дома всегда так: если что случится, то сразу спрашивают почему-то меня.

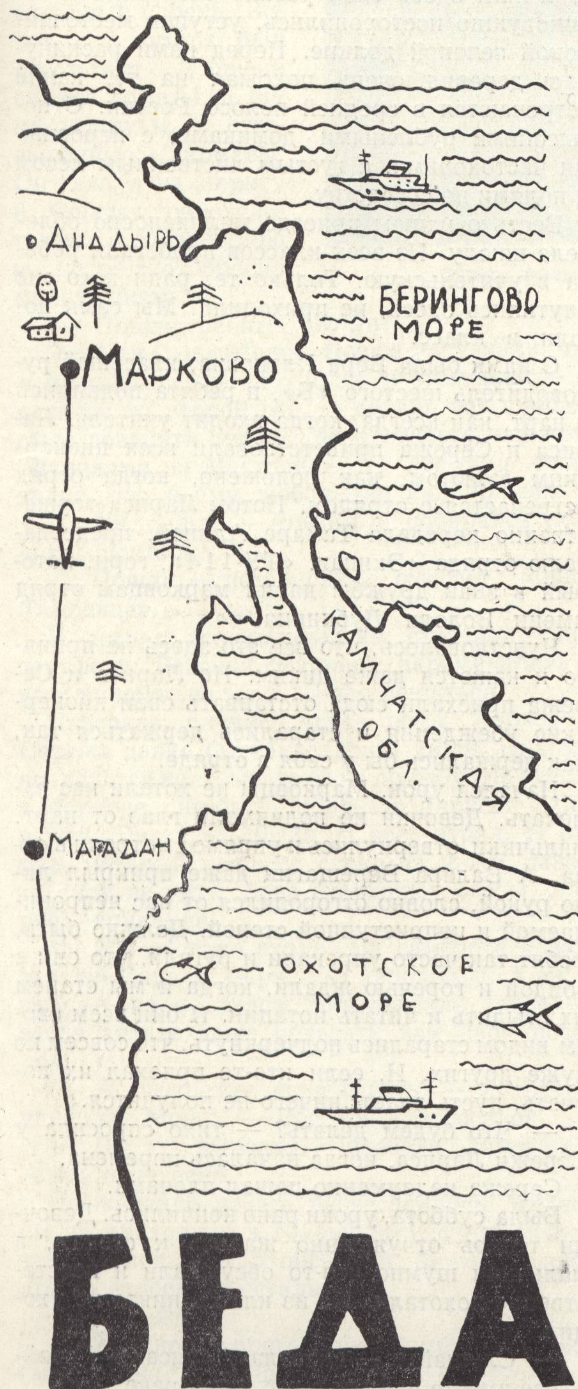
У меня не было никакого выхода, и пришлось рассказать всю правду. Мама потребовала немедленно отнести щенка Томеку. К счастью, папа ответил, что уже поздно и можно подождать с этим до утра. Выпущенный на свободу Кляпек сразу успокоился. Когда мама уснула, я взял его к себе в постель. Он прижался ко мне и уснул. Спал ну прямо как ангел. Правда, правда! Он очень умный песик. Наверно, будет вполне породистый, только жаль, что не такса: ведь у Томека нет шкафа, настоящего шкафа...

Перевел с польского
Я. Немчинский.

ЧУЖАЯ

БЕДА

Лия СИМОНОВА

Рисунки Е. Медведева.

1

Письмо пришло издалека и казалось тревожным. Не решаясь назвать свою фамилию, «потому что будут неприятности», девочка сообщала журналу «Пионер», что ее отряд занял в соревновании последнее место, что все пионеры «потонули в двойках», а мальчишки хулиганят и грубят старшим, особенно Валера Верещагин. Девочка просила о помощи и подавала в письме сигнал SOS.

И вот я лечу на Чукотку, в поселок Марково.

В Магадане у меня пересадка. В областном комитете комсомола мне сказали, что лучший в городе пионерский отряд надо искать в седьмой школе, в классе с табличкой «6 «Б». Мне хотелось встретиться с этим отрядом.

В школу я попала в перерыв между двумя сменами. В классе никого не было. Я стояла в пустом классе, поджидая ребят, и вдруг заметила — стены в комнате говорящие.

«Внимание! Внимание! Не уходите, пожалуйста. Не сумеете ли вы помочь нам? У нас есть альбом. Он посвящается тем, кто прокладывал дороги, бурил шурфы, открывал прииски, строил дома, кто нес и несет людям счастье и радость. Что вы добавите к летописи?

Второе звено. Красные следопыты».

Я перевела взгляд, и стена опять заговорила со мной:

«Тебе нужна помощь в приготовлении уроков? Звено помощи работает с 1.30 до 2 часов каждый день.

Звеньевая Кожевникова Лариса».

Стоило только повнимательнее прислушаться — и можно было многое узнать о жизни отряда имени Володи Дубинина. Стены рассказывали о походе на Холодный ключ и о патрулях бережливого отношения к хлебу, о девчонке, мешающей выполнять обязательство перед бригадой с Механического завода, и о «войне» за вечерний детский сад при городском Бюро добрых услуг.

Мне стало весело и интересно в этой комнате, и я подумала: я попала к тем самым людям, которые по-настоящему могут помочь в Маркове! Не я, не кто-то другой, а именно эти ребята, дружные, неравнодушные, убежденные. Таких я и искала.

И когда наконец отряд имени Володи Дубинина собрался, я показала им письмо.

Поднялся невообразимый шум. Потом встала тоненькая темноволосая девочка, председатель совета отряда, и сказала:

— Мы очень хотим помочь марковцам... Но это так далеко... Здесь такие расстояния!.. Наша область — это четыре Франции...

Она быстро села и, закусив губу, недовольно покачала головой.

Теперь в комнате воцарилась тишина. Сомнение казалось основательным. Может быть, его и не удалось бы разрешить, если бы ребята были другими, а учителя школы и работники Магаданского обкома комсомола не понимали ребят так хорошо.

Обком комсомола решил командировать пионеров отряда имени Володи Дубинина в Марково. Договорились так: поедут самый справедливый, самый веселый и самый хороший организатор. Ребята выбрали остряка и весельчака Сережу Дмитриева и ту тоненькую темноволосую девочку, Ларису Домненко. Лариса, по общему мнению, была и самым хорошим организатором и самым справедливым человеком в отряде.

2

Машина осторожно продвигалась к аэропорту. Всю ночь лил дождь. Дорога стала скользкой и мокрой. Сопки и все вокруг потонуло в густом сером тумане. Ребята сидели у залитых струями дождя окон и настороженно молчали. Как-то их встретят там, в далеком чукотском поселке?!

— Я артековскую форму надела... — неожиданно сказала Лариса.

— А остальное артековское взяла? — отозвался Сережа.

— Да, кажется, ничего не забыла. Брошюры, артековские песни, игры, адреса ребят, с которыми подружились...

— А я везу письма, — сказал Сережа. — Вчера ребята отдали после сбора.

— Прочти, — попросила Лариса.

Сережа прочел:

— «Чтобы не тонуть в двойках и не мучиться от скуки, надо сшить спасательный пояс из смекалки, выдумки, юмора. Надо внимательно слушать на уроках, помогать друг другу в учении, иметь крепкую дружбу в отряде, найти себе старших друзей. Ходить всем вместе в походы, на экскурсии, в кино. Тогда у вас в отряде будет светло и весело.

Саша Баранов».

Лариса вздохнула. Она понимала, что все это не такое простое дело.

3

С первого взгляда Марково поразило нас. Это было место, удивительное для Чукотки. Суровые и неприступные сопки смягчили здесь свои резкие очертания и великодушно посторонились, уступив место широкой зеленой долине. Перед нами раскинулась деревня, очень похожая на те, какие встречаются в средней полосе России. С невысокими рублеными домиками, с неровными частоколами, с густым лиственным лесом и полями по соседству.

Весть о нашем приезде молниеносно облетела школу. Из всех классов прибегали ребята в учительскую. Только те, ради кого мы очутились здесь, не приходили. Мы сами пошли в класс.

С нами была Вера Ивановна, классный руководитель шестого «Б», и ребята поднялись с парт, как всегда, когда входит учитель. Лариса и Сережа приветствовали всех пионерским салютом, как положено, когда отряд встречается с отрядом. Потом Лариса торжественно передала Тамаре Алиной, председателю отряда «Экипаж «ТУ-114», горн, который в знак дружбы дарил марковцам отряд имени Володи Дубинина.

Чувствовалось, что все это здесь не принято и кажется даже диким. Но Лариса и Сережа приехали сюда отстаивать свои пионерские убеждения и старались держаться так, как держались бы у себя в отряде.

Начался урок. Марковцы не хотели нас замечать. Девочки не поднимали глаз от парт, мальчики отвернулись и упрямо смотрели в окна. А Валера Верещагин даже прикрыл лицо рукой, словно отгородился от нас непроницаемой и неприступной стеной. Должно быть, ребят так часто упрекали и ругали, что они с обидой и горечью ждали, когда и мы станем их стыдить и читать нотации. И они всем своим видом старались подчеркнуть, что совсем не хуже других. И, если кто-то приехал их поучать, пусть знает: ничего не получится.

— Что будем делать? — тихо спросила у Сережи Лариса, когда началась перемена.

Сережа недоуменно пожал плечами.

Была суббота, уроки рано кончились. Девочки теперь отчужденно жались к стенам, а мальчики шумно что-то обсуждали и неестественно хохотали. Но из класса никто не уходил.

— Слушайте, — сказала Лариса. — Давайте все вместе пойдем в лес или к реке.

— А чего мы там не видели? — мгновенно отозвался Миша Тамбовцев, самый высокий из всех ребят.

Тут дверь отворилась, и в класс ввалился большой и нескладный парень. Ворот его кителя был расстегнут, брюки сильно помяты, а руки засунуты в оттопыренные карманы. Он глянул на Ларису и Сережу снисходительно и насмешливо и небрежно бросил мальчишкам:

Берега Анадыря Миша Тамбовцев снял специально для нас.

— Пошли, ребята, что ли?..

Это был Саша Мороз. Позже мы узнали, что в прошлом году он учился в этом классе и остался на второй год. А теперь вот пришел сюда повалять дурака, поиздеваться над «отличниками из Магадана». И все-таки было видно, что и ему любопытен наш приезд.

— Ну, пошли, — совсем не собираясь уходить, повторил он.

— Пошли, — независимо ответил Миша Тамбовцев.

И тотчас все мальчишки схватили свои портфели. Девочки смущенно переминались с ноги на ногу, не зная, на что решиться.

Наверное, случись такое дома, Лариса и Сережа давно бы обиделись и ушли. Никому не хочется навязывать свою дружбу. Но здесь, в Маркове, они были не просто Ларисой и Сережей. Они здесь были за весь отряд. И отряд, который незримо стоял за ними, давал им силу не уйти. Едва сдерживая слезы, Лариса крикнула:

— Мы столько ехали! На самолете к вам летели! Сидели, мерзли на аэродроме. А вы... вы... — она с трудом подыскивала слова, — вы не хотите даже показать нам свой поселок!

— А чего тут показывать? — искренне удивился Мороз. — Поселок как поселок.

— Вы тут выросли, — сказала Лариса. — А нам интересно.

Неожиданно ребята развеселились. Видно, им не приходило в голову, что кто-то может заинтересоваться их поселком. Мороз великодушно спросил у остальных:

— Покажем?

— Можно, — проговорил Тамбовцев и посмотрел на Верещагина.

Верещагин пожал плечами и стал натягивать свой кожаный шлем.

4

Мы шли вдоль реки по усыпанной мелкой галькой косе. Девочки стайкой окружили Ларису. Мы с Верой Ивановной немного отстали, чтобы не мешать. Но нам хорошо было слышно, как торопливо, перебивая друг друга, расспрашивали девочки Ларису про артековские традиции, про зону пионерского действия, про кукольный театр для малышей.

— У нас в Курске тоже так было, — со вздохом сказала Валя Кононова, девочка с золотистыми веснушками. — А здесь...

— А что здесь?

— Здесь с мальчишками не договоришься.

— Что они у вас, особенные? Одиннадцать человек всего в отряде! Шесть мальчишек...

— А что с ними сделаешь?..

Мальчишки бежали далеко впереди. Они неистово орали, подставляя друг другу подножки и обильно награждая тумаками. Сережка шагал один, пристально вглядываясь в зеркальную поверхность реки. Он проклинал себя за то, что не сумел найти общего языка с этими ребятами и кажется, наверное, смешным со стороны. Он который уж раз принимался придумывать, с чего бы ему начать, но так ничего и не придумал.

А мальчишки тем временем отвязали лодку

Марково в половодье (снимок из альбома В. Верещагина).

и быстро и уверенно переправились на тот берег. Мы видели, как ловко и метко они швыряли там камни, целясь в самую верхушку дерева, как прыгали через горки сложенной на берегу отнерестившейся кеты, как разожгли костер. И они знали, что мы это видим. А когда они повели обратно через реку легкую, верткую лодку, мы невольно остановились, чтобы посмотреть.

Ребята причалили к берегу. Сережа неожиданно для самого себя подошел к ним.

— Здорово у вас получается.

Мальчишки были явно польщены.

— Эта лодка называется каяк? — продолжил разговор Сережа.

— Эта лодка называется каяк, — с нарочитой вежливостью повторил Валера. — А вот это река. Она называется Анадырь. По ней можно плавать, если, конечно, умеешь...

Сережа разозлился:

— Ты думаешь, я городской, так плавать не умею? Да у нас, если хочешь знать, даже девчонки занимают первые места в спорте. Вот она, — он кивнул головой в сторону Ларисы, — привезла из Артека золотую медаль.

Как ни хотелось марковцам скрыть свое удивление, но любопытство взяло верх. Верещагин спросил:

— За что?

— Шестьдесят метров пробежала за девять секунд.

— Ничего, — оценил Миша Тамбовцев.

— Устроим заочные соревнования?

— Соревнования? — захохотал Верещагин. — С кем я буду соревноваться? С тобой? — И он ткнул пальцем в живот Сережке. — Да мы таких!..

— Не ори, — отстранил его Тамбовцев. — Видишь, с людьми разговариваем. То город, — сказал он наставительно Сереже, — а то тайга. Зимой пурга часто так метет, что с ног сбивает, тут не до соревнований. Еле до школы доберешься... Летом мошка...

— А спортивный зал на замке, — добавил Саша Тюменев. — Боятся, что мы поломаем что-нибудь...

— Вы бы пионервожатому сказали.

— Ой, не могу! — изображая приступ хохота, схватился за живот Валера Верещагин.

— Они все поразбежались, пионервожатые-то, — улыбнулся Тамбовцев. — У нас вожатого давно нет.

— Вы бы к директору пошли, — не отступал Сережа.

— Видали вы таких? К директору?! — пробурчал Верещагин.

— А что, побоялись?!

Разговор, к которому так стремились Лариса и Сережа, грозил перейти в ссору. И Лариса торопливо вмешалась:

— Говорят, ваш поселок триста лет существует? Говорят, будто купцы облюбовали это место и выменивали у местных охотников пушнину на водку и товары?..

— Говорят... — безразлично отозвался Миша.

— А интересно, кто из русских первым сюда пришел? Может, это не купец был, а старатель? Тут золото не искали?

Мальчишки растерялись. Всю жизнь многие из них прожили в поселке. И надо же, не задумались ни разу над такими простыми и интересными вещами.

— У вас нет красных следопытов?

И тут мы впервые заметили Славу Шевцова. Он шагнул вперед и спросил, стесняясь своего вопроса:

— Как это — красные следопыты?..

5

Нам все яснее становилось то, что происходит в Маркове. Мы поняли: никто в поселке не принимает всерьез ребят в красных галстуках. Даже учителя считают, что пионерские дела — забава: могут быть, а могут и не быть. Мы видели, что знамя, свернутое неряшливо, как тряпка, сиротливо ютится в углу учительской, горны и барабаны заброшены на шкафы

и покрылись пылью. А в спортивном кубке стоят осенние листья.

Постепенно ребята привыкли к этому. И пошло! Озорство за озорством, шалость за шалостью, двойка за двойкой. Быть хорошим стало стыдно. Над хорошими поступками, над отличными отметками насмехались. И никто уже не решался выступить против остальных. Девочка, которая написала в журнал письмо, тоже не решилась назвать свою фамилию. Лариса и Сережа должны были доказать, что все можно изменить.

Они пошли к директору школы Сергею Витальевичу, к бывшим пионервожатым Раисе Ивановне и Людмиле Андреевне, к учителям, к комсомольцам-старшеклассникам.

Вечером все, к кому приходили Лариса и Сережа, собрались в кабинете директора. Пришли еще коммунисты и комсомольцы из совхоза. Разговор был серьезный.

А утром в воскресенье, точно в назначенный час, мы увидели всех до единого ребят, собравшихся, чтобы отправиться, как условились накануне, в лес. Мы поверили, что приехали не зря. Все марковцы держались с нами просто, как со старыми знакомыми. Миша сообщил, что он, Валера и Саша Тюменев взяли с собой фотоаппараты и будут снимать для нас самые красивые виды. А Валера вытащил откуда-то из-за пазухи припрятанные специально для нас снимки из своего альбома.

Весь воскресный день мы провели вместе. Бродили по огненно-рыжему осеннему лесу, играли в салочки и в волейбол, спускались по крутому берегу к реке, любовались огромным, низким, словно присевшим на сопке, солнцем, устраивали кучу малу, разжигали костер, пели песни, читали журнал «Пионер», которому были обязаны своим знакомством.

Этот снимок Миша Тамбовцев сделал во время нашей прогулки в лесу.

У всех было чудесное настроение. Лариса и Сережа не говорили больше о делах. Но во всех своих словах и поступках оставались верными себе. У костра Сережа сел с девочками, а когда кто-то назвал одну из них Кабанихой, сказал:

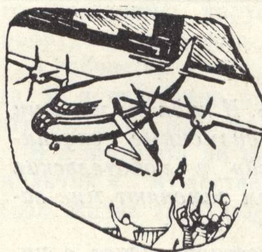
— Не смей! Ты же знаешь, ее зовут Галя...

Когда Витя Бортников разошелся и начал направо и налево раздавать всем тумаки и при этом неистово орать, Лариса предупредила:

— Сам получишь. И не кричи, мы не глухие. Если тебе есть что сказать, мы и так услышим.

Может быть, это мелочи и не стоило бы о них рассказывать, если бы они не помогали главному. А главным было то, что Лариса и Сережа приоткрыли для марковских ребят дверь в другой мир.

6

С моторов нашего «АН-10» сняли чехлы. К самолету повезли трап. И тут мы увидели двоих ребят, бежавших к нам. Это были Слава Шевцов и Витя Теренин. Без всяких предисловий, задыхаясь от быстрого бега, они попросили Ларису:

— Покажи золотую медаль.

Лариса раскрыла чемоданчик и вытащила не одну — все три медали: за спортивные успехи, за участие в конкурсе юных талантов, за победу в артековской игре «Снайпер».

— Ты смотри!..— не отрывая глаз от наград, медленно и восхищенно проговорил Витя.— Одна серебряная, две золотые...

— А как ты попала в Артек? — спросил Витя.

— Наш отряд победил в соревновании.

— Ты ездил? — повернулся к Сереже Слава.

— Нет,— сказал Сережа,— у нас с этим строго, несколько дней решали и меня не выбрали.

— Вот мы с Витькой решили...— Слава торопился.— Историю поселка собирать станем... Не знаю, выйдет ли, нет... Вообще-то интересно.

— Конечно, выйдет,— сказала Лариса.— У вас выйдет и у других ребят. Смотрите, Тамбовцев организует фотолюбителей. Можно поехать к охотникам, к оленеводам, в совхоз, на звероферму, снять, как они живут, как работа-

ют, рассказать об этом в клубе. Здорово, правда? Валера Верещагин может спортивную секцию создать. Девочки кукольный театр организовать хотели...

Нас уже торопили.

— Мы еще... — Слава понизил голос, — монеты собираем. Давно собираем. Только не все знаем, как расшифровать. Вот на некоторых стоят три буквы — СПБ. Что это значит? Мы думаем: Святой Петр Благородный. Правильно?..

Лариса и Сережа не знали.

— Неправильно, — сказала я. — СПБ значит Санкт-Петербург. Так раньше назывался Ленинград. Вы знаете, конечно...

— Это знаем, — ответил Слава.

— Ну, а чего не будете знать, напишите...

Мы поднялись по трапу и огляделись вокруг. Сопки вдали хорошо были видны. Они были ярко-синие.

И здесь, у этих синих гор, оставались наши друзья, с которыми нам было грустно расставаться.

— Пишите нам! — крикнула вниз Лариса.

— Напи-и-шем! — отозвалось снизу.

СНЯТО НА ХОДУ

Яков **ХЕЛЕМСКИЙ**

Я люблю путешествовать. И куда бы меня ни занесло, всегда со мной неизменные спутники — фотоаппарат «Зоркий» и любительская кинокамера. Они во многом заменяют мне записную книжку.

Удачная фотография восстанавливает в памяти утраченные подробности. Иногда она даже может заново рассказать о том, что ты видел, но успел позабыть.

Вот несколько фотографий-рассказов о ребятах разных стран, где мне случилось побывать.

Снимки, как правило, сделаны на ходу, в спешке, не всегда удавалось поговорить с теми, кто встретился на улице, узнать их имена.

Вас может удивить, почему я предлагаю вашему вниманию прежде всего эту фотографию, на первый взгляд неинтересную, даже безлюдную.

Малопримечательный дом, ограда, объявление на двух столбах..

Но если прочитать объявление, перевести его с французского на русский... Впрочем, к объявлению мы вернемся позже.

Эту фотографию я сделал в парижском предместье Витри, на улице Шуази.

«Красным поясом» Парижа называют во Франции рабочие пригороды столицы, где на муниципальных выборах много лет подряд побеждают коммунисты.

Витри отдает голоса кандидатам коммунистической партии уже четверть века. И они, руководя городским самоуправлением, делают все возможное, чтобы в условиях капитали-

стической страны хоть немного улучшить жизнь трудящихся.

За последние годы здесь выстроены сравнительно дешевые дома для рабочих, детский сад, поликлиника, дом для престарелых.

Даже названия улиц в Витри говорят о многом. Одна носит имя Анри Барбюса, другая — героя Сопротивления полковника Фабьена. Городскому парку присвоено имя Фредерика Жолио-Кюри.

И вот, бродя по Витри, я увидел ограду, за которой росли ветвистые платаны. Плакат оповещал о том, что в следующее воскресенье, 21 октября, в 3 часа дня, здесь генеральный секретарь Коммунистической партии Франции, депутат парламента от округа Иври — Витри товарищ Морис Торез откроет новый городской парк для ребят и детский сад имени Даниеля Фери.

Кто же такой Даниель Фери, чье имя стоит в одном ряду с именами лучших сынов Франции?

В феврале 1962 года трудящиеся Парижа провели в столице мощную антифашистскую демонстрацию, направленную против террора бандитов из ОАС.

Полиция открыла огонь. Это было на площади Бастилии. Старые камни исторической площади окрасились кровью. Погибло восемь человек. В том числе Даниель Фери — пятнадцатилетний сын рабочего.

Весь Париж хоронил павших. Этот день стал днем национального траура. Гневные и скорбные колонны провожали героев на кладбище Пер-Лашез.

И вот трудящиеся Витри в память об одном из них — юном Даниеле Фери — решили открыть детский парк его имени.

С земельными участками в Витри трудно. Мэр предместья Клеман Перо, один из старейших коммунистов Франции, рассказал нам, что рабочие предприятия, выпускающего пишущие машинки, предложили уступить небольшую часть фабричной территории, чтобы на ней разбить парк и построить детский сад.

Администрация не посмела возразить рабочим.

Когда я был в Витри, в новом парке заканчивались строительные работы, разбивались игровые площадки, устраивались грибки, качели, песочницы, карусели. Парк невелик, но оборудован любовно.

А сейчас он уже давно распахнул свои ворота. И я отчетливо представляю себе, как там играют дети рабочих парижского пригорода.

И с портрета на них смотрит большеглазый мальчик с мужественным лицом, отдавший свою жизнь за будущее Франции.

Эти ребята сфотографированы в знойный февральский день.

Да, да, знойный февральский. И пусть вас не удивляет сочетание этих двух слов. Ведь снимок сделан в Гвинее. В Москве мела метель, а здесь температура превышала тридцать пять градусов. И влажность воздуха достигала 95 процентов.

Одежда на нас была мокрой, липкой. Дышать было нелегко, а на солнцепеке долго оставаться было невозможно.

Но мальчики из деревни Койя, выросшие в земляных хижинах, крытых тростником и пальмовыми листьями, чувствовали себя отлично. Они привыкли к отвесным тропическим лучам, к влажной жаре и вовсе не собирались прятаться в тень манговых деревьев и гигантских сейб. Они без устали носились взапуски по солнечной стороне базарной площади. И,

что самое удивительное, пот не проступал на их черной коже, а жесткие волосы оставались сухими.

Не поражали ребят и окружающие их чудеса. А ведь играли они невдалеке от базарных рядов, где всеми цветами радуги пылали дары африканской земли: багровые апельсины, только что снятые с ветки, плоды папайи и манго, колючие ананасы, бананы, бататы, маниоки. Равнодушно смотрели мальчишки на огромную рыбу-пилу и диковинных моллюсков, продававшихся в рыбном ряду. Прекрасные фигурки из черного дерева, посуда, выдолбленная из африканской тыквы, сушеная шкура крокодила... Многое из этого было для них недоступно. Но к такому зрелищу они привыкли.

Когда добрый десяток объективов нацелился на них, они остановились и охотно стали фотографироваться, а потом тот мальчуган, что снят посреди, с потрясающей ловкостью вскарабкался на высоченный, совершенно гладкий ствол пальмы, чтобы сбросить с ее вершины несколько кокосовых орехов для советских гостей.

Пожелаем этим ребятам и всем их сверстникам в Гвинее, ныне идущей по пути независимости, чтобы им жилось хорошо, чтобы все они были здоровы, могли учиться, чтобы годы их были долгими, свободными и счастливыми.

А это их ровесница из Туниса. Она живет в столице своей страны, но в старой части города — в Медине, в бедном квартале мелких ремесленников: чеканщиков, гончаров, кожевников, красильщиков. Здесь вся жизнь протекает на улице.

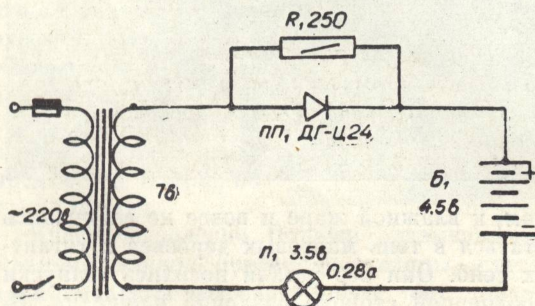

Маленькая туниска была настроена очень серьезно, смотрела в объектив без улыбки. Потертое платьишко, дешевый браслетик на маленькой смуглой руке.

В этот квартал туристы забредают редко, и девочка не привыкла позировать.

Страна, где она живет, несколько лет назад стала независимой. И хочется верить, что девочка эта не всегда будет жить в нищем квартале. И улыбка появится на ее лице. Не потому, что она будет изображать веселость перед фотоаппаратом туриста. А потому, что жизнь у нее будет такой, какую заслуживают все честные люди на земле, а тем более дети.

Как восстановить батарейку

Наверно, все знают, как быстро изнашиваются батарейки от карманных фонариков. Ребята из кружка электроники Магаданской областной станции юных техников придумали остроумный прибор.

Оказывается, использованную батарейку можно восстановить.. Вот схема прибора, который возвращает к жизни батарейки типа «КБС-Л-05». Прибор включается в сеть, и батарейка «заряжается». Правда, восстановить таким образом совершенно высохшие батарейки и те, у которых повреждены цинковые стаканчики, не удается.

Магаданцы известны не только этим изобретением; они авторы многих замечательных приборов, давно уже применяемых на предприятиях города.

Удивительнее вымысла

По этому поводу студенты-археологи сочинили целую поэму, которая начиналась так:

Как при третьем при Иване
Мылся раз боярин в бане...

Звали боярина Иван Корова. Прежде чем начать мыться, Иван Корова, конечно, разделся и даже снял с шеи маленькую костяную печать, которую прикладывал к листам пергамента, когда нужно ему было поставить подпись. И вдруг раздался страшный шум, крики, звон колоколов. Перепуганный боярин, накинув на себя кое-какую одежонку, выскочил на улицу и увидел, что вся центральная часть Москвы горит!..

Это случилось в 9 часов вечера 31 мая 1468 года. В ту ночь дотла сгорела большая часть русской столицы.

Откуда это известно? Во-первых, в летописях XV века описано такое ужасное происшествие, как пожар Москвы.

Кроме того, при раскопках в Зарядье были найдены следы огромного пожара: обугленные бревна, обломки разных вещей и среди них маленькая костяная печатка, в суматохе потерянная боярином Коровой...

Удивительная эта наука—археология!.. Кстати, ученые-археологи просто обижаются, когда несведущие люди спрашивают их, какие, мол, им попались клады. Археологу не нужны слитки серебра или золота, которые иногда попадаются в кубышках, спрятанных много лет назад жадными богачами или удачливыми разбойниками. Зато какая-нибудь костяная печатка или обломок горшка, разбитого полтыщи лет назад и выброшенного за ненадобностью, или кусок бересты, заменявшей в давние времена бумагу, помогает ему увидеть так ярко, словно он и сам жил тогда, жизнь людей далекого времени.

Вы слыхали о «шапке Мономаха»? Летописцы утверждали, что она была подарена Владимиру Мономаху его дедом, византийским императором.

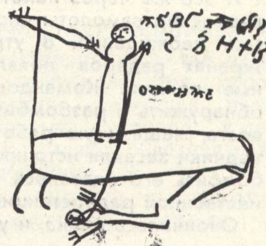

Рисунок из берестяной тетрадки новгородского мальчика.

Это было очень важное утверждение. Оно означало, что власть русских царей происходит от знаменитого римского императора Августа: мол, русская империя — «третий Рим». Но вот историки обратили внимание на форму шапки — она необычна для изделий римских или византийских ювелиров. А потом, во время раскопок древнего городища, Тушкова городка, была найдена бляха, оторвавшаяся с конской сбруи. На ней был точно такой же рисунок, как на царском венце... Ученые выяснили, что «Мономахова шапка» совсем не Мономахова и попала в Россию не из Византии. И что русские цари должны были краснеть от позора, надевая этот головной убор...

Почему?.. Если хотите узнать, то прочитайте книжку, недавно вышедшую в Государственном издательстве детской литературы. Она называется «Судьбы вещей». Книжку написал ученый-археолог М. Г. Рабинович.

Б. ВОЛОДИН

Кому написал Боря Егоров

Здравствуй, дорогой Захар!

Как ты поживаешь? Не было ли у тебя снова таких случаев, как «Уругвайское солнце» или «Остров Захара Загадкина»? По-моему, ты зря послушался кока и не дописал свои воспоминания. А они мне очень понравились. И хотя я только один раз видел море, оно мне так полюбилось, что я был бы согласен плавать на буксире. Учусь я ничего, вот только надо исправить две четверки.

Захар, исполни, пожалуйста, мою просьбу: пришли мне учебник для матросов. Уверяю тебя, это не помешает учебе. До свидания. Жду скорого ответа.

Жму руку. Борис Егоров.

Мой адрес: Москва, Ж-263, ул. 7, д. 7, кор. 2, кв. 28. А если можно, то с книгой пришли свою фотографию.

Как вы думаете, получит Борис фотографию? (Ответить на этот вопрос вы сможете только в одном случае: если разыщете и прочитаете книгу, герою которой адресовано письмо.)

Небесные радиостанции

Случилось это во время второй мировой войны. Фашистские самолеты безнаказанно совершали налеты на Англию до тех пор, пока ученые не изобрели радары, способные обнаруживать самолеты врага задолго до их появления над страной.

И все же через некоторое время гитлеровские самолеты снова стали прилетать неожиданно. В утренние часы на экранах радаров появлялись непонятные помехи. Командование приказало обнаружить и разбомбить радиостанцию врага, мешающую работе радаров. Разведчики засекли источник помех, но разбомбить его оказалось невозможно. Таинственной радиостанцией было Солнце.

Окончилась война, и ученые заинтересовались радиосигналами, приходившими из космоса. Родилась новая наука — радиоастрономия. Перед человечеством раскрылся мир космоса, посылающего радиосигналы. Солнце, звезды, Луна, планеты, кометы, туманности — все они оказались мощными небесными радиостанциями.

О новейших достижениях радиоастрономии и о будущем этой молодой науки рассказывает книга **Ф. Ю. Зигеля «Радиоволны из космоса»**. Советуем начать с этой книги свое знакомство с радиоастрономией.

К. ПОРЦЕВСКИЙ,
руководитель астрономического кружка Московского планетария

Радиолюбители-новички!

Совет радиоклуба Дворца пионеров г. Москвы рекомендует вам книгу Р. СВОРЕНЯ «ШАГ ЗА ШАГОМ».

Вот что рассказывает об этой книге член Совета клуба Коля Домбковский:

Ребятам, которые сейчас идут в радиолюбители, просто повезло. Дело в том, что начали появляться хорошие книги по радиотехнике. А ведь как было раньше: хочется сделать приемник, а знаний не хватает. В шестом или седьмом классе ни электротехнику, ни радиотехнику не проходят. А «Курс радиотехники» или серию «Массовой радиобиблиотеки» разве осилить новичку! Вот и приходилось работать вслепую. Разыщешь по журналам описание схемы — и сразу за монтаж. Так и я работал, и многие мои товарищи. А когда мы приходили в кружки, надо было заново переучиваться, начинать с основных понятий радиотехники.

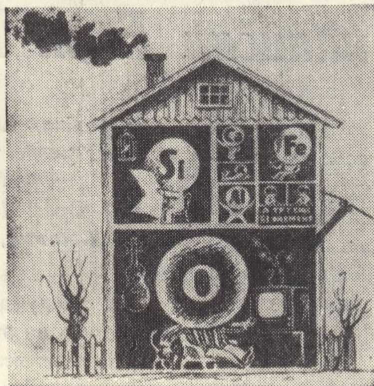
Теперь другое дело. Возьмет новичок книжку Своренк и найдет здесь все необходимые сведения. «Шаг за шагом» будет он проникать в тайны науки радиотехники, начиная с простейшего детекторного приемника и кончая принципами работы суперодина.

Запятая движется вправо

В 1889 году в Лондоне Дмитрию Ивановичу Менделееву коллеги поднесли весы, одна чашка которых была сделана из золота, а вторая из алюминия. И, конечно, не случайно сделали великому химику такой подарок. Алюминий был в то время драгоценнейшим металлом, а весы—главным инструментом химика.

Без преувеличения можно сказать, что именно весы сделали химию наукой. Они дали химии точность анализа, позволили вывести первые химические законы. Со временем на помощь весам пришли другие методы, но борьба за точность анализа и сегодня — первая забота химиков.

Вот об этом, о том, как шаг за шагом химики раздвигали пределы точности, как слева направо двигалась запятая в десятичных знаках химических измерений, написал интересную книжку **Юрий Фиалков.** Книжка эта называется **«Девятый знак».**

Девятый знак после запятой, одна миллиардная доля грамма... Такую крупицу вещества не разглядишь даже в самый сильный микроскоп, а она может стать могучим другом или страшным врагом человека.

Тысячная часть грамма вещества, попавшая в ведро раствора, может совершенно изменить его свойства. Миллионная доля посторонней примеси обесценивает волшебное зернышко полупроводника...

Заметить эту мельчайшую долю, «поймать» ее, выделить, изучить — нелегкое дело, но без этой кропотливой возни с чудовищно малыми долями вещества не сделала бы химия своих сегодняшних великих дел.

А. НЕКРАСОВ

Фантастический зверинец

Этот «зверинец» устроили члены Клуба любителей научной фантастики. Они стали собирать самые интересные описания животных, выдуманных фантастами.

Вот некоторые из этих описаний.

«Птицы! Светящиеся птицы! Еще одна и еще... Три сразу! Мелькнули — и нет... Успел увидеть: голова круглая, толстое туловище. Крылышки маленькие, трепещут. Пожалуй, похожи на наших летучих рыбок...»

Г. Гуревич «ИНФРА ДРАКОНА».

«Представляете себе современного носорога, но только втрое больше. Вместо голой панцирной кожи, собранной в частые сборки, на нем висит — от мощного лба до начала короткого, не по росту, хвоста — жесткая, черно-коричневая шерсть, слежавшаяся в комья, длинная и грязная.

Голова равна чуть ли не трети всей туши. Огромная пасть, в которой вполне мог бы поместиться баран, была приспособлена, судя по набору плоских и острых резцов, для поглощения любой пищи — от корней до живого мяса».

Вяч. Пальмин «КРАТЕР ЭРШОТА».

«...Неведомое существо было двуногим; его почти шаровидное тело опиралось на треножник, состоявший из двух лягушачьих лап и длинного толстого хвоста, а передние конечности — такая же карикатура на человеческие руки, как лапки лягушки,— держали длинное костяное древко с медным наконечником. Существо было двухцветным: голова, руки и ноги лиловые, а кожа, висевшая свободно, как одежда, жемчужно-серая».

Г. Уэллс «ИГРОК В КРОКЕТ».

«Она валялась на склоне холма, прямая, как палка, покрытая рыжей жесткой щетиной. От хвоста к голове она расширялась, словно воронка, и Юра разглядывал ее пасть, чувствуя, как по спине ползет холодок. Пасть была совершенно круглая, в полметра диаметром, усаженная большими плоскими треугольными зубами...»

А. и Б. Стругацкие «СТАЖЕРЫ».

«Над отливающей синью плитой ископаемой смолы встал, подымаясь откуда-то из ее черной глубины, гигантский зелено-серый призрак. Громадный динозавр стоял неподвижно в воздухе над верхним краем скалистого обрыва, вздыбившись на десять метров над головами остолбеневших людей».

И. Ефремов «ТЕНЬ МИНУВШЕГО».

«...У мегатерия мясистая морда и отвислая нижняя губа... огромная, длинная, слюнявая пасть, морда покрыта щетиной; у него крохотные глазки, обведенные розовым ободком».

Г. Уэллс «МИСТЕР БЛЕТСУОРСИ НА ОСТРОВЕ РЕМПОЛ».

Члены клуба приглашают всех, кто любит научную фантастику, присоединиться к их работе. Есть и другие темы: «Научная фантастика о городах будущего», «Научная фантастика о покорении морских глубин», «Научная фантастика о разумных существах на других планетах». Присылайте свои выписки по адресу: Москва, ул. Горького, 43, Дом детской книги, Клуб любителей научной фантастики.

Изобретение стучится в дверь

Когда сто двадцать лет тому назад было решено построить железную дорогу из Петербурга в Москву, в одном из журналов появилась статья.

«Построить такую дорогу совершенно невозможно, очевидно, бесполезно и во всяком случае невыгодно»,— утверждал автор.

Сегодня читать это смешно. Но в начале прошлого века первым паровозам приходилось в упорной борьбе отстаивать свое право на существование. Помещики не желали, чтобы через их владения проходил рельсовый путь. Хозяева извозчичьих дворов кричали, что ненужное новшество разорит крестьян и оставит страну без лошадей. Попы проклинали тех, кто решится пользоваться дьявольским наваждением.

Не легче была и судьба первых автобусов. Английский парламент издал в те годы строгий закон: двигаться разрешается не быстрее четырех километров в час. И притом перед каждым автобусом должен бежать человек с красным флагом и предупреждать прохожих о грозящей им опасности».

С таким трудом пробивали себе дорогу многие изобретения.

Если бы кто-нибудь стал рассказывать хотя бы современникам Пушкина, что можно позавтракать в Москве, а поужинать во Владивостоке или, не выходя из дому, смотреть, как Лев Яшин отбивает мячи на римском стадионе, что инженеры забросили металлический мячик прямо на Луну, а в полярных льдах ходит могучий корабль, тратящий две горсти топлива в месяц,— такого человека, наверно, сочли бы сумасшедшим или лжецом. Нынешних же ребят все это нисколько не удивляет. Мы уже привыкли, что не проходит и года без новых удивительных открытий и изобретений.

Но разве не интересно узнать, как появились некоторые самые важные изобретения?

Разве не интересно познакомиться с историей изобретений?

Кто, например, первый открыл способ печатать книги? Как выглядела первая подводная лодка? Где была построена первая паровая машина? Кто догадался надеть на колеса велосипеда резиновые калоши?

Обо всем этом можно узнать из интересной книжки **Александра Ивича «Приключения изобретений»**, изданной Детгизом.

А. ДОРОХОВ

Вот и раскрылась наша шахматная страница. А где же Пешкин? Опять опаздывает... Что ты там делаешь, Пешкин, тебя ведь ждут ребята! Разбираешь партию? Кто же ее играл? Кто-кто? Шах Термеза со своим шутом... Что же это за партия?

Пешкин, оказывается, увлекся стихами знаменитого поэта арабского Востока Джалаладдина Руми, жившего семьсот лет назад. Особенно понравилась Пешкину история

О ТОМ, КАК ШАХ ТЕРМЕЗА ПОЛУЧИЛ МАТ ОТ ШУТА

Шах в шахматы с шутом своим играл,
Мат получил и гневом запылал.
Взяв горсть фигур, шута он по лбу хвать,
«Вот шах тебе! Вот — мат! Учись играть!
Ферзем куда не надо не ходи!»
А шут: «Сдаюсь, владыка, пощади!».
Шах молвил: «Снова партию начнем».
А шут дрожал, как голый под дождем.
Сыграли быстро. Шаху снова мат.
Шут подхватил заплатанный халат;
Под шесть тяжелых, толстых одеял
Забился, притаился и молчал.
«Эй, где ты там?» — шах закричал в сердцах.
А шут ему: «О справедливый шах,
Чтоб перед шахом правду говорить,
Надежно надо голову прикрыть.
Мат получил ты от меня опять,
Теперь твой ход — и мне несдобровать».

И вот решил Пешкин показать на шахматной доске, как развивались события в первой партии. Смотрите, что у него получилось.

1. e2 — e4 b7 — b6 2. d2 — d4 Сc8 — b7 3. Сf1 — d3 f7 — f5 4. e4 : f5 Сb7 : g2 5. Фd1 — h5 + g7 — g6 6. f5 : g6 Кg8 — f6 7. g6 : h7 + Кf6 : h5 8. Сd3 — g6 ×.

Быстро и красиво разгромил шут злобного владыку. Понравилась ли вам, ребята, партия, составленная Пешкиным?

Попробуйте и сами составить партию между шахом и шутом. Пришлите эту партию нам.

ПИСЬМО САЛМАНА УСМАНОВА

«Я уже четыре года занимаюсь шахматами,— пишет **Салман Усманов** из школы-интерната Комсомольского района Кустанайской области.— Меня научили играть старшие ребята, а теперь и я учу новичков.

У нас в интернате есть шахматная секция. Мы сами ее организовали. Проводим соревнования. Судьей выбрали меня. Хочу спросить: какие главные обязанности судьи?»

На вопросы Салмана Усманова захотел ответить Пешкин.

ПЕШКИН — СУДЬЯ

Эх, Пешкин, Пешкин! Все ты перепутал! Шахматный турнир не футбольный матч. Здесь судье свисток не нужен. Взялся отвечать на вопросы, а сам не знаешь, что тебе делать. Послушай и запомни.

Прежде всего судья должен составить расписание игры по дням. Надо следить за тем, чтобы игра велась точно по правилам. Нельзя брать ходы обратно: взялся за фигуру или пешку — и ходи.

На турнире должен быть порядок. Надо следить за тем, чтобы зрители не шумели, не мешали обдумывать ходы.

Не разрешай играть несколько турнирных партий в один день. Ведь для чего проводятся соревнования? Чтобы ребята тренировались, учились, осваивали теорию. А если играть торопясь, не вдумываясь, то и пользы никакой не будет.

Объясни ребятам, что нельзя выбывать из турнира. А то бывает так: начнут играть много ребят, а потом те, кто потерпел поражение, не хотят продолжать соревнование. Так было, например, в школе села Давыдовка Полтавской области. Начали «сражаться» 27 шахматистов, а к финишу пришло совсем немного. Те, кто перестал участвовать в турнире, и сами не получили спортивный разряд и товарищам помешали. Об этом нам написал ученик седьмого класса **Саша Яресько.**

А когда закончится турнир, надо заверить таблицу результатов в школе и послать в Совет спортивных обществ и организаций. Там ребятам присвоят спортивные разряды.

Это очень важно, но не всегда делается. Хорошо организовали соревнования ребята из деревни Пучин Брагинского района Гомельской области. Провели турниры по улицам деревни, а потом

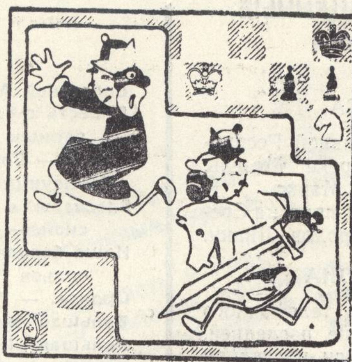
сорок шахматистов-победителей оспаривали звание чемпиона деревни.

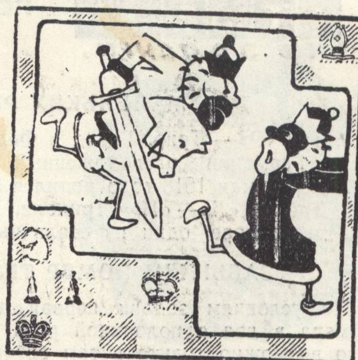
Победил **Володя Кубарь.** Награждаем тебя, Володя, грамотой «Ферзя и ладьи». Послали ли вы таблицы ваших деревенских турниров в Гомельскую областную шахматную секцию? Надо, чтобы все участники турниров получили спортивные разряды.

НОВЫЙ КОНКУРС ПЕШКИНА

А теперь приглашаем вас принять участие в новом конкурсе. В конкурс входят две задачи и одна смешная позиция. Во всех заданиях белые начинают игру.

ВВЕРХ И ВНИЗ

Посмотрите, как быстро бежит черный король вверх по шахматной доске. Но не уйти ему от погони.

В этом положении белые дают мат в три хода черному королю.

Что это? Опять такая же позиция? Снова мчится черный король, теперь уже вниз, к первой горизонтали. Но и на этот раз не укрыться ему в тихой гавани.

Удивительная все-таки игра шахматы! Сколько в этой игре интересных возможностей! И здесь мат достигается в три хода, но совсем другим путем.

КОРОЛЬ И КОНИ

И, наконец, необычная позиция, которую мы предлагаем вам оценить. Надо дать ответ на такой вопрос: могут ли белые здесь избежать поражения?

Конечно, ваш ответ должен быть подкреплен точными вариантами.

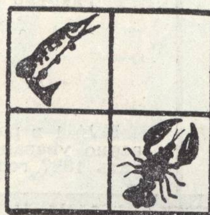
Ребят, которые правильно ответят на все задания, опубликованные в этом номере, мы наградим грамотами «Ферзя и ладьи».

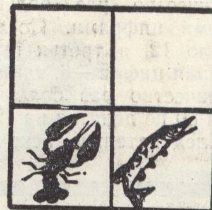
ЛЕБЕДЬ, РАК И ЩУКА

В популярной басне Крылова рассказывается о том, как Лебедь, Рак да Щука взялись везти воз с поклажей. Ничего из их затеи не вышло, так как Лебедь рвался в облака, Рак пятился назад, Щука тянула в воду — и воз ни с места!

В клетках квадратов нарисованы персонажи из этой басни. Попробуй из всех пяти квадратов составить одну 20-клеточную фигуру, но такую, чтобы ее можно было разделить на четыре части, равные по величине и одинаковые по форме, и чтобы в каждой из четырех частей фигуры оказались все три героя басни — Лебедь, Рак и Щука.

ОТВЕТЫ на задачи, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 1

ДВА МАЛЕНЬКИХ РЕБУСА

1. Три «Р» — **Трир.** Город в Федеративной Республике Германии, расположенный на реке Мозель. В Трире 5 мая 1818 года родился Карл Маркс.

2. Три по «Л»— «И»=**Триполи.** Город-порт на Средиземном море, один из столичных городов Ливии.

ЗАБЫТЫЙ НОМЕР ТЕЛЕФОНА

По условиям задачи первая цифра телефонного номера в два с половиной раза больше последней. Это возможно только в том случае, если последняя цифра —2, а первая —5. Действительно, если бы последняя цифра была равна нулю, то и первая была бы равна нулю, но по условию все цифры в номере должны быть разные; если бы последняя цифра была равна 1 или 3, то первая цифра оказалась бы с дробью. Последняя цифра не может быть равна 4, так как тогда на месте первой цифры оказалось бы двузначное число. Итак, мы определили первую (5) и последнюю (2) цифры искомого номера.

Из условия задачи известно, что число, выраженное второй и третьей цифрами, в сколько-то раз больше первой цифры. Вспомним, что любое число, которое в несколько раз больше 5, оканчивается либо на 5, либо на 0. Таким образом, третья цифра телефона может быть только 0, поскольку первая цифра —5.

Теперь легко определить предпоследнюю цифру номера: она равна 1. Действительно, она не может равняться 0 или 2 (эти значения мы уже имеем) и не может равняться 3, так как по условиям задачи место буквенного индекса соответствует на телефонном диске цифре, которая в числовом выражении в три раза больше суммы двух последних цифр. Если бы предпоследняя цифра равнялась 3, то сумма последних двух цифр составила бы число 5, а место буквенного индекса соответствовало бы числу 15, которого нет на телефонном диске. Следовательно, предпоследняя цифра —1, сумма двух последних цифр —3, а место буквенного индекса соответствует цифре 9 (буква К).

Остается найти вторую цифру номера. Она может быть любой не использованной еще нами цифрой —3, 4, 6, 7 или 8. Но по условию задачи число, выраженное второй и третьей цифрами, в какое-то количество раз больше выраженного последними двумя цифрами. Последние две цифры выражают число 12, а третья цифра —0. Отсюда следует, что вторая цифра —6, так как только число 60 в какое-то количество раз больше числа 12; числа 30, 40, 70 или 80 не делятся на 12.

Следовательно, искомый номер телефона: К 5-60-12.

Содержание

ПОПРАВКА

В № 1 в рассказе Е. Мара «Золотая медаль» неверно указана дата. Вместо 1897 год следует читать 1887 год.

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**
Художественный редактор **П. И. Кузьмичев.**
Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко** (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, А. Н. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются. Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 00309. Подписано к печати 16/I 1964 г. Тираж 560 000 экз. Изд. № 182. Заказ № 3035.

Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!

К весенне-летнему спортивному сезону заблаговременно покупайте нужные вам спортивные игры и спортинвентарь.

На базах Посылторга можно заказать и получить по почте рюкзаки, спортивные сумки, палатки, покрышки и камеры для волейбольных и футбольных мячей, игры бадминтон и настольный теннис, снаряжение для подводного плавания и охоты, велосипеды, роликовые коньки, рыболовные снасти и принадлежности, наборы заготовок для летающих и плавающих моделей.

Полный перечень спортивных товаров, высылаемых базами Посылторга, их стоимость и условия пересылки вы найдете в прейскуранте Посылторга «Товары — почтой», который есть во всех почтовых отделениях.

Посылторг
Министерства торговли РСФСР

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Рисунок Ю. Узбякова.

ХОРОШО В ЛЕСУ
ЗИМОЙ!
— ЭЙ, РЕБЯТА,
КТО СО МНОЙ?!
ПРЯМО С КРУЧИ
МЧАТСЯ ВНИЗ
СМЕЛЫЕ СПОРТСМЕНЫ.

И ЗА ЭТО
ЖДЕТ ИХ ПРИЗ
НЕОБЫКНОВЕННЫЙ.
ВДРУГ —
ХЛОП!
И В СУГРОБ,—
НЕ БЕДА!..

— ЭЙ! ДРУГ!
ШАПКА ГДЕ?
— ЕРУНДА!
НУ, А ТЫ, ОТВЕЧАЙ,
ХОЧЕШЬ В ЛЕС?
В НЕМ ПОЛНО
РАСЧУДЕСНЫХ ЧУДЕС!